

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Предисловие.

Введение

Глава 1. Возникновение версии о заговоре

Глава 2. Игаль Амира готовят к убийству

Глава 3. Преступления и сделки

Глава 4. Телевидение как политический инструмент

Глава 5. Каким образом ШАБАК мог упустить Амира из виду?

Глава 6. Предыдущая провокация

Глава 7. Гилон, Кало и другие

Глава 8. Неиспользованный план

Глава 9. Фильм Кемплера

Глава 10. Заговор начинает распутываться

Глава 11. Лея Рабин в вечер убийства

Глава 12. Экспертное заключение Баруха Гладштейна

Глава 13. "Праведный суд"

Глава 14. Йорам Рубин, лжец

Глава 15. Говорит Игаль Амир

Глава 16. Обструкция дает мне новых свидетелей

Глава 17. Параллельное расследование

Глава 18. Пистолет

Глава 19. Ранение в грудь

Глава 20. Очевидец покушения

Глава 21. Различные загадки

Глава 22. Преступники

Глава 23. Недостающие звенья цепи

[Эпилог.](#)

Дополнение:

[Прыгающий раненый, А. Лорд](#)

[Новое об «Убийстве Рабина», М. Бронштейн](#)

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- [ИСТОРИЯ СИОНИЗМА В ИЗРАНЕТЕ](#) Обзор Анны Фейн
- [ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ: ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО](#)
- [ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ: ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ \(ALTENEULAND\)](#)
- [Н. Арарат, Еврейство и сионизм](#) Учебник от [Judaicaru](#)
- [Зеев Жаботинский. СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ](#)
- [Зеев Жаботинский, Повесть моих дней](#)
- [Зеев Жаботинский, Слово о полку](#)
- [ИСТОРИЯ СИОНИЗМА](#) от Еврейского Агенства
- [ИЦХАК МАОР, СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ](#)
- [История Израиля](#) от сайта "Израиль для вас"
- [Леон Урис, "Экходус"](#)
- [ХАНА СЕНЕШ, Ее жизнь, миссия и героическая смерть.](#)
- [Операция "Свадьба"](#)
- [Рина Неер, Улицы хранят память](#)

ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

- [М. Ларкин, ШЕСТЬ ДНЕЙ ЯД - МОРДЕХАЯ](#)
- [Зеев Гейзель, Политические структуры государства Израиль](#) от центра им. р. Дж. Лукштейна
- [АhАВАТ ИСРАЭЛЬ!](#)
- [Голда Меир, Моя жизнь](#)
- [Моше Даян, Жить с Библией](#)
- [Б. Нетаниягу, Место под солнцем.](#)
- [Ш. Кац, Земля раздора](#)

- [Ливанская война - 2006 год. Подборка материалов.](#)
- [Ури Дан, Операция Энтеббе](#)
- [Ицхак Шамир](#)
- [Б. Хамиш, Кто убил Рабина](#)

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И СИОНИЗМ

- [Хафец Хаим, Открою уста притче](#)
- [АВРААМ-ИЦХАК ГА-КОГЕН КУК](#)
- [рав Меир Кахане](#)
- [Мартин Бубер](#)

АНТИСИОНИЗМ

- [И. Шахак, "Еврейская история, еврейская религия", тяжесть трех тысяч лет](#)

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Предисловие

Многочисленные свидетели подтверждают, что они видели и слышали, как агент ШАБАКА Авишай Равив провоцировал Игаля Амира на убийство Ицхака Рабина. Из всех действительных или мнимых активистов ЭЯЛа ШАБАК выбрал именно Игаля Амира, и, сконцентрировав на нем свои усилия, развернул тщательную кампанию психологического давления.

ШАБАК имеет большой опыт в психологической войне и вербовке агентов. По каким-то причинам выбор пал на Игаля Амира. Следует признать, что выбор Амира для отведенной ему роли был удачным. Немногие люди способны пойти на убийство, даже когда их неустанно подталкивают к этому. Каким-то образом ШАБАК знал, что Амир подходит для этой задачи.

Весну и лето 1992 года Амир провел в Риге по заданию Натива - Бюро по связям с советским еврейством при Канцелярии премьер-министра. Одним из первых - и ложных - оправданий ШАБАКА, объяснявших, каким образом Амир попал в "стерильную зону" вокруг трибуны на митинге, было то, что он предъявил правительственное удостоверение - удостоверение Натива.

Натив был и остается секретной службой. Он был основан в начале 1950-х годов как бюро по связям между Израилем и евреями, запертыми за "железным занавесом". Как писала в ноябре 1995 года газета "Гаарец", Натив с годами "выработал свою независимую разведывательную и оперативную политику".

Деятельность Натива неоднократно вызывала недовольство и подозрения со стороны российских властей. Так например, в июне 1996 года работник Натива по имени Даниэль был арестован и выслан российским правительством из страны якобы за незаконное приобретение секретных спутниковых фотоснимков. Возмущенные российские власти угрожали закрыть все иммиграционные представительства Израиля в России.

Еще одной причиной для недовольства в бывших советских республиках было то, что при участии Натива израильские визы получали видные мафиози и нечистоплотные чиновники, наподобие бывшего премьер-министра Украины, подозреваемого в том, что он сбежал в Тель-Авив с 30 миллионами долларов из украинской казны.

В течение нескольких дней после убийства правительство работало полным ходом, пытаясь выработать официальное объяснение поездке Амира в Ригу. Оно заявило, что Амир преподавал в Риге иврит в течение пяти месяцев. Этой версии не поверили, поскольку у Амира не было специальной педагогической подготовки. Тогда Министр полиции Моше Шахаль объяснил, что Амир работал в Риге охранником - всего три месяца.

Так или иначе, правительству очевидным образом не нравились спекуляции по поводу связей Амира с Нативом, и в итоге пресс-секретарь Канцелярии премьер-министра Ализа Горен заявила журналистам: "Амир никогда не был в Риге, и всякий, кто говорит, что он был там, проявляет полную безответственность".

Но и эта уловка была разоблачена после того, как программа "Панорама" телекомпании Би-Би-Си взяла интервью у семьи Игалья Амира и засняла его паспорт, в котором стоял жирный штамп "СССР". Горен солгала и, как следствие, также несет ответственность за сокрытие фактов.

Какова бы ни была истинная цель пребывания Амира в Риге, осенью 1992 года этот тихий солдат вернулся оттуда другим человеком. Что-то произошло там, что изменило его отношение к жизни. Теперь он был другим Амиром - студенческим радикалом из Бар-Иланского университета. Но что бы ни было причиной подобной перемены характера, Амир еще не был убийцей. ШАБАКу

еще предстояла работа по использованию психологических слабостей Амира и превращению его в террориста.

“Маарив”, 9 ноября 1995 года

“У нас говорилось о том, что Рабин - родеф, и что, согласно библейским законам, он может быть приговорен к смерти”, - сказал вчера Авишай Равив в своих показаниях”.

“Маарив”, 10 ноября 1995 года

“На изготовленном ЭЯЛом плакате, висевшем на территории Бар-Иланского университета был изображен Рабин, держащий в руках таз с кровью. На многих плакатах было добавлено, что подробности можно получить у Авишая Равива и был указан номер его пейджера”.

“Маарив”, 12 декабря 1995 года

“Несколько раз я слышал от Игаля Амира, что он намеревается убить Рабина, но не отнесся к этому серьезно”, - засвидетельствовал Авишай Равив перед Комиссией Шамгара”.

В ходе слушаний за закрытыми дверями Равив показал, что однажды у него был разговор с Амиром о патронах для пистолета. Из этих показаний можно сделать вывод, что Равив возможно снабдил Амира холостыми, как он сам считал, патронами.

“Маарив”, 24 ноября 1995 года

“Согласно Саре Элиаш, директору женской средней школы “Лахава”, некоторые из ее учениц слышали, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Он сказал ему: “Покажи, что ты мужчина - сделай это”.

“Едиот Ахронот”, 11 декабря 1995 года

“Одна из учениц сказала, что Равив назвал членов правительства “чудовищами” и добавил, что необходимо разнести все правительство, чтобы избавиться от “губителей еврейского народа”.

Другая ученица сообщила, что Равив использовал цитаты из библейского комментария для доказательства необходимости убить Рабина.

Ури Дан и Деннис Эйзенберг подробно описывают в "Джерузалем Пост" более поздние показания девочек, данные Комиссии Шамгара за закрытыми дверями:

"Сара Элиаш добровольно предстала перед комиссией и сообщила, что ее ученицы прибежали к ней в ночь убийства. В слезах они рассказали ей, что знают Игаля Амира.

Они встречались и с Игалем Амиром, и с Авишаем Равивом в поселении Баркан прошлым летом...

"Мы видели Равива и Амира по субботам в течение прошлого лета", - сообщили они. - "Эти встречи организовывал Игаль. Равив был настоящим "мачо". Он повторял Игалю: "Ты все говоришь о том, чтобы убить Рабина. Почему же ты сам не сделаешь это? Боишься? Ты же говоришь, что хочешь это сделать. Покажи нам, что ты мужчина. Покажи нам, чего ты стјишь".

Остальные присутствовавшие там девочки подтвердили эти показания. Как же реагировал Амир на это подстрекательство со стороны Равива? Все девочки ответили на этот вопрос примерно одинаково: "Он не реагировал. Он просто сидел и молчал или менял тему разговора".

Геула Амир, мать Игаля, "пишет" в февральском номере журнала "Джордж" за 1997 год (на самом деле статья была написана за нее двумя иерусалимскими журналистами):

"Согласно показаниям друзей Игаля, Равив был просто помешан на одном вопросе: убийстве Рабина. Он и Игаль часто обсуждали возможность такого убийства...

Несколько девушек сказали, что они узнали в Игале и Равиве людей, которых видели как-то в субботу. Девушки сказали своей учительнице, Саре Элиаш, что Равив назвал некоторых членов правительства Рабина "предателями". В те выходные в ходе нескольких затяжных идеологических дискуссий Равив пытался подбить Игаля на убийство Рабина, высмеивая его трусость, состоявшую в нежелании убить "предателя".

Согласно показаниям Эрана Агельбо, выступавшего свидетелем на суде над Игалем Амиром, Равив говорил, что Рабин - родеф. Агельбо также утверждал, что Равив оказывал своими словами давление на Игаля, чтобы тот попытался убить Рабина.

“Равив сказал Игалю и другим, что Рабина вынесен приговор. Он сказал: “Рабин должен умереть, и тот, кто убьет его, будет праведником”. Равив имел большое влияние на Игаля. Он все время подчеркивал перед ним и перед другими студентами, что тот, кто приведет в исполнение приговор против Рабина, выполнит святую миссию”.

Неплохие разговоры для агента ШАБАКа! После таких свидетельств невозможно воспринимать всерьез утверждения Равива и офицеров ШАБАКа, что Амир самостоятельно пришел к идее убить Рабина.

Чтобы достать оригинал показаний, я позвонил одной из учениц Сары Элиаш. Она начала разговор со мной на иврите, но тут трубку взял ее отец, репатриант из Америки. Последовала двадцатиминутная беседа. Вот выдержки из нее:

“

[имя девочки опущено] не желает разговаривать, Вы понимаете? Ей нечего сказать.

- Но мы никогда не доберемся до правды, если она будет молчать!

- Найдите других желающих разговаривать, если можете. Я не желаю, чтобы что-либо случилось с моей дочерью. Вы должны это понять, Вы понимаете? Вы не знаете, что тут происходит. Они пообещали ей, что если она даст показания, то с ней ничего не случится потом - не будет ни арестов, ни угроз. Они солгали. Она не может разговаривать с Вами - вот и все.

- Но как же ее гражданский долг? Что же это будет за страна, если все будут позволять убийцам уйти от наказания?

- Я тоже когда-то думал так. Это не демократия. Вы не знаете, что это такое.

Когда я приехал сюда, я думал, что это - место, где еврей может быть свободным. Теперь я просто хочу избежать неприятностей. Я не могу сказать Вам, что они сказали ей про то, что они с ней сделают, если она будет еще разговаривать”.

В целом, не менее десяти человек дало показания о том, что они видели, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Но этим участие Равива в истории с убийством не ограничивается.

Член ЭЯЛа Арье Оранж сказал мне: “У нас был план поехать в Газу для участия в другом митинге - чтобы создать противовес демонстрации в Тель-Авиве. Но в последнюю минуту Равив изменил свое решение и повел нас на демонстрацию в Тель-Авив. Не прошло и двух минут после выстрелов, как Равив сказал нам: “Вы знаете, кто это сделал? Игаль Амир”.

“Маарив”, 10 ноября 1995 года

“В прошлую субботу вечером, через несколько минут после покушения на Премьер-министра Рабина и еще задолго до того, как убийца был опознан, глава ЭЯЛа Авишай Равив уже объявил, что убийца - это Игаль Амир”.

Немедленно после покушения несколько репортеров получили на своих пейджерах сообщения, утверждавшие, что “ЭЯЛ берет на себя ответственность за произошедшее”. Журналист из “Маарива” быстро позвонил Равиву, который отверг какую-либо ответственность за покушение, сказав: “Мы не связаны с этой акцией. Это операция не нашего типа”. Но при этом он сообщил об имени Игаля Амира, о том, что тот является студентом Бар-Иланского университета, и о его военном послужном списке.

Через несколько минут после покушения неизвестная группа, называвшаяся “Еврейское отмщение”, обзвонила дюжину репортеров и оставила им сообщение: “Мы промахнулись на этот раз, но в следующий раз мы его достанем”.

После объявления о смерти Рабина та же самая группа оставила тем же репортерам сообщение, в котором она брала на себя ответственность за убийство. Очевидно, человек, оставивший сообщение, изначально полагал, что Амир должен промахнуться, и был застигнут врасплох, когда оказалось, что

Рабин на самом деле был убит по-настоящему. Возможно это был Равив, хотя в 1997 году активист ЭЯЛа Бени Аарони дал члену Кнессета Михаэлю Эйтану юридически закрепленные показания о том, что он оставил это сообщение по приказу Равива.

“Маарив”, 19 ноября 1995 года

“Как уже говорилось, через несколько минут после убийства - еще до того, как кто-либо из журналистов узнал о состоянии Рабина - глава ЭЯЛа Авишай Равив сообщил о личности убийцы. Полагая, что это было просто покушение на убийство, он анонимно передал сообщение: “Мы промахнулись, но в следующий раз мы до него доберемся”.

Из интервью Дана и Эйзенберга с неназванным представителем ШАБАКа:

“Если это не было сознательно подстроено”, - спросили мы, - “то что же вообще бывает сознательно подстроено? Какова Ваша реакция на показания очевидцев, слышавших, как Равив на демонстрации разговаривал с кем-то по сотовому телефону и сказал, что стрелявший в Рабина - это Амир - за сорок минут до того, как о личности Амира было сообщено по телевидению и радио?”

Представитель ШАБАКа, однако, не отреагировал. Он сказал, что эти показания не подтверждены доказательствами. А что еще он мог сказать? Если признать, что показания столь многих людей верны, это будет означать, что Авишай Равив знал заранее о том, что Амир собирается убить Рабина. Как правительственный агент, он был обязан поделиться этой информацией со своими непосредственными начальниками в Еврейском отделе ШАБАКа, которые, в свою очередь, должны были проинформировать своего начальника, главу ШАБАКа Карми Гилона.

Если Равив скрыл то, что ему было заранее известно о намерениях Амира, то он является соучастником убийства. Однако никто в ШАБАКе, полиции или правительстве не обращается с ним как с таковым. Против него не было выдвинуто никаких обвинений ни в каком преступлении, и его на время спрятали от людских глаз, пристроив на работу, где он должен был помогать детям-инвалидам.

Действия Равива в ночь убийства дают серьезные основания предполагать, что, по его мнению, Амир не должен был на самом деле убить Рабина. Предполагалось, что Равив возьмет на себя ответственность за покушение от имени ЭЯЛа и “Еврейского отмщения”, и таким образом убийца окажется связанным с радикальной правой организацией. Поэтому еще за сорок минут

до того, как кто-либо из прессы узнал о личности убийцы, Равив без тени сомнения хвастался каждому, кто мог его слышать, что стрелявший - это Амир.

Но Равив, как и многие другие агенты ШАБАКа, сам стал жертвой обмана. План поймать Амира в момент преступления, чтобы продвинуть вперед "мирный процесс", вылился в убийство, которого он, Равив, не ожидал. Будучи, вероятно, пойманым врасплох, Равив исправил свое первое телефонное сообщение для прессы после того, как о смерти Рабина было объявлено официально.

После этого он, как и многие другие агенты ШАБАКа, офицеры полиции и помощники Рабина, принял участие в создании "дымовой завесы" вокруг убийства. У них не было выбора. Они все с готовностью вступили в заговор, чтобы обвинить противоположный политический лагерь в попытке убийства и тем самым "не дать миру умереть". Это было преступление, которое могло положить конец многим карьерам, запятнать много репутаций и привести ко многим длительным тюремным срокам. А настоящий убийца мог оказаться способным и на дальнейшие преступления...

Многие в Израиле хотели бы навеки похоронить правду об убийстве Ицхака Рабина, и лишь немногие хотят, чтобы она стала известна общественности. Эти немногие подвергаются травле со стороны общества и своих коллег по профессии, и я восхищаюсь их силой духа.

В начале нашей работы Йехиэль Манн изначально не имел опыта журналистского расследования, но его последующие открытия показали, что я обратился к нему не напрасно. Джоэль Байнерман был, как всегда, полезен своим вдохновляющим взглядом на вещи. Натан Гефен и Марк Вайс предоставили в мое распоряжение надежные свидетельства, полученные в ходе их расследований. Брайан Банн организовал знаменитую лекцию, позволившую широкой израильской публике познакомиться с моей работой. Я навеки признателен ему за его мужество - так же, как я признателен всем тем, кто имел смелость организовывать мои лекции. Журналисты Ави Сегал, Эмма Сотникова и Зеэв Бар-Села показали себя самыми храбрыми и достойными - они первыми в Израиле пришли к выводу, что я вероятно прав, и написали про это большие статьи. Я навеки признателен Евгении Кравчик за умелый перевод моих трудов для широкой русскоговорящей публики. Джей Бушинский и его коллега Линда Амар из Эн-Би-Си-Экстра были первыми корреспондентами из широкой зарубежной прессы, оценившими силу моих аргументов и честно сообщившими о них в Америке. Стоит также отметить Эли Волгелертнера за его сбалансированную передовицу в обычно робкой "Джерузалем Пост". Профессору Арье Зарицкому я обязан тем, что моя работа была признана столь

многими представителями научных кругов. Я благодарен Грир Фэе Кешман, Джею Сидману, Артуру Вереду и Дорону Талю.

К концу 1997 года многочисленные израильские журналисты наконец осмелились поднять голову и, рискуя быть осмеянными коллегами, объективно ознакомились с фактами. Среди них: профессор Хиллель Вайс, Адир Зик, д-р Йоэль Коэн, Гади Блюм, Шимон Зильбер, Хагай Хуберман, Барух Гордон, Хагай Сегал, Рам Эзрах и Мелех Клознер. Большинство из них - люди религиозные или правые. Юваль Йоаз заслуживает специального упоминания, поскольку он честно представил мою позицию в журнале "Анашим", обращенном к той части израильской публики, которая не желает верить, что то, о чем я говорю, вообще могло произойти.

И наконец, около пятидесяти человек предоставили мне существенную информацию и просили не упоминать их имен. Я благодарен им и не сомневаюсь, что в тексте книги они найдут переданные ими данные и увидят, насколько они были важны.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ВВЕДЕНИЕ

Истории известны удачные политические убийства, которые так и остались навеки нераскрытыми. Гибель Ицхака Рабина не должна стать одним из таких преступлений. Этот заговор был организован неряшливо, и преступников можно было бы со временем найти и привлечь к суду. Но в силу самых разных причин, израильский истеблишмент заинтересован в том, чтобы не дать свершиться правосудию, и ради этого игнорирует множество бесспорных улик.

Ицхак Рабин был идеальной мишенью для политического убийства. Он проводил политику, которая, по мнению многих, вела к неизбежному уничтожению Израиля. Значительная часть израильского населения активно противостояла так называемому "мирному процессу". Могущественные лица в Израиле и за рубежом толкали Рабина к продолжению этой политики. Обвинение в убийстве пало на первую из этих групп, в то время как ответственность за преступление несет вторая.

Эта книга не дает ответа на вопрос о том, кто отдал приказ об убийстве: мы не знаем, кто стоял во главе заговора. Но читатель узнает из этой книги о тех, кто наверняка был вовлечен в его осуществление на оперативном уровне. Читатель также убедится в том, что Игаль Амир, которого обвиняют в преступлении, никоим образом не мог убить Рабина.

Для поддержания "мирного процесса" на плаву требовалось дискредитировать всех его противников. Противники же находились в Израиле повсюду - даже внутри самой правящей партии [Рабочая партия или партия Авода. Впоследствии из нее вышла фракция "Третий Путь", которая после выборов 1996 г. вошла в правительство, возглавляемое Ликудом.], во главе которой

стоял тогда Рабин. Целые социальные группы отождествлялись с оппозицией Рабину. Среди них: правые, религиозные и сефарды. Игаль Амир был и правым, и религиозным, и сефардом. В политической игре, направленной на очернение "врагов мира", нельзя было найти лучшей пешки, чем он.

Игаль Амир был активистом организации ЭЯЛ [Ивритская аббревиатура: "Еврейская Боевая Организация"], выступавшей, как официально считалось, против "мирного процесса". В действительности, ЭЯЛ представлял из себя лишь вывеску, за которой стоял ШАБАК [Ивритская аббревиатура: "Общая Служба Безопасности"] - израильский аналог ФБР. Главой ЭЯЛа был Авишай Равив, агент ШАБАКа с 1987 года. Замысел ШАБАКа состоял в том, чтобы заманивать в ЭЯЛ радикальных противников "мирного процесса", провоцировать их на незаконные действия и затем арестовывать. Об этом свидетельствуют показания многих людей, знакомых с деятельностью ЭЯЛа. В этой книге будет объяснено, что одной из задач ЭЯЛа было спровоцировать Игаля Амира на покушение против Рабина.

Многие, если не большинство, сотрудников ШАБАКа и полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей в роковую ночь 4 ноября 1995 года, знали кое-что о секретной операции и имели инструкции не мешать ей. Предполагалось, что Игалю Амиру дадут пистолет, заряженный холостыми патронами, он выстрелит в Рабина и будет пойман с поличным на месте преступления. Общественный шок, неизбежно вызванный терактом, повысит популярность "мирного процесса" и одновременно послужит оправданием для общенациональных репрессий в отношении его противников.

И действительно, после выстрелов в Рабина, сотрудники ШАБАКа кричали: "Это холостые!", "Это игрушечный пистолет!", "Это просто учения!", "Это не по-настоящему!", "Это всего лишь пистоны!" и т.п., поскольку думали, что происходит операция по поимке преступника "на живца". Но у сценария была и вторая сюжетная линия, о которой они не ведали: после выстрелов Амира Рабина посадили в лимузин и повезли в больницу. В машине его и ждал настоящий убийца. От места покушения до больницы "Ихилон" ехать недолго - не более одной минуты и по большим улицам. Но опытейший шофер (профессиональный шофер израильских премьер-министров) потерял дорогу и целых восемь минут блуждал по темным тель-авивским переулкам. За это время убийца сделал свое дело и исчез.

Изложенное выше - это, конечно, гипотеза, но отнюдь не праздный домысел и не детективная теория, рассчитанная на скандал. Автор собрал сотни страниц полицейских отчетов, судебных протоколов и опубликованных показаний свидетелей. Эти материалы несовместимы с официальной версией и

подтверждают выводы автора.

Вот некоторые из следов, оставленных заговорщиками:

* Любительская видеопленка с записью убийства, показывающая, как задняя дверь "пустого" рабинского лимузина захлопывается перед тем, как Рабин оказывается в машине. Та же пленка показывает, что телохранители позволили Амиру беспрепятственно выстрелить в Рабина и что Рабин от этих выстрелов не пострадал.

* Показания свидетелей (включая жену Рабина), находившихся в нескольких метрах от Рабина. Они видели, что после выстрелов он продолжал идти как ни в чем не бывало. Через 10 минут после "покушения" одна из свидетельниц, Мириам Орен, сказала по национальному телевидению: "Рабин не пострадал. Я видела, как он шел к машине".

* Показания многочисленных охранников и полицейских, которые не могли поверить, что Рабин ранен, поскольку он не упал, не закричал от боли и не начал истекать кровью.

* Заключение криминалистов говорят, что Рабин был убит выстрелом в упор, буквально с нулевого расстояния. Однако правительственная комиссия постановила, что Амир стрелял с дистанции по крайней мере полметра.

* Необъяснимым образом пули, предположительно изъятые из тела Рабина, исчезли на целых 11 часов. Это является грубейшим нарушением процедурных норм судопроизводства, но, тем не менее, судьи приняли их как полноценное вещественное доказательство.

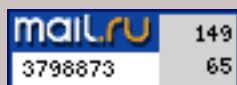
* Медицинское заключение, подписанное д-ром Мордехаем Гутманом - одним из хирургов, оперировавших Рабина. В заключении говорится, что Рабин был ранен выстрелом в грудь и что его позвоночник был раздроблен - эта информация была подтверждена в течение суток после операции медсестрой, работавшей в операционной, министром здравоохранения, директором больницы "Ихилон", а также пациентом больницы. Официальная же версия утверждает, что Амир стрелял Рабина в спину и что никакого вреда позвоночнику нанесено не было.

Заговор был столь неуклюжим, что его участники не только оставили множество физических улик, но и не скоординировали своих показаний, так что в конце концов они начали противоречить друг другу по всем пунктам.

Все было бы очень просто, если бы Рабин был действительно убит доведенным до отчаяния экстремистом. Но глубокие связи Амира с агентурой ШАБАКА показывают, что ШАБАК сплел вокруг этого убийства сеть обманов и преступлений.

Данное преступление затронуло не только Амира и Рабина - пострадали и многие другие люди. Заговор вокруг убийства Рабина поставил под угрозу демократический характер государственной машины Израиля. Мы можем только надеяться, что эта книга поможет предотвратить дальнейшие жертвы.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#)[=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#)[=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕРСИИ О ЗАГОВОРЕ

После убийства Кеннеди прошло почти два года, прежде чем американская общественность заподозрила, что убийство было результатом заговора. В Израиле, в случае с убийством Рабина, на это потребовалось всего две недели.

Первым подобное предположение выдвинул профессор Михаэль Хар-Сагор, историк из Тель-Авивского университета. Уже через неделю после убийства, 11 ноября, он сказал израильской прессе: "Нет никакого рационального объяснения убийству Рабина. Нет объяснения провалу [служб безопасности]. По-моему, это был заговор с участием ШАБАКа. Оказывается, когда в 1992 году убийца отправился в Ригу, он состоял в ШАБАКе. Ему были выданы документы, позволившие ему приобрести оружие. Он все еще был связан с ШАБАКом в момент убийства".

В целом, интуиция не подвела профессора - он указал на ШАБАК. Однако он ошибся, считая, что заговорщики принадлежали к тайной правой группировке внутри ШАБАКа. Ситуация осложнилась, когда 16 ноября Бени Элон, один из поселенческих лидеров, а ныне член Кнессета, созвал пресс-конференцию, в ходе которой объявил: "Существуют серьезные подозрения, что ЭЯЛ и его глава Авишай Равив были не просто связаны с ШАБАКом, а работали непосредственно на него. Эта группировка занималась подстрекательством к убийству. Я настаиваю на том, что ШАБАК не просто знал об ЭЯЛе, но сам же основал и финансировал эту организацию".

Реакция общества была скептической. И тем не менее Элон попал прямо в точку. Как же ему удалось узнать об ЭЯЛе раньше других?

В январе 1996 года кинорежиссер Мерав Кторза и ее оператор Алон Эйлат взяли у Элона интервью. При выключенной камере он сказал им: "За месяц до убийства [бывший премьер-министр Израиля] Ицхак Шамир вызвал меня к себе в офис и сказал: "Они собираются устроить нам еще одно "дело Арлозорова". [В 1933 году один из левых лидеров, Хаим Арлозоров, был убит в Тель-Авиве. В убийстве были обвинены правые (т.н. ревизионисты). Английский суд оправдал обвиняемых, но агрессивная пропаганда левых сионистов внедрила "факт" вины правых в сознание еврейского ишува. Это обеспечило левым политическую гегемонию вплоть до выборов 1977 г.- Прим. ред.] После того раза мы не могли прийти к власти еще пятьдесят лет. Про всякого, кто угрожает убить Рабина, надо выяснить, кто он такой, и остановить его".

Шамир был в прошлом начальником Европейского отдела Моссада и имеет обширные связи в разведке. Двое свидетелей слышали это поразительное заявление Элона о том, что Шамиру было известно о готовящемся убийстве еще в октябре 1995 года. Однако Алон не пожелал сказать это или что-либо еще перед камерой. Вскоре после его пресс-конференции и выступления перед Комиссией Шамгара [Комиссия Шамгара - официальная правительственная комиссия по расследованию убийства Рабина.] Алон перестал публично высказываться об убийстве.

Этому неожиданному молчанию можно дать, по меньшей мере, два объяснения. За два месяца до убийства Шмуэль Цитрин из Хеврона указал на Равива как на агента ШАБАКа. (Впоследствии Цитрин был арестован без предъявления обвинения.) Цитрин намекает, что Алон тоже был каким-то образом замешан в аферу с Равивом, и его пресс-конференция была призвана отвлечь внимание от этого факта.

Многие другие считают, что на Элона было оказано давление: против его племянницы, Маргалит Хар-Шефи, было возбуждено уголовное дело. Хар-Шефи обвинили в пособничестве убийце, используя как повод ее знакомство с Амиром. Чтобы подкрепить свои угрозы, ШАБАК заставил Амира написать ей из тюрьмы запутанное и якобы уличающее ее письмо. Опасения, что его племянница проведет десяток лет в тюрьме, вполне могли заставить Элона замолчать.

Общественное мнение в отношении заявлений Элона изменилось на следующий же вечер, когда журналист Амнон Абрамович заявил по национальному телевидению, что глава ЭЯЛа и хороший друг Игаля Амира Авишай Равив является на самом деле агентом ШАБАКа по кличке

“Шампанское”.

Это заявление произвело фурор в стране. Одна из ведущих израильских газет, “Маарив”, писала: “Выступление Амнона Абрамовича вчера вечером произвело эффект разорвавшейся бомбы... Теперь мы задаемся вопросом, почему же он [Авишай Равив] не донес своему руководству о планах Игаля Амира убить Рабина? Из бесед с представителями служб безопасности возникает следующая картина. ЭЯЛ был под полным контролем ШАБАКА. Они оказывали ему денежную поддержку в течение последних двух лет. ШАБАК знал имена всех членов ЭЯЛа, включая Игаля Амира”. [Амнос Абрамович - активный сторонник “мирного процесса”. Осознав значение своей публикации, он вскоре выразил глубокое сожаление по поводу того, что, не подумав, рассказал правду своему народу. - Прим. ред.]

В тот же день газета “Едиот Ахронот” сообщила о преступлении то, что уже нельзя будет потом скрыть. “Есть версия, по которой убийство Рабина стало результатом глубокого заговора внутри ШАБАКА. История с Равивом - краеугольный камень версии о заговоре”. “Вчера среди поселенцев распространился слух о том, что Амир должен был выстрелить холостым патроном, но разгадал подстроенную ему ловушку и заменил холостые патроны на настоящие, что объясняет, почему после выстрелов телохранители кричали: “Это холостые!” Гипотеза кажется фантастической, но молчание ШАБАКА подтверждает ее”.

Сенсация, произведенная Абрамовичем, установила прямую зловещую связь между убийцей и людьми, охранявшими премьер-министра. Но кто же организовал утечку информации? Помимо самого ШАБАКА еще два ведомства знали о деятельности ЭЯЛа и последовательно покрывали ее. Речь идет о полиции, подчиненной тогдашнему Министру полиции Моше Шахалю, и о прокуратуре, во главе с тогдашним Генеральным прокурором Михаэлем Бен-Яиром.

Когда Шахаль спросили, какова его реакция на заявление Абрамовича, он ответил просто: “Амнос Абрамович - очень надежный журналист”, косвенным образом подтверждая версию о “Шампанском”.

Дальнейшие свидетельства того, что Шахаль знал, кто такой на самом деле Равив, можно найти в разоблачениях, опубликованных израильской прессой.

“Маарив”, 24 ноября 1995 года

“Возникают и другие вопросы [в отношении Авишай Равива]. Например, не раз случалось, что когда в Хевроне намечалась [еврейская] демонстрация или иная активность, ЦАХАЛ [Ивритская аббревиатура: “Армия Обороны Израиля”]. в течение кратчайшего времени перебрасывал туда свои части. Во всех подобных демонстрациях Авишай Равив играл активную и крикливую роль. В Кирьят-Арбе нарастали подозрения”. “Полиция много раз выписывала ордер на арест Авишай Равива, но он ни разу не был арестован. В его доме ни разу не производился обыск”.

“Коль Гаир”, январь 1996 года

“Нати Леви: “Задним числом я понимаю, что меня арестовывали много раз, а Равива при этом - ни разу. Был еще молодой парень из Шило - его арестовали за поджог автомобиля. Он сказал полиции, что сделал это по приказу Равива. Равива задержали, но выпустили в тот же день”.

Техника взаимодействия полиции и ШАБАКА описывается в газете “Маарив” следующим образом (“Маарив”, 24 ноября 1995 года).

“Приказ, отданный около недели назад отделу Центрального штаба полиции по борьбе с особо опасными преступлениями, удивил даже его начальника, полковника Йорама Рудмана: “Немедленно освободить из-под ареста Авишай Равива и прекратить возбужденное против него дело”.

В полиции события такого рода квалифицируют как “приказ сверху”. Вопросы не задают и в пререкания не вступают. Единственное, что известно каждому начинающему следователю, - что освобождение из-под стражи производится по просьбе ШАБАКА”.

У Равива была своего рода неприкосновенность - его не арестовывали за такие “мелкие” преступления, как поджоги и угрозы убийства в адрес как евреев, так и арабов. Бездействие полиции было абсолютно непростительным в следующих двух инцидентах.

“Йерушалаим”, 10 ноября 1995 года

“Активисты ЭЯЛа встречались с членами ХАМАСа и “Исламского джихада” для

разработки совместных операций”.

Эта новость была передана на всю страну, но Авишая Равива не арестовали за измену Родине, связи с террористами или планирование террористических актов.

Еще менее объяснима реакция полиции в случае, когда Равив взял на себя “почетную”, по его словам, ответственность за убийство трех палестинцев в деревне Халхуль. В сентябре 1995 года трое арабов в этой деревне были убиты людьми в израильской военной форме. На следующий день после убийства ЭЯЛ сообщил в прессу, что это было делом его рук. Но Моше Шахаль так и не отдал приказ об аресте членов ЭЯЛа. Он знал, что ЭЯЛ не совершал этого преступления. Он знал, что они взяли на себя ответственность только для того, чтобы очернить еврейских жителей Иудеи и Самарии. Целую неделю мировое сообщество и “передовое” общественное мнение внутри страны осуждали “поселенцев-террористов”, пока армия не арестовала настоящих убийц - четырех арабов из той же деревни.

В тот момент Шахаль должен был бы начать расследование деятельности ЭЯЛа. Но Шахаль этого не сделал. Его бездействие может быть объяснено лишь тем, что у него был приказ не вмешиваться в данную операцию ШАБАКА.

Такой же приказ имелся и у Генерального прокурора Михаэля Бен-Яира, который впоследствии был в таком ужасе от возможных разоблачений со стороны Комиссии Шамгара, что сидел на каждом заседании Комиссии в качестве представитель правительства.

После убийства выяснилось, что двое членов Кнессета ранее подавали Бен-Яиру жалобы на ЭЯЛ. 5 марта 1995 года Деди Цукер [из партии МЕРЕЦ] попросил Бен-Яира расследовать деятельность ЭЯЛа после раздачи ЭЯлом подстрекательской литературы в одной из иерусалимских школ. 24 сентября 1995 года Яэль Даян [из партии Авода] призвала Бен-Яира открыть дело против ЭЯЛа, после того как по телевизору было передано о решимости ЭЯЛа расправиться со всеми евреями и арабами, мешающими достижению целей этой организации. Бен-Яир проигнорировал оба обращения, а впоследствии объяснил: “Эти обращения следовало направить армии или министру обороны [Ицхаку Рабину]”.

Ведомства Шахаля и Бен-Яира покрывали подстрекательскую деятельность ЭЯЛа, видимо, имея прямые инструкции или угадывая желания "высоких заказчиков". Но когда ЭЯЛ оказался связанным с политическим убийством, ситуация изменилась. Возникла паника и желание свалить всю вину на ШАБАК. Кое-каким слухам позволили просочиться в прессу.

Абрамович сказал: "Я юрист по образованию, и мой источник был высокопоставленным лицом в юридических сферах" - возможно, имея в виду кого-то из ведомства Бен-Яира. Это не снимает вины ни с Бен-Яира, ни с Шахаля. Выданный ими ЭЯЛу статус неприкосновенности от арестов и уголовного преследования позволил в конце концов осуществить убийство Рабина.

В июне 1996 года Бен-Яир открыл в полиции дело в связи с утечкой информации, и журналист Абрамович был вызван для дачи показаний - это может говорить о том, что "источник" находился в ведомстве Бен-Яира. Независимо от того, произошла ли утечка непосредственно от Шахаля или Бен-Яира (что маловероятно) или от кого-то из их подчиненных, и независимо от личных мотивов "источника", эта утечка информации приоткрыла малую часть тяжелой правды и заложила основу для разоблачения заговора.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 2. ИГАЛЯ АМИРА ГОТОВЯТ К УБИЙСТВУ

Многочисленные свидетели подтверждают, что они видели и слышали, как агент ШАБАКа Авишай Равив провоцировал Игаля Амира на убийство Ицхака Рабина. Из всех действительных или мнимых активистов ЭЯЛа ШАБАК выбрал именно Игаля Амира, и, сконцентрировав на нем свои усилия, развернул тщательную кампанию психологического давления.

ШАБАК имеет большой опыт в психологической войне и вербовке агентов. По каким-то причинам выбор пал на Игаля Амира. Следует признать, что выбор Амира для отведенной ему роли был удачным. Немногие люди способны пойти на убийство, даже когда их неустанно подталкивают к этому. Каким-то образом ШАБАК знал, что Амир подходит для этой задачи.

Весну и лето 1992 года Амир провел в Риге по заданию Натива - Бюро по связям с советским еврейством при Канцелярии премьер-министра. Одним из первых - и ложных - оправданий ШАБАКа, объяснявших, каким образом Амир попал в "стерильную зону" вокруг трибуны на митинге, было то, что он предъявил правительственное удостоверение - удостоверение Натива.

Натив был и остается секретной службой. Он был основан в начале 1950-х годов как бюро по связям между Израилем и евреями, запертыми за "железным занавесом". Как писала в ноябре 1995 года газета "Гаарец", Натив с годами "выработал свою независимую разведывательную и оперативную политику".

Деятельность Натива неоднократно вызывала недовольство и подозрения со стороны российских властей. Так например, в июне 1996 года работник Натива по имени Даниэль был арестован и выслан российским правительством из страны якобы за незаконное приобретение секретных спутниковых фотоснимков. Возмущенные российские власти угрожали закрыть все иммиграционные представительства Израиля в России.

Еще одной причиной для недовольства в бывших советских республиках было то, что при участии Натива израильские визы получали видные мафиози и нечистоплотные чиновники, наподобие бывшего премьер-министра Украины, подозреваемого в том, что он сбежал в Тель-Авив с 30 миллионами долларов из украинской казны.

В течение нескольких дней после убийства правительство работало полным ходом, пытаясь выработать официальное объяснение поездке Амира в Ригу. Оно заявило, что Амир преподавал в Риге иврит в течение пяти месяцев. Этой версии не поверили, поскольку у Амира не было специальной педагогической подготовки. Тогда Министр полиции Моше Шахаль объяснил, что Амир работал в Риге охранником - всего три месяца.

Так или иначе, правительству очевидным образом не нравились спекуляции по поводу связей Амира с Нативом, и в итоге пресс-секретарь Канцелярии премьер-министра Ализа Горен заявила журналистам: "Амир никогда не был в Риге, и всякий, кто говорит, что он был там, проявляет полную безответственность".

Но и эта уловка была разоблачена после того, как программа "Панорама" телекомпании Би-Би-Си взяла интервью у семьи Игаля Амира и засняла его паспорт, в котором стоял жирный штамп "СССР". Горен солгала и, как следствие, также несет ответственность за сокрытие фактов.

Какова бы ни была истинная цель пребывания Амира в Риге, осенью 1992 года этот тихий солдат вернулся оттуда другим человеком. Что-то произошло там, что изменило его отношение к жизни. Теперь он был другим Амиром - студенческим радикалом из Бар-Иланского университета. Но что бы ни было причиной подобной перемены характера, Амир еще не был убийцей. ШАБАКу еще предстояла работа по использованию психологических слабостей Амира и

превращению его в террориста.

“Маарив”, 9 ноября 1995 года

“У нас говорилось о том, что Рабин - родеф, и что, согласно библейским законам, он может быть приговорен к смерти”, - сказал вчера Авишай Равив в своих показаниях”.

“Маарив”, 10 ноября 1995 года

“На изготовленном ЭЯЛом плакате, висевшем на территории Бар-Иланского университета был изображен Рабин, держащий в руках таз с кровью. На многих плакатах было добавлено, что подробности можно получить у Авишая Равива и был указан номер его пейджера”.

“Маарив”, 12 декабря 1995 года

“Несколько раз я слышал от Игаля Амира, что он намеревается убить Рабина, но не отнесся к этому серьезно”, - засвидетельствовал Авишай Равив перед Комиссией Шамгара”.

В ходе слушаний за закрытыми дверями Равив показал, что однажды у него был разговор с Амиром о патронах для пистолета. Из этих показаний можно сделать вывод, что Равив возможно снабдил Амира холостыми, как он сам считал, патронами.

“Маарив”, 24 ноября 1995 года

“Согласно Саре Элиаш, директору женской средней школы “Лахава”, некоторые из ее учениц слышали, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Он сказал ему: “Покажи, что ты мужчина - сделай это”.

“Едиот Ахронот”, 11 декабря 1995 года

“Одна из учениц сказала, что Равив назвал членов правительства “чудовищами” и добавил, что необходимо разнести все правительство, чтобы избавиться от “губителей еврейского народа”.

Другая ученица сообщила, что Равив использовал цитаты из библейского комментария для доказательства необходимости убить Рабина.

Ури Дан и Деннис Эйзенберг [Авторы книги "Государственное преступление - убийство Ицхака Рабина", опубликованной во Франции в 1996 году.] подробно описывают в "Джерузалем Пост" более поздние показания девочек, данные Комиссии Шамгара за закрытыми дверями:

"Сара Элиаш добровольно предстала перед комиссией и сообщила, что ее ученицы прибежали к ней в ночь убийства. В слезах они рассказали ей, что знают Игалья Амира.

Они встречались и с Игалем Амиром, и с Авишаем Равивом в поселении Баркан прошлым летом...

"Мы видели Равива и Амира по субботам в течение прошлого лета", - сообщили они. - "Эти встречи организовывал Игаль. Равив был настоящим "мачо". Он повторял Игалю: "Ты все говоришь о том, чтобы убить Рабина. Почему же ты сам не сделаешь это? Боишься? Ты же говоришь, что хочешь это сделать. Покажи нам, что ты мужчина. Покажи нам, чего ты стјишь".

Остальные присутствовавшие там девочки подтвердили эти показания. Как же реагировал Амир на это подстрекательство со стороны Равива? Все девочки ответили на этот вопрос примерно одинаково: "Он не реагировал. Он просто сидел и молчал или менял тему разговора".

Геула Амир, мать Игалья, "пишет" в февральском номере журнала "Джордж" за 1997 год (на самом деле статья была написана за нее двумя иерусалимскими журналистами):

"Согласно показаниям друзей Игалья, Равив был просто помешан на одном вопросе: убийстве Рабина. Он и Игаль часто обсуждали возможность такого убийства...

Несколько девушек сказали, что они узнали в Игале и Равиве людей, которых видели как-то в субботу. Девушки сказали своей учительнице, Саре Элиаш, что Равив назвал некоторых членов правительства Рабина "предателями". В те выходные в ходе нескольких затяжных идеологических дискуссий Равив пытался подбить Игалья на убийство Рабина, высмеивая его трусость, состоявшую в нежелании убить "предателя".

Согласно показаниям Эрана Агельбо, выступавшего свидетелем на суде над Игалем Амиром, Равив говорил, что Рабин - родеф. Агельбо также утверждал, что Равив оказывал своими словами давление на Игаля, чтобы тот попытался убить Рабина.

“Равив сказал Игалю и другим, что Рабину вынесен приговор. Он сказал: “Рабин должен умереть, и тот, кто убьет его, будет праведником”. Равив имел большое влияние на Игаля. Он все время подчеркивал перед ним и перед другими студентами, что тот, кто приведет в исполнение приговор против Рабина, выполнит святую миссию”.

Неплохие разговоры для агента ШАБАКа! После таких свидетельств невозможно воспринимать всерьез утверждения Равива и офицеров ШАБАКа, что Амир самостоятельно пришел к идее убить Рабина.

Чтобы достать оригинал показаний, я позвонил одной из учениц Сары Элиаш. Она начала разговор со мной на иврите, но тут трубку взял ее отец, репатриант из Америки. Последовала двадцатиминутная беседа. Вот выдержки из нее:

“

[имя девочки опущено] не желает разговаривать, Вы понимаете? Ей нечего сказать.

- Но мы никогда не доберемся до правды, если она будет молчать!

- Найдите других желающих разговаривать, если можете. Я не желаю, чтобы что-либо случилось с моей дочерью. Вы должны это понять, Вы понимаете? Вы не знаете, что тут происходит. Они пообещали ей, что если она даст показания, то с ней ничего не случится потом - не будет ни арестов, ни угроз. Они солгали. Она не может разговаривать с Вами - вот и все.

- Но как же ее гражданский долг? Что же это будет за страна, если все будут позволять убийцам уйти от наказания?

- Я тоже когда-то думал так. Это не демократия. Вы не знаете, что это такое.

Когда я приехал сюда, я думал, что это - место, где еврей может быть свободным. Теперь я просто хочу избежать неприятностей. Я не могу сказать Вам, что они сказали ей про то, что они с ней сделают, если она будет еще разговаривать”.

В целом, не менее десяти человек дало показания о том, что они видели, как Равив подбивал Амира убить Рабина. Но этим участие Равива в истории с убийством не ограничивается.

Член ЭЯЛа Арье Оранж сказал мне: “У нас был план поехать в Газу для участия в другом митинге - чтобы создать противовес демонстрации в Тель-Авиве. Но в последнюю минуту Равив изменил свое решение и повел нас на демонстрацию в Тель-Авив. Не прошло и двух минут после выстрелов, как Равив сказал нам: “Вы знаете, кто это сделал? Игаль Амир”.

“Маарив”, 10 ноября 1995 года

“В прошлую субботу вечером, через несколько минут после покушения на Премьер-министра Рабина и еще задолго до того, как убийца был опознан, глава ЭЯЛа Авишай Равив уже объявил, что убийца - это Игаль Амир”.

Немедленно после покушения несколько репортеров получили на своих пейджерах сообщения, утверждавшие, что “ЭЯЛ берет на себя ответственность за произошедшее”. Журналист из “Маарива” быстро позвонил Равиву, который отверг какую-либо ответственность за покушение, сказав: “Мы не связаны с этой акцией. Это операция не нашего типа”. Но при этом он сообщил об имени Игаля Амира, о том, что тот является студентом Бар-Иланского университета, и о его военном послужном списке.

Через несколько минут после покушения неизвестная группа, называвшаяся “Еврейское отмщение”, обзвонила дюжину репортеров и оставила им сообщение: “Мы промахнулись на этот раз, но в следующий раз мы его достанем”.

После объявления о смерти Рабина та же самая группа оставила тем же репортерам сообщение, в котором она брала на себя ответственность за убийство. Очевидно, человек, оставивший сообщение, изначально полагал, что Амир должен промахнуться, и был застигнут врасплох, когда оказалось, что

Рабин на самом деле был убит по-настоящему. Возможно это был Равив, хотя в 1997 году активист ЭЯЛа Бени Аарони дал члену Кнессета Михаэлю Эйтану юридически закреплённые показания о том, что он оставил это сообщение по приказу Равива.

“Маарив”, 19 ноября 1995 года

“Как уже говорилось, через несколько минут после убийства - еще до того, как кто-либо из журналистов узнал о состоянии Рабина - глава ЭЯЛа Авишай Равив сообщил о личности убийцы. Полагая, что это было просто покушение на убийство, он анонимно передал сообщение: “Мы промахнулись, но в следующий раз мы до него доберемся”.

Из интервью Дана и Эйзенберга с неназванным представителем ШАБАКа:

“Если это не было сознательно подстроено”, - спросили мы, - “то что же вообще бывает сознательно подстроено? Какова Ваша реакция на показания очевидцев, слышавших, как Равив на демонстрации разговаривал с кем-то по сотовому телефону и сказал, что стрелявший в Рабина - это Амир - за сорок минут до того, как о личности Амира было сообщено по телевидению и радио?”

Представитель ШАБАКа, однако, не отреагировал. Он сказал, что эти показания не подтверждены доказательствами. А что еще он мог сказать? Если признать, что показания столь многих людей верны, это будет означать, что Авишай Равив знал заранее о том, что Амир собирается убить Рабина. Как правительственный агент, он был обязан поделиться этой информацией со своими непосредственными начальниками в Еврейском отделе ШАБАКа, которые, в свою очередь, должны были проинформировать своего начальника, главу ШАБАКа Карми Гилона.

Если Равив скрыл то, что ему было заранее известно о намерениях Амира, то он является соучастником убийства. Однако никто в ШАБАКе, полиции или правительстве не обращается с ним как с таковым. Против него не было выдвинуто никаких обвинений ни в каком преступлении, и его на время спрятали от людских глаз, пристроив на работу, где он должен был помогать детям-инвалидам [Заметим также, что Равив продолжает получать деньги от ШАБАКа - 9000 шекелей в месяц].

Действия Равива в ночь убийства дают серьезные основания предполагать, что, по его мнению, Амир не должен был на самом деле убить Рабина. Предполагалось, что Равив возьмет на себя ответственность за покушение от имени ЭЯЛа и “Еврейского отмщения”, и таким образом убийца окажется

связанным с радикальной правой организацией. Поэтому еще за сорок минут до того, как кто-либо из прессы узнал о личности убийцы, Равив без тени сомнения хвастался каждому, кто мог его слышать, что стрелявший - это Амир.

Но Равив, как и многие другие агенты ШАБАКа, сам стал жертвой обмана. План поймать Амира в момент преступления, чтобы продвинуть вперед "мирный процесс", вылился в убийство, которого он, Равив, не ожидал. Будучи, вероятно, пойманным врасплох, Равив исправил свое первое телефонное сообщение для прессы после того, как о смерти Рабина было объявлено официально.

После этого он, как и многие другие агенты ШАБАКа, офицеры полиции и помощники Рабина, принял участие в создании "дымовой завесы" вокруг убийства. У них не было выбора. Они все с готовностью вступили в заговор, чтобы обвинить противоположный политический лагерь в попытке убийства и тем самым "не дать миру умереть". Это было преступление, которое могло положить конец многим карьерам, запятнать много репутаций и привести ко многим длительным тюремным срокам. А настоящий убийца мог оказаться способным и на дальнейшие преступления...

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СДЕЛКИ

Организация ЭЯЛ действовала одновременно в нескольких направлениях. Одной из ее основных задач было вербовать молодых идеалистов и формировать из них группы экстремистов, чтобы использовать их в политической игре. Демонстративные нападки ЭЯЛа были направлены против Ицхака Рабина. Мишенью совсем иного рода был тогдашний глава оппозиции и нынешний премьер-министр Биньямин Нетаниягу.

5 октября, за месяц до демонстрации в поддержку "мирного процесса", после которой был убит Рабин, в Иерусалиме прошла демонстрация другого типа. Четверть миллиона человек собрались, чтобы выразить протест против политики "мира", проводимой правительством. Основным оратором на этом митинге был Биньямин Нетаниягу. Уже само по себе количество демонстрантов, запрудивших собой восемь кварталов в центре Иерусалима, повергло в шок инициаторов "мирного процесса", двое из которых решили организовать в противовес другую, столь же большую демонстрацию в Тель-Авиве. Эти двое были Шломо Лахат, бывший мэр Тель-Авива от партии Ликуд, и некий загадочный француз по имени Жан Фридман, финансировавший кампанию в поддержку "мирного процесса".

Число участников тель-авивской демонстрации составило лишь половину от числа участвовавших за месяц до того в митинге протеста в Иерусалиме - и это при том, что многие тысячи членов молодежных и политических организаций были привезены в Тель-Авив на специально выделенных автобусах (примерно треть участников тель-авивской демонстрации составляли израильские арабы).

[Вот отрывок из интервью, данного Лахатом 31 октября 1995 года (за несколько дней до демонстрации), журналисту Аарону Лернеру из агенства ИМРА. Лернер: " Сколько человек ожидается на демонстрации? Сначала говорили о полумиллионе, но теперь, кажется, никто не хочет называть цифр." Лахат: "Мы не ожидаем, что придет полмиллиона. Эта цифра исходит от политиков и она смехотворна. Я двадцать лет был мэром Тель-Авива - реально на этой площади и соседних улицах может поместиться не более 60-70 тысяч человек." - Прим. перев.]

В ходе тель-авивской демонстрации был физически устранен Премьер-министр Рабин, в ходе иерусалимской демонстрации была сделана попытка устранить Биньямина Нетаниягу с политической арены. И в той, и в другой истории опять-таки присутствует Авишай Равив.

На иерусалимской демонстрации Равив выставил напоказ плакаты, изображавшие Рабина в эсэсовской форме. В результате против Нетаниягу было выдвинуто ложное обвинение в том, что он одобрил этот плакат, и на основании того же плаката он был впоследствии обвинен в создании атмосферы, приведшей к убийству Рабина. По иронии судьбы, именно Рабин, выступая в Кнессете, обвинил Нетаниягу в подстрекательстве.

Из этого можно сделать серьезные выводы. ШАБАК подчинен непосредственно премьер-министру, который несет ответственность за утверждение его операций. Или же ШАБАК осмелился действовать за спиной у Рабина, или же Рабин сам одобрил всю операцию с Равивом и тем самым подписал свой смертный приговор.

"Едиот Ахронот", 19 ноября 1995 года

"Согласно показаниям Аарона Домба, пресс-секретаря Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы, вечером 5 октября, во время демонстрации, Авишай Равива и других членов ЭЯЛа видели распространяющими плакаты [с Рабиным в эсэсовской форме] на площади Сиона в Иерусалиме".

"Едиот Ахронот", 20 ноября 1995 года

"Журналист Первого канала телевидения Ницан Хен сказал вчера вечером в программе новостей, что за несколько минут до начала трансляции с правой демонстрации на площади Сиона Авишай Равив дал ему листовку,

изображавшую Рабина в форме СС.

Хен: "Равив подошел ко мне с двумя другими известными мне людьми: активистом ЭЯЛа и членом Каха. Они подошли к телевизионному фургону и дали мне листовку. Через 5-10 минут Равив вернулся, чтобы проследить, что я показал эту листовку в эфире".

"Едиот Ахронот", 11 декабря 1995 года

"Капитан полиции Йегуда Сайдоф: "Я пришел к выводу, что у Ницана Хена большое воображение и плохая память на факты. Равив вызывал у меня больше доверия". Равив сказал Сайдофу, что у него был только один экземпляр плаката, полученный им от Аарона Виктора, студента йешивы, и что, придя домой, он порвал его".

"Едиот Ахронот", 27 ноября 1995 года

"16-летний студент йешивы был задержан вчера в Иерусалиме на трое суток за распространение листовки с Ицхаком Рабиным в форме СС в ходе демонстрации на площади Сиона. Он признал свою вину и выразил сожаление о своем поступке. По его словам, Авишай Равив несет ответственность за распространение листовки".

"Маарив", 27 ноября 1995 года

"Полиция собирается допросить Авишай Равива по подозрению в том, что он распространял листовки, изображавшие Рабина в форме СС, в ходе правой демонстрации на площади Сиона. Один из двух арестованных студентов йешивы был связан с Равивом. Полиция собирается допросить других студентов йешивы, чтобы установить, насколько тесными были связи подозреваемого с Равивом".

Непосредственно после демонстрации, еще при жизни Рабина, вопрос о том, кто распространял листовки, находился за пределами общественного внимания - обсуждалось лишь то, что Нетаниягу не осудил с трибуны плакат. Проблема была целиком высосана из пальца: Нетаниягу не видел и не мог видеть плакат с трибуны. Но когда он попытался объяснить это в Кнессете, Рабин с негодованием вышел из зала заседаний.

Тогда казалось, что у Рабина есть полное право устроить подобное шоу с демонстративным негодованием. Но в течение двух недель после его смерти, общество узнало о связи Равива с ШАБАКом, и дело получило совсем иную окраску. В ходе слушаний перед Комиссией Шамгара Ницан Хен засвидетельствовал, что Равив вместе с другим членом ЭЯЛа дали ему листовку с Рабиным в форме СС. Как премьер-министр Рабин нес ответственность за деятельность ШАБАКа и должен был в точности знать, что представляют из себя Равив и ЭЯЛ. Самое большее - он дал разрешение на операцию с плакатом. Самое меньшее - он знал, что это трюк ШАБАКа, направленный на ослабление оппозиции "мирному процессу". Так или иначе, его демонстративный выход из зала во время речи Нетаниягу был частью игры, в которой он, пользуясь своей властью, вертел своим политическим противником как игрушкой.

У Рабина безусловно были причины для такого поведения. На тот момент Нетаниягу опережал его в опросах общественного мнения более чем на 18% и мог вывести на площадь 200 000 человек в свою поддержку (для сравнения: во всем Иерусалиме проживает около 400 000 евреев).

Огромная часть населения была разочарована в "мирном процессе". За месяц до иерусалимской демонстрации опрос общественного мнения, проведенный газетой "Маарив", показал, что 78% израильтян выступают за референдум по вопросу о "мирных переговорах" с Сирией. Членов правительства, в особенности Рабина, зачастую освистывали, когда они появлялись перед публикой. Например, когда в августе 1995 года Рабин появился на футбольном матче между Израилем и Бразилией, 50 000 присутствовавших там болельщиков встретили его дружным издевательским улюлюканьем. Вскоре после этого Рабину пришлось вынести еще одно унижение, когда его выступление перед 1000 репатриантов из англоязычных стран в Нетании было испорчено неслыханным прежде в Израиле громким монотонным гудением со стороны слушателей.

Противники "мирного процесса" организовывали пикеты и несли непрерывную вахту протеста возле дома Рабина в пригороде Тель-Авива. В относительно спокойной атмосфере пикетов заявления активистов ЭЯЛа резко выделялись своей злобой: они обещали, что супружеская чета Рабиных будет повешена на площади, как Муссолини и его любовница. Подобные заявления были частью тонкой игры, направленной на делегитимизацию законных акций протеста с помощью стоящих над законом экстремистов. Все это безнаказанно сходило с рук Равиву и его когорте лишь благодаря содействию полиции и Министра полиции Моше Шахаля - того самого Шахаля, который посылал

конную полицию избивать дубинками антиправительственных демонстрантов.

Полиция задержала Равива для допроса по поводу плаката, но как и во всех предыдущих подобных случаях с ним, быстро отпустила его на свободу. Даже при том, что показания Ницана Хена не вызывали у общественности сомнений, капитан полиции Сайдоф все равно встал на сторону пресловутого экстремиста Равива, а не популярного журналиста Хена. Такое с виду необъяснимое явление свидетельствует лишь о том, как далеко зашли полиция и прокуратура, замечая следы деятельности ЭЯЛа.

“Маарив”, 20 ноября 1995 года

“Редколлегия “Маарива” задает вопрос полиции и прокуратуре: почему же вы не выявили типографию, в которой печатались листовки и почему же вы не нашли того, кто велел их напечатать? Почему вы не выявили человека, который заказал фотомонтаж?”

Снова и снова прокуратура позволяла Равиву продолжать его провокационную кампанию, не боясь ни арестов, ни тюрьмы. Почему же прокуратура ни разу не привлекла Равива к ответственности? Почему Генеральный прокурор Михаэль Бен-Яир не приказал ШАБАКу немедленно прекратить незаконные действия?

Марк Вайс пишет в газете “Джуиш Пресс” от 25 апреля 1997 года:

“Судя по всему, израильская прокуратура располагала информацией о том, кто такой Равив, и о том, что он является агентом, но у нее были инструкции не привлекать “Шампанское” к суду за его противозаконные действия. В документе от 21 февраля 1994 года, полученном “Джуиш Пресс”, специальный отдел израильской полиции, занимающийся экстремистскими группировками, письменно информирует Равива о том, что они закрывают все дела, заведенные против него по обвинению в “подстрекательстве” против правительства. Любопытно, что в качестве обоснования документ приводит “недостаточный общественный интерес” [к указанным делам]”.

В этом поразительном документе сообщается также про неоднократные заявления Равива о крайней необходимости убийства Рабина и о допустимости такого убийства с точки зрения библейских законов (“дин родеф”).

Знал ли политический истеблишмент о роли Равива в истории с плакатом, и не воспользовался ли он цинично этой информацией для своей политической выгоды?

“Едиот Ахронот”, 20 ноября 1995 года

“Как утверждают пресс-секретари Ликуда, с момента убийства Рабина их политические противники развернули циничную кампанию, стремясь возложить на Ликуд ответственность за подстрекательство, которое привело к убийству и кульминацией которого стал плакат с Рабиным в нацистской форме”.

Биньямин Бегин: [] “Сообщал ли ШАБАК политикам - до демонстрации или после нее - о том, что их агент Равив распространял листовки с Рабиным в нацистской форме?”

Биньямин Нетаниягу: “Даже если лишь часть обнаруженного верна, существует серьезная угроза нашей демократии. Мы требуем полного расследования. Мы не допустим сокрытия этого от общественности”.

Сразу же после убийства в прессе появились многочисленные заявления о том, что Нетаниягу якобы несет ответственность за преступление, поскольку он создал в стране атмосферу, породившую убийцу. В доказательство этих абсурдных утверждений все время приводился плакат с Рабиным в нацистской форме, который Нетаниягу якобы отказался осудить с трибуны митинга.

Прокуратура и полиция использовали это якобы имевшее место “подстрекательство к убийству”, чтобы развернуть кампанию репрессий. Прокуратурой было выпущено постановление, дававшее крайне широкую трактовку понятию “подстрекательство” - под него попали многие действия, считающиеся в демократических странах законным проявлением свободы слова. Начались аресты.

Трое раввинов были обвинены в том, что они якобы объявили Рабина “родефом”. Одного из них бросили на несколько месяцев в тюрьму без предъявления ему какого-либо официального обвинения.

Израильский фермер, выразивший в интервью Си-Эн-Эн свое удовлетворение

по поводу убийства Рабина, был брошен в тюрьму за “выражение подстрекательской точки зрения”.

Шмуэль Цитрин из Хеврона, разоблачивший Равива как агента ШАБАКА за два месяца до убийства, был арестован и брошен в одиночную камеру на четыре месяца - без предъявления ему какого бы то ни было официального обвинения.

Десятки политических противников властей были арестованы и брошены в тюрьму в рамках административных арестов, позволяющих не предъявлять арестованному официальных обвинений. Тщательно спланированная охота на ведьм плотно охватила страну.

Прошло всего восемь часов после убийства, а по всей стране уже были наклеены сотни плакатов: “Рабин, с высоты твоих небес дай нам мир”. Никто не поинтересовался, каким образом удалось столь быстро нарисовать, напечатать и расклеить эти плакаты.

Нетаниягу вновь и вновь подергался унижениям за свою предполагаемую роль в скандале с плакатом. Вдова Ицхака Рабина Лея Рабин, принимавшая в своем доме Арафата в период траура, отказалась принять Нетаниягу и не пожала ему руку на похоронах, когда он принес ей соболезнования.

Через год после этого, на церемонии в память о Рабине, демонстранты выкрикивали в адрес Нетаниягу (бывшего в тот момент уже премьер-министром) обвинения в том, что он создал атмосферу ненависти, приведшую к убийству. Но к тому времени Нетаниягу уже знал правду о том, что произошло. В ходе своей предвыборной кампании он обещал, что если он придет к власти, то привлечет к суду Авишая Равива. И тем не менее, даже после победы на выборах Нетаниягу не выполнил своего обещания, хотя его продолжали травить в прессе как злодея и “пособника террора”. Почему же он не захотел смыть грязь с своего имени и с имени своей партии?

Вот какой ответ на этот вопрос дает Натан Гефен, усердный исследователь убийства, известный тем, что сумел достать протокол операции из госпиталя “Ихиллов”, который в противоречие с официальной версией утверждает, что один из выстрелов был сделан Рабину в грудь. Гефен говорит: “Перед выборами я показал протокол двум членам Кнессета от Ликуда - Йоси Ольмерту и Дову Шиланскому - ожидая, что они немедленно оценят, какую политическую выгоду можно извлечь из него. Но Ольмерт сказал мне, что

Ликуд не будет поднимать вопрос о смерти Рабина. Им это было не нужно. Я уверен, что они заключили сделку с Аводой о том, что ни те, ни другие не будут тревожить память о Рабине в ходе предвыборной кампании. Нетаниягу получил полную информацию об убийстве от симпатизировавших ему людей в ШАБАКе, но согласился замять эту информацию в обмен на то, что ему не будут мешать придти к власти. Поэтому и сегодня правительство скрывает правду об убийстве, как будто ничего не изменилось после выборов”.

Интуиция не подвела Гефена. Спустя два месяца я был приглашен в канцелярию одного из министров в правительстве Нетаниягу. Главный помощник министра сообщил мне, что Ликуд собрал целую папку, содержащую детальную информацию об убийстве Рабина, и что эту папку предполагалось опубликовать в случае, если Авода использует имя Рабина в своей предвыборной кампании или в случае, если Перес победит на выборах.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 4. ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Для целей ШАБАКа было недостаточно, чтобы Равив создал экстремистскую организацию, она должна была получить известность. ЭЯЛ было мало создать, его надо было широко рекламировать.

Первоначально целью ЭЯЛа было заманивать в организацию экстремистов, подталкивать их на провокации и затем арестовывать. Позднее деятельность ЭЯЛа стала также включать в себя подготовку Амира к убийству. Широкая известность ЭЯЛа как экстремистской организации была существенной частью этого плана - после убийства действия Амира можно будет объяснить уже тем, что он принадлежал к столь знаменитой радикальной группировке.

Для достижения указанных целей Равиву была необходима помощь со стороны телевидения. И он получил ее в лице Эйтана Орена, режиссера документальных фильмов, работавшего на Первом (государственном) канале израильского телевидения.

Тогдашний директор Первого канала Моти Киршенбаум был назначен на свой пост лично Рабиным в 1992 году по рекомендации Министра связи Шуламита Алони. Спустя два года Первый канал оказался на грани банкротства. Киршенбаум сократил еженедельное эфирное время, выделенное для развлекательных программ, на 14 часов и заполнил эти часы политическими шоу, направленными на активную поддержку "мирного процесса". Сомнений в

том, к какому политическому лагерю принадлежит Киршенбаум, не было.

И все же телевидение было еще слишком объективно. В некий момент сам факт освещения новостями Первого канала очередной антиправительственной демонстрации вызвал серьезное неудовольствие со стороны Рабина. Как широко сообщалось, жена Рабина Лея позвонила после этого Киршенбауму и сообщила ему, насколько Ицхак расстроен тем, что демонстрантов так много показывают по телевидению. Киршенбаум немедленно принял меры и телевидение практически перестало уделять время освещению законных акций протеста. [Здесь уместно добавить следующую подробность. Когда режиссер Михаэль Карпин впоследствии снимал фильм о якобы имевшем место "правом подстрекательстве, приведшем к убийству Рабина", ему пришлось обратиться за видеозаписями многотысячных правых демонстраций к иностранным телекомпаниям - израильское телевидение просто не располагало подобным материалом. - Прим. перев.]

В то же самое время отдел новостей Первого канала снова и снова посылал Орена освещать незаконные акции ЭЯЛа. Двое подростков из ЭЯЛа, Эран Агельбо и Арье Оранж, рассказали, что "акции протеста", в которых они участвовали, были спектаклями, поставленными Ореном и Равивом, и что Равив платил им за это. Сейчас эти ребята - которые оказались на самом деле не такими уж безрассудными экстремистами, как можно было ожидать - полностью запуганы угрозами ШАБАКа расправиться с ними, в случае если они согласятся обнародовать еще какую-либо информацию о Равиве или Амуре.

Чтобы лучше понять, как Первый канал и Орена чувствовали в подготовке общественного мнения к убийству Рабина, обратимся к данным из израильской прессы. Эти данные были собраны Мириам Эйлон, объединившей их в одну папку, названную "Дело Шампанского".

"Маарив", 24 ноября 1995 года

"Молодой парень, не старше восемнадцати, из харедим [Харедим - ортодоксальные религиозные евреи, не являющиеся сионистами - Прим. перев.], объяснил: "Я бедный студент из йешивы, и у меня нет денег. Равив

оплачивал все мои расходы на дорогу и на питание. Он также обещал платить мне дополнительные деньги каждый раз, когда ЭЯЛ будет упомянут в прессе из-за меня”.

За несколько месяцев до убийства Рабина Авишай Равив организовал - а Эйтан Орен заснял - церемонию в память о Барухе Гольдштейне.

“Гацофе”, 17 февраля 1995 года

“Свыше 500 человек пришло на поминальную церемонию в память о Барухе Гольдштейне... Авишай Равив был одним из организаторов этой церемонии. На церемонии также находились многочисленные представители прессы”.

И далее:

“Глава ЭЯЛа Авишай Равив пообещал свести счеты с членами Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы - включая председателя Совета Ури Ариэля и пресс-секретаря Совета Аарона Домба - осудившими организованную им церемонию в память о Барухе Гольдштейне. Согласно Равиву, “гибель Гольдштейна не окупается смертью всех убитых им арабов”.

“Маарив”, 17 февраля 1995 года

“Глава городского совета Кирьят-Арбы Цви Кацовер угрожает обратиться в Верховный Суд, чтобы предотвратить показ по телевидению репортажа о Кирьят-Арбе. В письме, посланном им Министру связи Шуламит Алони, Кацовер утверждает, что журналист Эйтан Орен был режиссером, инсценировавшим эпизод с плакатом, прославляющим Баруха Гольдштейна. “Мы не знаем, что еще он инсценировал в предстоящем телерепортаже”.

Орен и Равив инсценировали и другой эпизод с участием “радикальных элементов”. Равив нарядил двадцать подростков в футболки с надписью “Ках”, а Орен заснял их на пленку, представив как своего рода боевиков-подпольщиков. [Инсценированные журналистские репортажи запрещены израильским законом. Расследование данного дела было начато лишь после жалобы в прокуратуру со стороны общественной организации “Право общества на информацию” и продолжается с 1995 года по сей день - Прим.

перев.]

“Гаарец”, 5 августа 1994 года

“Вечером в прошлую пятницу Первый канал передал репортаж о нелегальном тренировочном военизированном лагере для подростков из движения Ках. Было показано, как подростки и инструкторы участвуют в акциях, которые, возможно, являются противозаконными... В числе прочего мы видим штаб партии Ках, запрещенной законом... упражнения с оружием, опасные для жизни подростков. Было показано, как эти подростки шествуют по арабской деревне и пишут на стенах подстрекательские надписи”.

Поселенческие лидеры осудили действия, показанные в репортаже, но изображенные там бессмысленные проявления еврейского национализма все равно вызвали у телезрителей чувство глубокого отвращения.

Из той же статьи в “Гаарец”:

“В свете данного репортажа, Министр полиции Моше Шахаль отдал указание провести немедленное расследование. Полиция начала розыск Авишая Равива, но он уже исчез. Позднее он позвонил в полицию и согласился явиться туда в воскресенье для допроса. Как он сам сообщил вчера нашей газете: “Мы организовали этот лагерь, чтобы показать нашу солидарность с жителями Хеврона и Кирьят-Арбы. В лагере мы занимались изучением стрелкового оружия, ориентированием на местности, ходили в поход на могилу Баруха Гольдштейна и принимали участие в других общественных мероприятиях”.

Равив признал, что он и его друзья сами пригласили прессу показать лагерь, для того чтобы привлечь внимание общества.

А вот, что думали по поводу Авишая Равива настоящие представители Каха.

“Маарив”, 24 ноября 1995 года

“Мы сразу же поняли, что Равив был чужд идеологии движения Ках”, - сказал

один из лидеров Каха Барух Марзель. - "Грубые выпады против раввинов, использование нацистских мотивов и его обращение с арабами заставили нас усомниться в нем... Мы никогда не назвали бы генерала Илана Бирана нацистом. В отличие от Равива и его людей, мы не занимаемся акциями, вредящими всему обществу".

И еще:

"Член Каха Цуриэль Попович был свидетелем провокации Равива. "Я видел, как он избивал старого араба без какой бы то ни было причины... Тот даже не защищался. Он боялся. Равив создал большое количество проблем - он очернил нас, создал грязный образ всем евреям здесь".

Духовный лидер Каха рав Меир Кахане был убит ровно за пять лет до убийства Рабина при столь же подозрительных обстоятельствах, что и Рабин. В то время, как Рабин был посмертно превращен израильской прессой в святого, та же пресса и после смерти Кахане продолжает изображать его как исчадь ада. Таким образом, нарядив актеров в футболки движения Ках, Равив играл на самых чувствительных струнах общественного сознания.

22 сентября 1995 года, за полтора месяца до гибели Рабина, Первый канал передал репортаж Орена о церемонии посвящения в ЭЯЛ на могиле основателя политического сионизма Теодора Герцля.

Вспоминает Эран Агельбо: "Эта маленькая пьеска Равива была столь смехотворной, что мы хохотали большую часть времени. Орен снимал нас в течение 45 минут и отредактировал потом эту видеозапись, сделав из нее 10-минутный репортаж. Мой адвокат пытался потом получить неотредактированную пленку у Первого канала, но никто не хотел ему ее давать, а полиция отказалась конфисковать ее".

"Маарив", 24 ноября 1995 года

"18-летний парень из харедим, участвовавший в церемонии посвящения, вспоминает: "Никто из участвовавших не был членом ЭЯЛа, поскольку не существовало никакого ЭЯЛа помимо Равива и Агельбо".

В репортаже Эйтана Орена держащий ружье подросток с лицом закрытым капюшоном клянется убить любого еврея или араба, который помешает осуществлению целей ЭЯЛа. "Я пришел около семи вечера", - вспоминает тот же парень из харедим, - "и увидел, как Равив раздает другим "лыжные" шапки в качестве масок. Он сказал нам что делать, что говорить и где стоять. Агельбо сказал мне: "У тебя приятный голос - ты и читай клятву посвящения для каждого". Я не знаю, что там думал Эйтан Орен, но он знал, что все это - сплошная инсценировка. Там была одна сцена, где Равив изображал, как он избивает новых членов организации, чтобы добиться от них признания в их сотрудничестве с ШАБАКом. Это выглядело так абсурдно, что мы все лопнули от смеха. Неудивительно, что Орен не включил эту сцену в свой телерепортаж".

"Едиот Ахронот", 26 ноября 1995 года

"Полиция арестовала Эрана Агельбо и Моше Эринфельда за участие в церемонии посвящения в ЭЯЛ, снятой Эйтаном Ореном и показанной по Первому каналу 22 сентября. В ходе церемонии новопосвященные члены организации клялись "пролить арабскую кровь, равно как и кровь евреев, не являющихся истинными евреями", а также обещали проникнуть в Ориент-Хауз в Иерусалиме". [Ориент-Хауз – здание в восточной части Иерусалима - неофициальная штаб-квартира ООП. - Прим. перев.]

"Маарив", 24 ноября 1995 года

"В ходе предыдущей церемонии посвящения Авишай Равив исчез за две минуты до того, как машины с двумя подразделениями полиции прибыли на место, чтобы арестовать участников церемонии".

Только активным участием и влиянием Киршенбаума можно объяснить то, что телевидение уделяло освещению ЭЯЛа столь непропорционально много времени.

Один из помощников Орена, пожелавший остаться неизвестным, сказал про него: "Он настолько идеологизирован, что у него сместились представления об этических нормах - он считал, что делает неправильную вещь, но для благого дела". Может и так, но тем не менее кто-то на Первом канале дал ему задание делать репортажи об ЭЯЛе, и Моти Киршенбаум разрешил показ этих репортажей по телевидению.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 5. КАКИМ ОБРАЗОМ ШАБАК МОГ УПУСТИТЬ АМИРА ИЗ ВИДУ?

Серьезнейшей обязанностью службы личной охраны любого главы государства является заблаговременное изучение всех возможных неблагоприятных ситуаций и подготовка к ним. Телохранители должны уметь распознавать особенно подозрительных субъектов и быть готовыми отреагировать на любое их угрожающее движение.

О принадлежности Амира к ЭЯЛу знал ШАБАК, знали буквально сотни студентов Бар-Иланского университета, и знал, очевидно, даже тот, кто снимал убийство на пленку - он держит Игаля Амира в кадре в течение подозрительно долгого времени.

Возьмем нашу мемуарную историю с Шломи Галеви, резервистом из армейской разведки, учившимся вместе с Амиром в Бар-Иланском университете. После того, как ему стало известно, что Амир ведет разговоры об убийстве Рабина, Галеви сообщил об этом своему армейскому командиру. Тот велел Галеви немедленно пойти в полицию. В полиции Галеви рассказал, что "низкорослый йеменит из ЭЯЛа бахвалится, что он собирается пойти и убить Рабина". Полиция отнеслась к словам Галеви очень серьезно и переправила его показания в ШАБАК - где они и пролежали четыре месяца, пока их не "обнаружили" через три дня после убийства Рабина.

22 сентября 1996 года еженедельник "Йерушалаим" сумел уговорить Галеви

дать первое интервью после “обнаружения” его показаний и последовавшей за этим бури в прессе. Еженедельник отмечает: “Тот факт, что предупреждения Галеви и других людей о намерениях Амира пылились без дела в ШАБАКе [вплоть до момента убийства], с новой силой разжигает теории о заговоре. После бури, первоначально поднявшейся вокруг него, Галеви исчез с глаз публики”. Далее берущий интервью спрашивает у Галеви: “Шломи Галеви, раз Вы поступили правильно [сообщив о намерениях Амира], почему Вы скрываетесь от общественности?” Галеви отвечает: “Убийство Рабина - большое место ШАБАКа. Я человек маленький, а они могущественная организация. Я не знаю, что они могут со мной сделать”.

История с Галеви получила широкую огласку потому, что Галеви служил в армейской разведке, так что ШАБАК и полиция были формально обязаны отнестись к его показаниям со всей серьезностью. Но Галеви был не единственным, кто заранее предупреждал о намерениях Амира.

“Едиот Ахронот”, 12 ноября 1995 года

“За несколько недель до убийства Рабина ШАБАК получил информацию о том, что есть некто по имени Игаль Амир, кто собирается убить Рабина.

“Едиот Ахронот” стало известно, что один из активистов ЭЯЛа, арестованный на прошлой неделе, был допрошен как возможный соучастник Игаля Амира. Брат убийцы Хагай упомянул о нем в своих показаниях.

В начале допроса подозреваемый горько расплакался и рассказал историю, которая сначала показалась допрашивавшим смехотворной. За несколько недель до убийства подозреваемый услышал, как Амир говорит о своих намерениях, и был шокирован этим. Он разрывался между необходимостью донести властям и нежеланием предавать товарищей. В итоге он избрал средний путь: он выдаст властям план Амира, но не назовет при этом ни имени, ни адреса самого Амира.

После некоторых колебаний он подробно сообщил одному офицеру из полицейского отдела по сбору информации все подробности об Амуре, кроме имени и адреса. Он сказал, что узнал об этом случайно, в кабинке общественного туалета, услышав разговор двух людей в соседней кабинке. Услышав, что они выходят наружу, он пошел за ними и постарался запечатлеть

в своей памяти их внешность.

Он рассказал, где учится этот человек, сказал, что тот является активистом ЭЯЛа, и описал его как “низкорослого худощавого йеменита, лет 25, смуглого, с курчавыми волосами”.

Описание было передано по всем полицейским каналам связи как важное. Информация была передана и в ШАБАК, после чего сотрудники ШАБАКа также взяли показания у подозреваемого. Из-за деликатного положения подозреваемого ни полиция, ни ШАБАК не пытались тогда выжать из него какую-либо дальнейшую информацию.

Во время нынешнего допроса подозреваемый назвал имена сотрудников полиции и ШАБАКа, с которыми он имел тогда дело, и его рассказ подтвердился, после чего его отпустили. Представители ШАБАКа подтвердили, что этот человек ранее передал им описание Амира и его плана убить Рабина”.

“Маарив”, 19 ноября 1995 года

“Хила Франк хорошо знала Амира по Бар-Иланскому университету. После убийства она наняла адвоката и сказала ему, что задолго до убийства она слышала, как Амир выражал намерение убить Рабина. Как член студенческого комитета в поддержку безопасности Израиля она участвовала в организации антиправительственных демонстраций. Поэтому она разрывалась между интересами государства и необходимостью разоблачить намерения Амира. Чтобы преодолеть эту дилемму, она сообщила то, что ей было известно, резервисту из армейской разведки Шломи Галеви, который пообещал, что доведет эти сведения до нужных людей”.

“Йерушалаим”, 17 ноября 1995 года

“Почему набросок портрета Амира, сделанный на основе описания Галеви, не был роздан сотрудникам личной охраны премьер-министра? Почему они не допросили других активистов ЭЯЛа, чтобы узнать, кто угрожал убить премьер-министра?”

“Едиот Ахронот”, 10 ноября 1995 года

“За полтора месяца до убийства журналист Ярон Кеннер готовил материал о правых экстремистах. Он провел два дня в Хевроне на учебном семинаре, там он встретил Игаля Амира, будущего убийцу Рабина.

“Кто организовал это мероприятие?” - спросил я Хагая Амира. “Вот”, - сказал он и показал на Игалья Амира. Тут Игаль Амир встал и попросил внимания. Я помню, что я подумал, что он немного странный и не вполне соответствует этому месту. Тем не менее, как только он встал, тотчас воцарилось молчание. “Мы пригласили 400 человек, а приехало более 540, это вызывает определенные организационные проблемы”, - так он сказал”.

“Маарив”, 12 декабря 1995 года

“В ходе организованных Амиром субботних семинаров сотни людей слышали, как он выражал свои радикальные мысли, среди которых были библейские обоснования допустимости убийства Рабина”.

“Едиот Ахронот”, 24 ноября 1995 года

“Игаль Амир привлек к себе внимание ШАБАКА шесть месяцев назад, когда он начал организовывать субботние семинары в Кирьят-Арбе. Когда Амир с товарищами начали организовывать походы по горам Иудеи, заинтересованность ШАБАКА возросла, и они запросили отчет об Амире. Авишай Равив, который уже раньше был знаком с ним, подготовил этот отчет”.

“Маарив”, 24 ноября 1995 года

“Группа студентов из Бар-Илана ехала на машине из Тель-Авива, когда они услышали по радио о покушении на Рабина. Они решили сыграть в игру - каждый должен был попытаться угадать, кто стрелял в Рабина, и составить список из пяти возможных кандидатов. Игаль Амир попал в каждый из этих списков”.

Игаль Амир не держал в секрете свои намерения убить Рабина. Он говорил об этом сотням людей на организованных им субботних семинарах, а также, кажется, всем, кто находился в пределах слышимости от него в Бар-Илане. И тем не менее вечером 4 ноября 1995 года ему было позволено беспрепятственно приблизиться к премьер-министру.

Совершенно очевидно, что сознательно или бессознательно Амир работал на ШАБАК.

=СИОНИЗМ =

mail.ru	149
3798873	65

HotLog	
1090373	+77

jewish.ru	
1 КИСЛЕВА	

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 6. ПРЕДЫДУЩАЯ ПРОВОКАЦИЯ

В начале сентября 1994 года ШАБАК и полиция объявили, что они разоблачили некую подпольную военизированную еврейскую организацию под названием "Отмщение", собиравшуюся устроить теракты против арабских деревень, а также против Ориент-Хауза - координационного центра ООП в Иерусалиме. Семнадцать евреев было арестовано и брошено без предъявления обвинения в тюрьму, где их держали несколько дней в бесчеловечных условиях. Жестоко изгрызенное крысами лицо одного из заключенных стало поводом для общенационального скандала. С течением времени все семнадцать были обвинены в заговоре с целью совершения убийства. Однако лишь двое из арестованных были знакомы между собой - это были два брата, Йегояда и Эйтан Кахалани. Впоследствии обвинения были сняты со всех подозреваемых, за исключением братьев Кахалани.

История братьев Кахалани началась с их излишней предприимчивости. Дело в том, что из-за чрезмерного государственного вмешательства в израильское сельское хозяйство, цены на многие продукты питания, включая яйца, оказываются искусственно завышенными. Вместе со своим соседом из Кирьят-Арбы, Ивом Тиби, братья Кахалани планировали заняться "контрабандой" яиц. Они собирались скупать яйца за мизерную (по сравнению с израильской) цену у одного арабского производителя, живущего за "зеленой чертой", и затем продавать эти яйца внутри "зеленой черты". ["Зеленая черта" - граница Израиля, установленная после Войны за независимость в 1949 г. Победа в Шестидневной войне (1967) дала Израилю новые территории за "зеленой чертой", но, помимо Голанских высот и восточной части Иерусалима, они не присоединены к Израилю. По разные стороны "зеленой черты" действуют разные законы и регулирующие постановления, это положение и собирались

использовать братья Кахалани. - Прим. перев.]

2 сентября 1994 года братья поехали по глухим арабским деревням, чтобы разведать дорогу через "зеленую черту" (в обход блокпостов израильской армии). На обратном пути их машина испортилась и оказалась не в состоянии взять очередной подъем на горной дороге, ведущей в Иерусалим. Братья позвонили Тиби, рассказали ему о своей проблеме и попросили одолжить им его машину. Он согласился и они встретились в 2 часа дня в Иерусалиме. Оттуда братья Кахалани выехали на машине Тиби. В 2:13 они проехали через арабскую деревню Батир, находящуюся в муниципальных границах Иерусалима. Спустя буквально две минуты после этого их остановил шабаковский джип, ждавший их в засаде. Угрожая оружием, их заставили выйти из машины, которая была тут же обыскана. При обыске были найдены две автоматические винтовки М-16, завернутые в одеяло. Вскоре после этого на место прибыл наряд полиции, и братья были арестованы. Полторы недели их держали в камере при ШАБАКе, не предъявляя им обвинения и не давая увидеться с адвокатом. Через десять дней после ареста братьев некий араб по имени Зиад Шами сделал письменное заявление о том, что когда он ехал на велосипеде к себе на работу в Батир, братья попытались выстрелить в него, но ружье дало осечку. Только после этого братьям было предъявлено обвинение в покушении на убийство. Еще через три дня ШАБАК объяснил, что это он подпортил ружья, чтобы не дать братьям выстрелить и поймать их на месте преступления. В действительности, у меня даже есть отчет об оружейной проверке из баллистической лаборатории полиции, подписанный Бернардом Шехтером и доказывающий, что винтовки находились в руках полиции за день до якобы имевших место попыток выстрелов. [Тот же офицер полиции Шехтер впоследствии проводил экспертизу оружия Игаля Амира.]

Роль Зиада Шами в этом деле была сомнительной с самого начала. Ранее он несколько раз арестовывался ШАБАКом за различные акты насилия и дважды даже оказывался в тюрьме. Его показания о якобы имевшем место нападении на него противоречивы. На одном из допросов в полиции он утверждал, что слышал щелчок ружья и видел выпадающую гильзу. Позднее он сказал, что ничего не слышал и только видел, как один из братьев пригнулся для стрельбы из-за машины. На одном из допросов он сказал, что может опознать стрелявших, но впоследствии отказался от этого. В ходе суда один из наемных работников Шами был вызван для подтверждения показаний своего работодателя. Он показал, что Шами рассказал ему об инциденте через два дня после того, как тот произошел. Но на перекрестном допросе в суде ему была предъявлена учетная карточка времени, показывающая, что Шами находился на работе на следующий день после инцидента. Почему же в тот день Шами не рассказал ему о случившемся? В ответ на это работник изменил свои показания, заявив, что Шами в действительности рассказал ему о случившемся

именно тогда.

Показания Шами были последовательными только в одном - они последовательно менялись так, чтобы соответствовать новым версиям, предъявлявшимся следствием: то он оставил свой велосипед, то он взял его; то он видел, то он не видел; то он слышал, то он не слышал; то его подобрал на дороге приятель, то его подобрал незнакомец; то братья стояли к нему вплотную, то они находились на расстоянии нескольких шагов от него. Он сказал полиции, что первые слова братьев, обращенные к нему, были: "Который час?" В суде он показал, что вначале они спросили его: "У тебя есть деньги?"

Были несообразности и в судебной экспертизе. Вначале было сообщено, что все отпечатки пальцев были заранее стерты с оружия. Потом обнаружилось, что на оружии все-таки были отпечатки пальцев, но они не совпадали с отпечатками братьев. Полиция взяла отпечатки пальцев у всех семнадцати арестованных по делу о "подпольной организации", и ни одни из этих отпечатков не совпали с теми, что были на винтовках. По необъяснимым причинам отпечатки пальцев Ива Тиби даже не проверялись. Офицер полиции Зайгер, принимавший участие в аресте братьев, показал, что обойма с патронами была вынута из рюкзака братьев в момент ареста. Тем не менее на ней не было их отпечатков пальцев. Более того, в записях полиции от 2 сентября 1994 года указывается, что обойма была найдена в доме подсудимых.

Несмотря на дикие извороты обвинения, суд признал братьев Кахалани виновными в покушении на убийство.

"Этот приговор", - сказал один из высокопоставленных источников, - "имел непосредственное отношение к убийству Рабина. Если бы ловушка, подстроенная братьям Кахалани, не закончилась приговором, люди могли бы начать задавать вопросы и об Игале Амуре. Я спросил своих знакомых в ШАБАКе, каким образом можно было вынести обвинительный приговор братьям Кахалани при таком количестве явно сфабрикованных улики. Они сказали мне, что есть лишь один ответ: "На самом высоком уровне в ШАБАКе была одобрена политика дискредитации "поселенцев" для оправдания их последующей насильственной эвакуации на определенной стадии "мирного процесса".

В феврале 1996 года суд должен был вынести решение о тюремном сроке для братьев Кахалани. Из двух братьев лишь Эйтан прибыл в зал суда, чтобы услышать о своем 12-летнем сроке. За несколько недель до этого Йегояду перевели из его камеры в другой тюремный блок. Он разговаривал со своей

матерью по телефону, когда один из сокамерников напал на него с металлической трубой в руках. Он еще успел сказать матери: "Они поместили меня сюда с убийцами". Несмотря на полученные им тяжелейшие ранения, Йегояда сумел выжить.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Глава 7. ГИЛОН, КАЛО И ДРУГИЕ

Первым шагом Гилона после убийства Рабина было назначить внутреннюю служебную комиссию по расследованию. Но общественность не удовлетворилась этим, и правительство назначило свою комиссию по расследованию во главе с бывшим председателем Верховного суда Меиром Шамгаром. Шамгар разослал письма семи сотрудникам ШАБАКа, включая Гилона и начальника Отдела ШАБАКа по борьбе с еврейской подрывной деятельностью Хези Кало, но при этом не обратил внимания на коллегу Кало Эли Барака, непосредственно курировавшего Авишая Равива. В своих письмах Шамгар информирует сотрудников ШАБАКа, что против них могут быть возбуждены уголовные дела. Часть показаний этих сотрудников была опубликована, но примерно 30% показаний (включая большую часть показаний руководителей ШАБАКа) остались засекреченными из соображений государственной безопасности. Поэтому обратимся к доступным источникам информации - при всей их кажущейся незначительности, они свидетельствуют о многом.

Карми Гилон, дипломная работа на степень Мастера, 1990 год:

“Израильское общество демонстрирует терпимость по отношению к ультраправым, нарушающим законы из идеологических соображений. Таким образом, происходит (пусть и задним числом) легитимизация их действий”.

“Едиот Ахронот”, 10 ноября 1995 года

“В конце августа группа журналистов встречалась с Карми Гилоном. Среди

прочих вещей, он обрисовал перед ними портрет возможного еврейского убийцы премьер-министра. Не сознавая того, он дал абсолютно точный портрет Игаля Амира. Как сказал тогда глава ШАБАКа, убийцей может стать какой-нибудь неглупый индивидуалист-одиночка, не живущий на "территориях".

Из диссертации Карми Гилона:

"Рост экстремизма в израильском обществе создает индивидуумов, которые, преследуя свои цели, не будут обращать внимания на связанные с этим опасности".

"Едиот Ахронот", 20 ноября 1995 года

"Цитаты из показаний, данных главой ШАБАКа Комиссии Шамгара, позволяют нам понять, в чем состоит его линия защиты. Он называет Амира "психом-одиночкой", который в один прекрасный день проснулся и решил убить премьер-министра без чьей-либо посторонней помощи. Он утверждает, что подобных психов очень трудно выявить, и поэтому убийство не было следствием провала системы осведомителей ШАБАКа. Подобная линия защиты выглядит весьма проблематично. Хотя, согласно самому Амиру, он действовал в одиночку, нельзя сказать, что он при этом был настолько малообщителен, что держал свои намерения в полном секрете - согласно имеющимся свидетельствам, еще трое или четверо человек знало о его планах. Теория Гилона о "псиче", который пошел в одиночку убивать премьер-министра, не сказав никому об этом, просто не имеет под собой оснований".

"Едиот Ахронот", 24 ноября 1995 года

"У главы ШАБАКа не было никаких сомнений в том, кто был убийцей. Когда ему сообщили по телефону о том, что некто выстрелил в Рабина с близкого расстояния, его немедленной реакцией было: "Это еврей".

В ноябре 1995 года Авраам Ротем, бывший глава Отдела личной охраны в ШАБАКе, выразил в газете "Маарив" большую обеспокоенность бездействием Гилона в отношении убийства:

"Где находился глава ШАБАКа в прошлую субботу вечером? За границей. Что он делал там? Неизвестно. Что-то срочное. Что может быть более срочным, чем охрана жизни премьер-министра? Он не знал, что кто-то собирается убить Рабина. Он не знал? Тогда почему же в газетах написано, что несколько

месяцев назад он предупредил Рабина о том, что кто-то из крайне правых планирует убить его? И почему после этого он обратился с тем же предупреждением к главам политических партий и попросил их не допускать подстрекательств к убийству? Нельзя сказать премьер-министру, что кто-то собирается убить его, а затем вернуться к обычной рутинной работе”.

Можно ли считать случайным стечением обстоятельств то, что Гилон предупредил политиков, и даже лично Рабина, о возможности покушения на премьер-министра со стороны неуравновешенного одиночки, который не обязательно будет поселенцем? Гилон упорно строил свою линию защиты, называя Амира “сумасшедшим одиночкой” и отрицая причастность ШАБАКа к произошедшему. Однако за 48 часов до покушения Гилон улетел в Париж неизвестно зачем, несмотря на просьбы подчиненных задержаться до митинга.

Шамгар ограничился порицанием в адрес Гилона.

Хези Кало - это наиболее загадочная из всех шабаковских фигур, окружающих убийство Рабина. Его имя не публиковалось до октября 1998 года, когда он написал газетную статью, где смехотворным образом выгораживал себя, утверждая, что лишь однажды встречался с Равивом. Об Эли Бараке мы знаем, что он был куратором Равива в ШАБАКе, но никто до сих пор четко не объяснил, в чем состояли обязанности Кало. Все, что нам известно о нем - это то, что он был непосредственным начальником Барака.

18 декабря 1995 года газета “Маарив” сообщила, что Комиссия Шамгара изучает противоречия между показаниями полиции и показаниями Кало:

“Они выясняют, как ШАБАК реагировал на информацию, поступавшую из Бар-Иланского университета, и почему ШАБАК не знал о субботних занятиях в Иудее и Самарии, организованных Игалем Амиром вместе с Авишаем Равивом”.

“Едиот Ахронот”, 22 ноября 1995 года

“Согласно показаниям, которые начальник Отдела по борьбе с еврейской подрывной деятельностью [Кало] давал в течение шести часов Комиссии

Шамгара, ШАБАК запросил Равива составить обзор деятельности Амира за три месяца до убийства. Вернувшись с задания, Равив сообщил им о планировавшихся Амиром антиарабских акциях. Как свидетельствует Кало: "Равив не знал об истинных намерениях Амира - совершить акции против евреев, включая премьер-министра".

"Маарив", 19 декабря 1995 года

"Среди тех, кто был крайне удивлен получением писем с предупреждением от Шамгара, был и Кало, который полагает, что причиной убийства Рабина стал провал службы личной охраны премьер-министра, а не провал системы осведомителей ШАБАКа. Он полагает, что вынесение ему предупреждения было совершенно неоправданно".

Кало утверждал, что не знал ничего о высказывавшихся Игалем Амиром в Бар-Илане угрозах убить Рабина. Более того, он сказал, что за три месяца до убийства получил от Авишая Равива отчет, где ничего не сообщалось об этих угрозах (при том, что Равив не мог не слышать их многократно). Кало настаивал, что вместо этого ему было сообщено, что Амир планирует избиения арабов. [Амир тем не менее отказывался участвовать в каких-либо избиениях арабов, организованных Равивом. Лишь однажды он принял участие в антиарабской акции: "Ночной "патруль" в Хевроне, включавший в себя Игаля Амира, попал в свое время в заголовки новостей. "Патрулировавшие" вначале побили стекла в арабских домах, а затем разбили фотокамеру одного из палестинских журналистов." ("Едиот Ахронот", 20.11.1995.)] Если это действительно было так, то получается, что Равив сознательно скрывал правду от Кало, и что другие подчиненные Кало утаивали от него информацию, поступавшую из Бар-Илана.

"Едиот Ахронот", 20 ноября 1995 года

"Согласно лондонской газете "Обсервер", высокопоставленные офицеры израильских служб безопасности утверждают, что сотрудникам ШАБАКа было известно о намерениях Игаля Амира убить Ицхака Рабина. Наиболее высокопоставленным сотрудником, знавшим об этом, был Эли Барак, начальник Еврейского отдела ШАБАКа. Он не отнесся серьезно к "смехотворным" планам Амира. Газета не объясняет, почему Барак не сообщил об угрозах Амира начальнику ШАБАКа. Ответ на этот вопрос должен быть

получен государственной комиссией по расследованию [Комиссией Шамгара]”.

“Маарив”, 27 ноября 1995 года

“Эли Барак, начальник отдела [ШАБАКа], занимающегося еврейскими экстремистами, сказал в своих показаниях, что Авишай Равив не знал о том, что Игаль Амир намеревается убить Ицхака Рабина, а сообщил лишь, что Амир - [правый] активист из Бар-Иланского университета. Согласно Бараку, Амир принял решение убить Рабина самостоятельно, и не было никакой возможности упредить его действия”.

Член Комиссии и бывший глава Моссада Цви Замир спросил Барака, почему ШАБАК не отреагировал на донесение Шломи Галеви в полицию о том, что низкорослый йеменит из ЭЯЛа высказывает угрозы в адрес Рабина. Комиссия подчеркнула, что поскольку Галеви являлся солдатом армейской разведки, его заявлениям следовало уделить серьезное внимание. Ответ Барака так и не был никогда опубликован.

Известно, что Авишай Равив являлся агентом ШАБАКа с 1987 года. В тот год ректор Тель-Авивского университета Итамар Рабинович попытался исключить его из университета за экстремистскую деятельность, но тогдашний премьер-министр Ицхак Шамир направил к Рабиновичу своего помощника, Йоси Ахемеира, чтобы тот заступился за Равива.

Трудно найти цитаты с высказываниями Равива, которые бы не были пропитаны показным экстремизмом. Но в ноябре 1996 года еженедельник “Коль Гаир” сумел выжать из него фразу: “Никто не поверит тому, что я знаю, но не могу сказать”.

Сейчас уже известно, что Равив лгал на суде над Хагаем Амиром, когда он сказал суду: “Я никогда не работал на ШАБАК и никогда не был связан с ним”. Сам факт того, что подобное лжесвидетельство не вызвало никакого протеста, говорит о серьезнейшей судебной ошибке. [После скандала с “автобусом номер 300” (см. ниже), стало известно, что ШАБАК инструктирует своих сотрудников, чтобы те, в интересах ШАБАКа, давали в суде ложные показания. Государственная комиссия, расследовавшая дело, постановила тогда, что никакие сотрудники ШАБАКа ни при каких обстоятельствах не имеют права лжесвидетельствовать в суде - даже если это ставит под угрозу секретную

деятельность ШАБАКа. - Прим. перев.]

В январе 1998 года Хагай Амир в конце концов подал в суд на Равива. Он заявил, что получил бы более мягкий приговор, если бы не лжесвидетельство Равива. В марте того же года ШАБАК поместил в камеру к Хагаю его брата Игаля. Через два дня Хагай взял свой иск назад. Можно только догадываться о том, стало ли это результатом влияния Игаля Амира на брата, и если да, то почему Игаль Амир был столь заинтересован в защите Авишая Равива.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 8. НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПЛАН

ШАБАК утверждает, что он не был готов к тому, что убийца-одиночка окажется в тот критический вечер на площади Царей Израиля.

Тем не менее, двое бывших сотрудников Отдела личной охраны утверждают, что в начале 90-х годов, когда они работали в ШАБАКе, они подготовили детальные планы на различные случаи покушения со стороны убийцы-одиночки - включая план на случай, если покушение произойдет на площади Царей Израиля. Как сообщается в статье, напечатанной в журнале "Анашим", этот план даже включал вариант, при котором убийца стоит у лестницы за сценой - в точности, как Игаль Амир. В интервью, приведенном в той же статье, двое упоминавшихся сотрудников ШАБАКа, Тувия Ливне и Исраэль Шай, выражают свое огорчение и растерянность. Ливне: "Когда мы с Исраэлем услышали новость об убийстве, мы пришли в ярость - ведь был же план действий на случай ровно такого покушения, и мы отработывали этот план бесчисленное количество раз".

Еще больше Ливне и Шая сбил с толку тот факт, что не сумев предотвратить появление убийцы поблизости, телохранители не выполнили своей первейшей обязанности в подобных обстоятельствах - прикрыть собой премьер-министра. Равно как не выполнили они и второй важнейшей обязанности - уничтожить убийцу. Журналист из "Анашим" сказал Ливне и Шаю: "Вы годами тренируете ваших людей моментально уничтожать убийцу, а тут, когда дошло до дела, они даже не пошевелились!" На это Ливне ответил: "Я полагаю, что крик неизвестного "Это холостые!" остановил телохранителей".

Ливне продолжает: "Я подчеркиваю, что у меня лично нет никакой информации

на этот счет, но, по-моему, резонно предположить, что один из известных или неизвестных соучастников Амира стоял рядом с ним в толпе и помог ему таким образом. А может быть, это и сам Амир закричал”.

Вскоре после ареста Амира, следователь задал ему вопрос:

- Вы кричали, что патроны холостые?

- Зачем мне было делать это? - ответил Амир.

- Чтобы сбить телохранителей с толку, временно привести их в замешательство.

- Интересная мысль, - сказал Амир, - но я этого не делал.

На самом деле, крик “Срак! Срак!” (означающий “Холостой! Холостой!”) был далеко не единственным криком, прозвучавшим после выстрела. Было и много других похожих выкриков со стороны телохранителей: “Это просто так!”, “Учения!”, “Это не по-настоящему!”, “Игрушечный пистолет!” и т.п.

Поскольку Амир не мог издать все эти крики из восьми или девяти разных мест, это был не он. Если там и были другие заговорщики, то ими должны были быть телохранители.

Далее в статье из журнала “Анашим” говорится:

“Ливне и Шай были довольны формированием Комиссии Шамгара и терпеливо дожидались того, что их вызовут для дачи показаний. Оба они считались ведущими в стране специалистами по личной охране. Оба прослужили в Отделе личной охраны много лет и были телохранителями таких центральных фигур в израильской истории, как Голда Меир, Моше Даян, Эзер Вайцман и сам Рабин (в то время, когда он был премьер-министром в первый раз). Оба они досконально знали Отдел, оба прошли весь путь по служебной лестнице внутри Отдела, став в конце его начальниками - сначала Ливне, затем Шай”.

Но Комиссия Шамгара не обратила на них никакого внимания.

Ливне заключает: "В этом убийстве не было ничего нового, ничего такого, чего бы мы уже не учили в прошлом. То, что убийца оказался в состоянии осуществить свой план - позорная ошибка тех, кто отвечал за личную безопасность премьер-министра в тот вечер".

Ни один из офицеров ШАБАКа, отвечавших за личную охрану Рабина, не был привлечен к суду, не был осужден военным трибуналом и не был посажен в тюрьму. Вынужденная отставка была самым тяжелым из отмерянных им наказаний.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 9. ФИЛЬМ КЕМПЛЕРА

Спустя два месяца после убийства Рабина израильтяне были шокированы напечатанным в газетах известием о том, что некий кинолюбитель заснял убийство на пленку, и что эта пленка будет показана по Второму каналу телевидения. О кинолюбителе было сказано, что он "турист из Польши". Однако эта версия была изменена на следующий же день. Кинолюбитель оказался на самом деле израильтянином по имени Рони Кемплер. Но Кемплер не был рядовым гражданином - он работал в ведомстве Государственного контролера и служил телохранителем во время военных сборов для резервистов.

Израильская пресса крайне редко публикует высказывания, которые могут подвергнуть сомнению объективность Комиссии Шамгара. Тем не менее несколько подобных высказываний было напечатано после опубликования 27 сентября 1996 года в "Маариве" показаний агентов ШАБАКа и офицеров полиции, находившихся рядом с местом покушения.

Одно из высказываний принадлежит члену Кнессета от партии Авода Офиру Пинесу. Он признает, что и он слышал, как многие охранники кричали, что выстрелы в Рабина были сделаны холостыми патронами. Он довольно неуверенно добавляет, что в ретроспективе ему кажется, что эти крики, возможно, лишь слышались ему, поскольку ему хотелось верить, что пули были ненастоящими.

Другим исключением из правил стало напечатанное в газете "Маарив" письмо Ханны Хен из Иерусалима. Она емко резюмирует некоторые из самых

откровенных подозрений в отношении Рони Кемплера

* Предполагается, что раньше никто не знал о существовании пленки с записью убийства и о том, что кто-то вообще снимал убийство. Означает ли это, что никто из находившихся там охранников не заметил, как Кемплер снимает с крыши?

* Каким образом видеофильм попал в прессу?

* Не должен ли был ШАБАК конфисковать пленку у ее владельца как единственное документальное свидетельство, описывающее убийство? И почему автор видеозаписи не передал ее добровольно в полицию?

* Вопрос об аутентичности пленки остается полностью неясным.

* По мнению самой Ханны Хен, пленка смонтирована - то ли некоторые люди с нее убраны, то ли звук выстрелов добавлен. Нас всех одурачили, пишет Ханна: автор видеозаписи работал на ШАБАК, и все, что связано с пленкой и ее обнародованием - фальшивка.

Общественность волновали и другие вопросы. Например, почему Кемплер прождал почти два месяца, чтобы продемонстрировать всем свою пленку, когда он мог разбогатеть, продав ее западным телекомпаниям на следующий же день после убийства? В своем первом и последнем выступлении по телевидению (в вечер показа видеофильма) Кемплер ответил на этот вопрос единственным возможным для него образом - он сказал, что не был заинтересован в деньгах.

Даже при том, что и сам видеофильм, и его запоздалое обнародование вызывают большие подозрения, эта пленка имеет такую же ценность для расследования убийства Рабина, какую имел фильм Запрудера для расследования убийства Кеннеди.

Ключевой момент состоит в том, что в видеозаписи, сделанной Кемплером, видно, как задняя левая дверь предположительно пустой рабинской машины закрывается, прежде чем Рабин оказывается в автомобиле. В то же время Комиссия Шамгара заключила, что автомобиль был пуст!

В видеозаписи Кемплера есть также много (очень много!) других противоречий с официальной версией убийства.

В начале 15-минутного видеофильма Игаль Амир смотрит куда-то вдаль и, как заметил телевизионный комментатор, “кажется сигнализирует кому-то”. Возможность наличия у Амира сообщника была отмечена в ходе слушаний перед Комиссией Шамгара, когда офицеры полиции Боаз Эран и Моти Сергеи засвидетельствовали, что за полчаса до покушения Амир разговаривал с неким бородатым человеком, по-видимому известным ему.

Чтобы доказать, что Амир оказался в “стерильной зоне” возле трибуны не по их вине, полицейские ссылались в своих показаниях на наличие в этой зоне большого количества народа. По их словам, например, “другой известный участник демонстрации - муниципальный работник - подбежал к Рабину и пожал ему руку”. Амир был, возможно, не единственным посторонним в “стерильной зоне”, но в течение большого промежутка времени он стоял на расстоянии нескольких метров от всех остальных. Его невозможно было не заметить - если только не избегать этого специально.

И Кемплер замечает его - он наводит свою камеру на Амира, когда к тому подходят трое сотрудников службы безопасности и заводят с ним разговор. В это же время Шимон Перес направляется к барьеру, отделяющему его от толпы, выслушивает теплые пожелания демонстрантов и затем подходит метра на полтора к капоту машины Рабина. Его сопровождают четверо телохранителей. Один из них явственным образом показывает на Игаль Амира, сидящего в трех метрах от них. Перес останавливается, заглядывает внутрь рабинской машины и заводит разговор с телохранителями. Теперь все они бросают пристальный взгляд на ветровое стекло автомобиля, а затем поворачиваются к Амиру.

В этом месте в видеозаписи имеется разрыв. Кемплера попросили объяснить это под присягой на суде над Игалем Амиром. Он сказал: “Шимон Перес покинул трибуну, и я начал снимать его, полагая, что он сейчас сядет в свою машину. Но когда Перес остановился, он перестал интересовать меня в кинематографическом плане. Я перестал снимать и снова начал снимать в тот момент, когда он сел в машину”. Но Перес не идет к своей машине после разрыва в записи, а разговаривает с шофером Рабина Менахемом Дамти. До этого Дамти не был нигде виден - скорее всего, он находился на своем месте возле двери водителя.

Вместо того, чтобы сесть в машину и отправиться домой после изнурительного вечера, проведенного на демонстрации, Перес решает исследовать рабинский автомобиль и как следует поболтать с его шофером. Лишь через много секунд после этого он начинает двигаться в сторону своей машины. Из-за разрыва в записи мы не можем определенно сказать, сколько времени на самом деле продолжалась его беседа с шофером.

Видеофильм Кемплера продолжается: Перес садится в свою машину, а Рабин спускается по лестнице с трибуны. Как показывает камера, телохранитель, находящийся сзади от Рабина, странным образом поворачивает свою голову и останавливается напротив Амира, тем самым позволяя тому выстрелить прямо в Рабина. Амир достает пистолет из своего правого кармана, и телевизионный комментатор (комментирующий видеофильм) замечает: "Амир достает пистолет, чтобы выстрелить". Любой, даже нетренированный человек, мог видеть, что Амир достает пистолет, и в этот момент телохранителям следовало броситься на него. Но этого не произошло. Вместо этого мы видим, как Амир достает пистолет, огибает журналиста-стажера Морди Исраэля и стреляет.

Прокручивая пленку Кемплера кадр за кадром, мы видим, что Рабин даже не вздрогнул, хотя предположительно получил себе в легкое девятимиллиметровую разрывную пулю. Его даже не шатнуло вперед силой попавшей в него пули, а на его костюме не видно никаких признаков разрыва. Вместо этого он продолжает идти вперед и поворачивает голову назад, в направлении шума.

Три врача просматривали этот эпизод вместе со мной: д-ра Б. и Х. попросили не оглашать их имен, д-р Клайн из Тель-Авива не высказал возражений против того, чтобы я сослался на него. Я спросил их, выглядит ли правдоподобной реакция Рабина на выстрел, если считать, что он был ранен в легкое или что пуля раздробила ему позвоночник. В ответ мне сказали, что если бы пуля попала Рабину в позвоночник, он упал бы на месте. В случае же ранения в легкое - сказали врачи - возможны два типа болевой реакции: рефлексивная и замедленная. Рабин не проявил рефлексивной реакции, которая скорее всего должна была бы выразиться в сгибании руки. Вместо этого он выглядит испуганным и без признаков боли поворачивает голову в сторону выстрела. Заключение докторов состояло в том, что Рабин услышал выстрел или почувствовал взрывную волну от разорвавшегося холостого патрона и быстро повернулся в сторону шума. Это не могло произойти одновременно с рефлексивной болевой реакцией.

Рабин делает один или два шага вперед, и вдруг видеозапись становится на долю секунды крайне нечеткой. Известный израильский оператор, вместе с которым я работал, убежден, что запись была специально сделана размытой с помощью искусственного процесса, имитирующего быстрое и внезапное движение камеры. В подтверждение этому он указывает на то, что белое пятно отраженного света на ветровом стекле автомобиля стоит на одном месте, в то время как камера предположительно вертится.

Когда размытость исчезает, появляется Рабин, все еще стоящий, но уже на шаг или два впереди и немножко справа от того места, где он находился прежде. Именно в этот момент мы видим, что все выводы Комиссии Шамгара - ложь. Согласно заключению Комиссии, после того, как Амир сделал первый выстрел в Рабина, Йорам Рубин, телохранитель, упал на Рабина, а на Амира бросились двое других телохранителей, но он все равно исхитрился приблизиться к своей жертве и выстрелил вниз - вначале в локоть Рубину, а затем в бок Рабину. Но пленка показывает Рабина стоящим, в то время как Амир уже исчез с экрана. Мы видим, что за эти две секунды Рубин не прыгнул на Рабина, и Амир не приблизился к Рабину, чтобы сделать еще два выстрела в лежащего ничком телохранителя и в премьер-министра. После этого камера опять начинает вертеться и в следующий момент, пока она еще вертится, мы слышим, но не видим еще один выстрел.

Кемплер сказал "Едиот Ахронот": "Я все время чувствовал, что должно произойти что-то плохое. Тревога витала в воздухе. Может быть я более чувствителен к этому, потому что [как резервист] на военных сборах я имею дело с личной охраной".

Амир утверждал, что сумел приблизиться к премьер-министру за счет того, что притворился водителем одной из правительственных машин. Кемплер: "Поначалу он показался мне подозрительным - когда он сидел рядом с [декоративной тумбой с] растением...он выделялся, и еще все эти разговоры о политических убийствах, нападениях - он выглядел как потенциальный "киллер". Я сказал себе тогда, что он вероятно переодетый полицейский, поскольку иначе полиция должна была бы заняться им".

Согласно показаниям Йорама Рубина, в тот момент, когда выстрелы прекратились, он подумал про себя: "Дефект оружия". Рубин продолжает: "Я крикнул ему несколько раз: "Ицхак, слушай меня! Меня и только меня, черт подери!"... Он [Рабин] помог мне подняться на ноги. Т.е. мы поднялись вместе. Он затем прыгнул в машину. В ретроспективе мне кажется поразительным то,

что человек в его возрасте мог так прыгнуть”.

В видеофильме Кемплера мы не видим никаких прыжков со стороны Рабина или Рубина. Более того, на одной из знаменитых фотографий, сделанных во время покушения, показано, что Рабина втолкнули в автомобиль прямо с тротуара. Рубинские небылицы об атлетическом прыжке полностью опровергаются видеофильмом.

К вопросу о задней двери рабинского лимузина, закрывшейся до того, как кто-либо оказался в машине: на пленке Кемплера мы видим фотовспышку, приведшую к той знаменитой фотографии, на которой Рабина заталкивают в машину с уже закрытой задней дверью - вспышка возникает на пленке спустя секунду с лишним после того, как эта дверь захлопывается. Это совершенно определенно доказывает, что ни Рабин, ни Рубин, ни Дамти еще не находились в машине в тот момент, когда захлопнулась дверь - на пленке видно, что Дамти стоит возле машины до того момента, как Рабин оказывается в автомобиле.

Когда я показываю данный кусок пленки на своих публичных выступлениях, меня неизбежно спрашивают: "Почему же они сделали столь уличающую их видеозапись?" На что я отвечаю: "Этот видеофильм убедил всю страну в том, что Амир убил Рабина". С тех пор люди говорят: "Но я же видел своими собственными глазами, как он сделал это!" Именно в этом и состояла цель данной пленки. Но заговорщики были настолько небрежны, что оставили на пленке ключ к истине. Или они сами не заметили этого, или они думали, что никто другой этого не заметит”.

В тот январский вечер 1996 года, когда пленка была показана по Второму каналу телевидения, телекомментатор Рафи Решеф взял интервью у заметно нервничающего и торопливо говорящего Кемплера.

Решеф: "Почему Вы ждали так долго, прежде чем обнародовать Ваш видеофильм?"

Кемплер: "По нескольким причинам. Мне не хотелось известности. К тому же я думал, что аморально показывать подобную видеозапись так скоро после убийства. Нужно было время, чтобы общественность сумела оценить историческое значение этой пленки... Но после того, как видеофильм оказался в руках Комиссии Шамгара, я стал слышать, как люди на улице говорят, что во

всей стране нет большего лопуха, чем я. Меня это ужасно достало, так что я нанял адвоката и решил заработать хоть какие-нибудь деньги, продав видеофильм".

Кемплер не упоминает, что целых две недели после убийства он никому не говорил, что заснял покушение. Позднее, осознав, что он может предложить Комиссии Шамгара нечто важное, он направил им заказное письмо, сообщавшее о существовании пленки.

Решеф: "Кто-нибудь на месте заметил, что Вы снимаете?"

Кемплер: "Да, телохра... Я уверен, что видел, как [певец] Авив Гефен посмотрел прямо в объектив".

Кемплер предпочел не договорить свое первоначальное предложение. Но на пленке видно, что один из телохранителей Переса действительно поворачивается назад и смотрит прямо на Кемплера - сразу после упоминавшегося выше разрыва в той части видеозаписи, где Кемплер снимает Переса. Тем не менее, Кемплер решил не упоминать об этом.

Решеф: "Почему Вы так сильно сконцентрировали Вашу съемку на убийце?"

Кемплер: "Я чувствовал, что в нем есть что-то подозрительное. Я дал свободу своему воображению и почувствовал убийство в воздухе. Это ощущение не было таким сильным, когда там был Перес, но когда появился Рабин... - ух!"

Решеф: "Есть много домыслов о том, почему Вы один оказались в нужном месте в нужное время, чтобы заснять убийство. Как Вы объясняете это?"

Кемплер: "У меня было чувство будто кто-то заставил меня оказаться в том месте".

Решеф: "Вы что, фаталист?! Кто-нибудь пытался помешать Вам?"

Кемплер: "Кругом были переодетые охранники. Один из них сказал мне, что я могу снимать до тех пор, пока не появится Рабин. Полицейский в штатском подошел ко мне, задал несколько вопросов и попросил показать ему мое удостоверение личности. Я показал, и он ушел. По дороге он остановился, повернулся ко мне и крикнул: "Эй, как ты сказал, тебя зовут?" Я прокричал в ответ свое имя. Он сказал: "Хорошо". Вот и все. Так что полиции были известны все подробности, указанные в моем удостоверении личности".

Эта вполне дружеская беседа с полицейским выглядит по-другому в показаниях Кемплера на суде над Амиром.

Кемплер (на суде): "Там был полицейский в штатском. Он велел мне не снимать. Я сказал ему, что у него нет права запрещать мне съемку. Я спросил его, не происходит ли тут что-то секретное. Я еще раз сказал ему, что у него нет права запрещать мне съемку. И что если он сделает это еще раз, я запишу его данные и подам жалобу в полицию".

Весь эпизод решительно переделан.

Кемплер (на суде): "Когда я стоял на балконе, я провел много времени в темноте и, к моему сожалению, мое воображение излишне разыгралось. Я начал мысленно представлять себе многие вещи, и даже, упаси Бог, политическое убийство... Я не могу объяснить, почему у меня возникло это ощущение - я не знаю, может быть оно было мистическим".

Кемплер сказал, что у него было чувство, что "подзащитный выделялся [из всех находившихся возле места покушения]". "Я не знаю, что он там делал... но я припоминаю, что он выделялся. Я не могу вспомнить ничего, помимо того, что я заснял".

В начале своих показаний на суде Кемплер говорит, что видеозапись, показанная общественности, "не содержит никаких изменений или исправлений". Под конец, после настойчивых вопросов со стороны адвоката Амира, он признает: "Там [в записи, показанной по телевидению] есть пробелы и изменения [по сравнению с оригиналом пленки]".

Адвокат: "Мы не слышим всех звуков, сопровождающих то, что показано в фильме, но мы слышим многое, включая крики. Так почему же мы не слышим крики "Это холостые!""?

Кемплер: "Не спрашивайте меня. Я не тот, кого нужно спрашивать об этом".

Адвокат: "Йорам Рубин засвидетельствовал, что он упал на Рабина. Почему мы не видим этого в видеозаписи?"

Кемплер: "Я не эксперт по видеосъемкам и видеокамерам. С подобными вопросами нужно обращаться не ко мне".

Второй раз Игаль Амир был заснят на пленку через несколько дней после убийства, в ходе следственного эксперимента по воссозданию деталей покушения. Следственный эксперимент вызвал серьезные сомнения в достоверности фильма Кемплера.

На первое несоответствие мне указал человек, утверждавший, что он первым сообщил об этом прессе. В записи следственного эксперимента Амир стреляет правой рукой - согласно показаниям многочисленных свидетелей, именно так он стрелял в ходе покушения. Но в кадре из видеофильма Кемплера, опубликованном в газете "Едиот Ахронот", Амир стреляет левой рукой.

И это не все. Сделанное с помощью компьютера сравнение пленки Кемплера и этой фотографии показывает, что лицо стреляющего выглядит в двух случаях совершенно по-разному. В видеозаписи следственного эксперимента у Амира густые бакенбарды неопределенной формы, достигающие до середины его уха. В кадре из фильма Кемплера у стреляющего подровненные виски, достигающие лишь до верхней части уха. Таким образом, в кадре из фильма Кемплера вместо Амира снят другой человек. Можно догадаться почему: рука этого человека выглядит длиннее, чем у Амира, что позволяет уменьшить расстояние, с которого сделан выстрел. Это одна из возможных причин - есть и другие, но они менее убедительны.

Видеозапись следственного эксперимента изобличает фильм Кемплера и во многих других отношениях. Об этом свидетельствуют неохотные показания главного следователя по делу Амира, лейтенанта Арье Зильбермана, данные им в ходе суда над Амиром.

Адвокат: "Вы заметили различия между видеозаписью, показанной по Второму каналу, и видеозаписью следственного эксперимента?"

Зильберман: "Я видел запись следственного эксперимента. В принципе, эксперимент был точным, но были и очевидные различия. Вы можете увидеть эти различия".

Адвокат: "Вы несете ответственность за расследование дела подзащитного. Почему же есть различия между пленкой, показанной по Второму каналу, и видеозаписью следственного эксперимента?"

Зильберман: "По-моему, эти различия несущественны. Подзащитный тоже думает так. Он никогда не поднимал этот вопрос. Я сам не был на следственном эксперименте".

Адвокат: “Почему в пленке [Кемплера] есть разрыв, когда мы не слышим часть звуков?”

Зильберман: “Я этот видеофильм не снимал. С пленкой разбирались технические работники из нескольких отделов. Я несу ответственность за расследование, а не за пленку”.

Амир (действуя как собственный адвокат): “Существуют ли различия между оригиналом пленки и тем, что было показано по телевидению?”

Зильберман: “Может быть”.

Амир: “Какое различие больше всего бросается в глаза?”

Зильберман: “Местонахождение премьер-министра”.

Амир: “В следственном эксперименте я иду прямо к нему”.

Зильберман: “Правильно”.

Амир: “А на пленке Кемплера я двигаюсь по кривой”.

Зильберман: “Согласно тому, что я видел [на пленке], Вы обходите кого-то, прежде чем оказываетесь позади [Рабина]”.

Таким образом, согласно пленке Кемплера, Амир неправильно воссоздал свои действия в ходе следственного эксперимента. И, согласно кадру из фильма Кемплера, стрелял он не той рукой. Если бы адвокаты Амира побеспокоились проявить настойчивость в этом вопросе, им возможно удалось бы доказать, что Амир не находился на месте настоящего убийства.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 10. ЗАГОВОР НАЧИНАЕТ РАСПУТЫВАТЬСЯ

Откровенные несоответствия между официальной версией убийства Рабина и тем, что было на самом деле, в конце концов привлекли к себе общественное внимание в октябре 1996 года. В начале месяца еженедельное приложение к газете "Маарив" опубликовало разоблачительную подборку свидетельств нескольких полицейских и охранников, находившихся на месте покушения. Подборка вызвала подозрения о заговоре у многих читателей, прежде относившихся к этой теории скептически.

18 октября на меня обрушилась с восьмиминутной атакой пятничная программа Второго канала телевидения. Передача была показана повторно на следующий вечер. Как сообщила в следующее воскресенье "Едиот Ахронот", я сумел, не взирая на личные нападки против себя, заново возбудить у общества интерес к тому, что убийство Рабина могло произойти не так, как это описывает официальная версия. В ходе моего появления на национальном телевидении израильская публика впервые смогла познакомиться с доказательствами того, что Рабин не был застрелен Амиром до того, как зашел в машину, а был убит уже внутри в своей машины.

Еще до окончания передачи мне позвонили. Звонивший сказал: "Дружище, тебе придется покинуть страну. Для твоей же собственной безопасности тебе лучше покинуть страну". Этот человек звонил мне в течение еще двух дней после этого, пока я не отследил его номер телефона (он жил в Хайфе) и не пожаловался в полицию. Звонки прекратились, но полиция предпочла не наказывать злоумышленника.

Бригада службы новостей Второго канала обманула меня. Они сказали, что

хотят, чтобы я указал на несоответствия в выводах Комиссии Шамгара. На самом деле их целью было обрушиться на меня с личными нападками. Через несколько минут после окончания репортажа трое политиков из партии Авода, включая бывшего Министра здравоохранения Эфраима Сне, выступили с осуждением моих публикаций. Сама бригада службы новостей добилась того, что мои лекции в двух организациях были отменены.

Но пресса - это еще не народ. Люди повсюду поздравляли меня с успехом. Моя теория, названная прессой "радикальной", "экстремистской" и "подстрекательской", была в течение шести месяцев принята многими тысячами израильтян.

Отчет в "Маариве" начинался с вопроса о том, были ли пули предполагаемого убийцы настоящими или нет. Комиссия Шамгара не отрицала, что кто-то кричал: "Холостые! Холостые!" - в тот момент, когда Амир стрелял в премьер-министра. Вывод Комиссии состоял в том, что Амир кричал это сам, чтобы сбить с толку телохранителей (предположение, которое он отвергает). Но "Холостые! Холостые!" не было единственным прозвучавшим тогда криком.

С** Г**, сотрудник ШАБАКа, подчиненный Йорама Рубина: "По ходу стрельбы я очень четко слышал: "Они не настоящие, они не настоящие".

А** А**, начальник Отдела личной охраны в ШАБАКе: "Я услышал один выстрел, и кто-то закричал: "Не настоящие, не настоящие". Я не могу определенно сказать, исходил ли этот крик от стрелявшего".

Ави Яхав, полицейский: "Стрелявший кричал: "Это пистоны, пустяк, пистоны".

Ни один из полицейских или телохранителей, процитированных в "Маариве", не слышал знаменитого крика "Срак, срак" ("Холостые, холостые"). В сцене, которую они описывают, несколько человек выкрикивают разные фразы. Объединяет всех кричащих то, что все они полагают, что выстрелы делаются холостыми патронами.

За четыре месяца до этого я достал стенограммы суда над Игалем Амиром и полицейские отчеты, составленные в ночь убийства. Из этих отчетов выяснилось, что в момент покушения были слышны самые разнообразные крики, включая "Пистоны!", "Ненастоящие патроны!", "Игрушечный пистолет!" и

“Фальшивые пули!”. Вот подборка официальных свидетельств.

Менахем Дамти, шофер Рабина: “Я слышал, как стрелявший кричал: “Ничего серьезного!”

Агент Ш**.: “Полицейский кричал: “Успокойтесь, они холостые”.

Полицейский Моше Эфрон: “Люди кричали: “Холостые!” и “Фальшивые пули!”

Игаль Амир: “Я выстрелил и услышал: “Они холостые”, от кого-то, кто был у правой, задней двери машины”.

Сколько выстрелов было сделано? Из “Маарива”:

А** Х**, агент из группы, подчиненной Йораму Рубину: “Я услышал один выстрел, за ним другой”.

Полиция, обращаясь к А** А** (его имя впоследствии было расшифровано как Ади Азулай): “Вы уверены, что слышали только один выстрел?” А** А**:
“Абсолютно уверен”.

Ави Яхав: “Я слышал несколько выстрелов. Я не могу сказать уверенно сколько”.

С** Г**: “Приближаясь к машине, я услышал три выстрела”.

Из следственных и судебных записей:

Йорам Рубин следователю полиции Йони Хиршорну, 1:25 ночи, 5 ноября: “Я слышал три выстрела подряд”.

Йорам Рубин на суде над Амиром: “Я услышал один выстрел, а затем после паузы еще два”.

Агент ШАБАКА “А”: “Я услышал выстрел, паузу, затем еще выстрел. Два выстрела, но не идущих подряд... Выстрелы звучали по-разному”.

Полицейский Исраэль Габай: "Было три выстрела. После первого выстрела была пауза, а затем еще два выстрела подряд".

Полицейский Ямин Ицхак: "Было три выстрела подряд".

Агент Ш. **: "Я слышал три выстрела, но они не звучали как нормальные выстрелы. Полицейский сказал мне, что это холостые".

Агент ШАБАКА "Айн": "Я услышал один выстрел и затем люди закричали: "Это не по-настоящему". ШАБАК допрашивал меня до полиции, и я и тем и другим сказал, что слышал один выстрел".

Игаль Амир: "Я сделал паузу между первым и вторым выстрелом".

Полицейский Ави Яхав: "Я бесчисленное количество раз был на учебных стрельбах, и этот выстрел звучал не как обычный пистолетный выстрел. Если это и был выстрел, то ненастоящий".

Офицер полиции Моше Эфрон: "Я слышал два выстрела, но может быть их было и три. Стена [соседнего здания] Ган Гаир возможно усилила звук... Звук выстрелов не был естественным. Если бы это были настоящие выстрелы, они звучали бы гораздо громче".

Офицер полиции Шай Тирам: "Звук был не как у нормальных выстрелов, а скорее как у хлопушки. Для пистолетных выстрелов звук был недостаточно громкий... Первый выстрел звучал по-другому, нежели два следующих".

Полицейский Ханан Амрам: "Это не звучало как выстрел - слишком тихо для этого... Вначале был звук хлопка, за ним еще два".

Йорам Рубин: "На слух выстрелы показались мне настоящими".

Офицер полиции Йоси Смаджа "Маариву" в июле 1996 года: "Я клянусь, что слышал пять выстрелов, два четких и три приглушенных".

Один полицейский за другим свидетельствуют, что слышали "Холостые!" или что-то еще о том, что выстрел сделан не настоящим патроном. Эти многочисленные показания людей, разбирающихся в оружии, наводят на мысль, что пули Амира и на самом деле были ненастоящими. Но как рационально объяснить огромную разницу в числе выстрелов, слышавшихся

разным людям? Пленка Кемплера показывает, как Амир стреляет всего раз. Второй выстрел слышен вскоре после этого, но не виден.

Неспособность натренированных охранников и полицейских сойтись во мнении о числе выстрелов выглядит загадочной. Но в одном в вопросе все они сходятся: всем им казалось, что Рабин не пострадал от выстрелов.

“Маарив”:

Й** С**, начальник обеспечения безопасности на митинге: “Я услышал, что Рабин ранен только тогда, когда прибыл в больницу “Ихилув” несколько минут спустя”.

С** Г**: “Я не слышал никакого крика боли от премьер-министра и не видел никаких следов крови... Лишь некоторое время спустя мне сказали, что Йорам Рубин ранен”.

Ади Азулай: “Только после нескольких вопросов о том, ранен ли Рабин, я в шоке поехал в “Ихилув”.

Из полицейских отчетов, составленных в ночь убийства:

Ади Азулай: “Я помогал с левой стороны занести премьер-министра в машину. Йорам Рубин нес его с правой стороны. Мы поместили его в машину, Рубин закрыл дверь, и машина поехала... Я не был уверен в том, что Рабин ранен, поэтому я позвонил в “Ихилув”, чтобы это выяснить”.

Никто из полицейских и охранников не заметил никаких признаков того, что Рабин ранен - совершенно необъяснимое явление в ситуации, когда человек ранен в легкое и в селезенку двумя девятимиллиметровыми разрывными пулями. Видеозапись Первого канала телевидения показывает, как менее чем через полчаса после стрельбы полицейские обыскивают место покушения. На дороге, где Рабин упал, нет никаких следов крови.

Перед тем, как заняться следующим вопросом, вернемся на секунду к репортажу о моих исследованиях, переданному по Второму каналу. Я продемонстрировал видеозапись убийства и указал, что перед тем, как Рабин

заходит в машину, противоположная задняя дверь машины захлопывается. Это находится в прямом противоречии с отчетом Комиссии Шамгара, утверждающим, что когда Рабин и Рубин оказались в машине, заднее сиденье было пусто. Пленка Кемплера также показывает, что Рубин и Дамти находились вне машины, когда дверь захлопнулась.

Второй канал высказал предположение, что дверь закрылась от сотрясения, вызванного тем, что Рабина внесли в машину. По всей стране люди стали открывать задние двери своих машин и трясти автомобили. Никому из них не удалось заставить дверь закрыться таким образом. Более того, дверь машины премьер-министра была бронированной и весила килограмм на 30 больше, чем средняя дверь обычного автомобиля. Добавьте к этому тот факт, что передняя дверь не закрылась вместе с задней, и что на пленке не видно никакой тряски автомобиля, и вы придете к моему выводу: возможно, настоящий убийца поджидал Рабина в машине.

Шесть месяцев спустя радиокomentатор Рази Баркаи попытался найти доказательства в пользу теории Второго канала. Он утверждал, что позвонил в дирекцию фирмы "Кадиллак", и что пресс-секретарь фирмы сказал ему, что двери "Кадиллаков" обладают специальным устройством "для дополнительной безопасности": эти двери автоматически закрываются, когда к сиденьям резко прилагается давление.

Данное объяснение не выдерживает критики. Разоблачением теории Баркаи служит знаменитая фотография, на которой Рабина заносят в машину. Фотовспышка этого снимка видна на пленке Кемплера уже после того, как дверь автомобиля полностью закрылась. Рабин даже еще не находился в машине, чтобы надавить на сиденье и закрыть магическую дверь.

Согласно "Нью-Йорк Таймс" от 8 ноября 1995 года, Йорам Рубин, начальник охраны Рабина, сказал, что обращенные к нему последние слова Рабина были о том, что он ранен, но несильно. А вот что Рубин говорил в вечер убийства полиции и затем, позднее, Комиссии Шамгара.

Из "Маарива":

Рубин полиции, 1:07 ночи, 5 ноября 1995 года: "Я поднял премьер-министра и втолкнул его в машину".

Рубин Комиссии Шамгара: “Он [Рабин] помог мне встать. Т.е. мы поднялись вместе... Мы прыгнули, действительно прыгнули. В ретроспективе мне кажется поразительным, что человек в его возрасте мог так прыгнуть”.

Но на вышеупомянутой фотографии мы видим, как Рубин вносит Рабина в машину вместе с сотрудником ШАБАКа Азулаем. Переноска и прыжок - вещи, которые трудно перепутать.

Водитель Менахем Дамти также описал свои действия неправильно. “Маарив” сообщает о показаниях Дамти в полиции:

Дамти: “Я услышал выстрел, и стрелявший закричал: “Это ерунда, холостой”. Как только я услышал выстрел, я сел на сиденье водителя и был готов ехать”.

Однако пленка Кемплера показывает, что после выстрела Дамти стоит снаружи и, очевидно, помогает внести Рабина в машину.

Бронированный “Кадиллак” выехал с площади Царей Израиля и направился в больницу “Ихилов”. Внутри “Кадиллака”, согласно официальной версии, находились: водитель Дамти, смертельно раненный Рабин и легко раненный Йорам Рубин.

Тут-то и произошел один из самых подозрительных эпизодов, связанных с убийством. Дорога от площади до “Ихилова” проста и занимает не более минуты езды. Однако “Кадиллак” с Рабиным находился в пути не менее восьми минут: от 21:45 до 21:53 (по самой минимальной оценке). Дамти, вполне вероятно, был самым опытным водителем в стране - он возил всех премьер-министров, начиная с 1974 года. Но по дороге в “Ихилов” он “запутался” и “потерялся”. Поэтому после семи минут езды он подобрал полицейского, Пинхаса Терема, чтобы тот помог ему “найти дорогу” до госпиталя. Как же Дамти (заменивший в последнюю минуту личного водителя Рабина) мог случайно потеряться? Дорога от площади Царей Израиля до “Ихилова” прямая и на ней нет никаких препятствий. Ни у водителя Переса, ни у водителя Леи Рабин не было никаких трудностей - они мчались на полной скорости по своим маршрутам. Дамти поехал неправильно, хотя должен был знать правильную дорогу наизусть. Он не должен был нуждаться в помощи полицейского Терема, чтобы найти госпиталь.

Терем оказывается в машине рядом с умирающим премьер-министром, и Йорам Рубин говорит новому пассажиру: "Я ранен, перевяжи меня". Мы можем только догадываться, почему, с точки зрения Рубина, раны Рабина не требовали гораздо более срочного внимания. Терем завершает свои странные показания перед Комиссией Шамгара, замечая, что Дамти не оповестил "Ихиллов" по радио о том, что он едет туда, и таким образом, персонал больницы был полностью неподготовлен к их прибытию.

Несомненно, кто-то в ШАБАКе был обязан сообщить по радио в "Ихиллов", что Рабина везут к ним, но никто этого не сделал. Дамти тоже был обязан сообщить по радио, что потерялся, но не сделал этого. Когда лимузин, наконец, добрался до ворот "Ихилова", охранник госпиталя не захотел поначалу пускать машину премьер-министра внутрь. В итоге он записал время прибытия машины как 21:53. Дамти и Терем выбрались из машины и стали искать носилки, а также кого-нибудь, кто бы им помог. В конце концов Рабин оказался внутри госпиталя, но никто, включая находившихся там репортеров, не видел и не заснял того, как Рабина вносят в госпиталь через главный приемный покой.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 11. ЛЕЯ РАБИН В ВЕЧЕР УБИЙСТВА

28 марта 1997 года газета "Едиот Ахронот" опубликовала отрывок из книги Леи Рабин об убийстве ее мужа. Ниже следует ее версия событий, произошедших в тот роковой вечер 4 ноября 1995 года.

"По дороге на демонстрацию Йорам Рубин повернул голову и сообщил угрожающим голосом: "Ицхак, я хочу сообщить тебе, что у нас есть серьезное предупреждение о возможности появления самоубийцы с бомбой сегодня на митинге. Может быть террорист проникнет сегодня на митинг".

На демонстрации жена журналиста из "Гаарец" спросила меня, есть ли на Ицхаке пулезащитный жилет. Вопрос изумил меня. Ицхак и не думал одевать жилет. "Пулезащитный жилет?!" - сказала я ей с недоверием, - "О чем Вы говорите? Мы в государстве третьего мира? Не о чем говорить. Мы в Израиле".

Неужели Рабин отказался одеть пулезащитный жилет, даже когда его личный телохранитель сообщил ему о серьезной вероятности появления самоубийцы с бомбой? Что же это за телохранитель, который не настаивает, чтобы премьер-министр одел жилет перед лицом смертельной опасности, нравится ему это или нет?

"Он начал спускаться по ступеням, я на одну ступеньку за ним справа. Народ продолжал жаться к нам. Машины, одна за другой, начали появляться на площадке. Как я узнала позже, Шимон Перес думал подождать Ицхака, чтобы перекинуться с ним несколькими словами, но решил сделать это в другой раз. Наш водитель Менахем [Дамти] ждал рядом с машиной, готовый помочь мне сесть в нее. Я все еще была на ступеньках, а Ицхак уже был рядом с машиной".

На пленке Кемплера мы видим, что Перес ждет чего-то, но если он ждет Рабина, то делает это не с той стороны стороны машины. Важный разрыв в пленке происходит, когда Перес ждет напротив машины Рабина. Дамти возникает на пленке после разрыва - он стоит возле Переса и разговаривает с ним. Но он вовсе не стоит у двери, в которую предположительно должна зайти Лея Рабин. Лея Рабин ошибается в этом.

“Я услышала три коротких разрыва. Что это было? Хлопушка? Пистоны? Вдруг оказалось, что я стою одна, и кто-то кричит: “Это было не по-настоящему!” После этого второй телохранитель втолкнул меня в следующую машину в ряду. Это была та же машина с телохранителями, что сопровождала нас от дома до демонстрации. “Кадиллак” с Ицхаком, водителем Дамти и телохранителем Йорамом Рубиным медленно отъехал.

Затем отъехала машина, где сидела я. Мы поехали мимо толп, по улицам, не останавливаясь на красный свет. “Куда мы едем?” - подумала я. Я не видела ни “Кадиллака”, ни других машин с охраной. Я полагаю, ребята сами не знали, куда мы едем. Снова и снова я спрашивала их: “Что случилось?”, и каждый раз они отвечали мне: “Это было не по-настоящему”.

“Что было не по-настоящему?” Никакого ответа. Повторяли ли они то, что мы все слышали на демонстрации, или то, что им передали через их наушники? Телохранители молчали, явно выполняя имевшиеся у них приказы. Я вспомнила, как Ицхака прикрыли телохранители. Была опасность, и они защитили его. Когда я последний раз взглянула на Ицхака, перед тем, как он исчез под телохранителями, он выглядел вполне нормально”.

Последнее наблюдение подтверждает показания многочисленных очевидцев, видевших, что Рабин перенес выстрелы без каких-либо признаков физической боли. То же подтверждается и пленкой Кемплера, показывающей, как Рабин спокойно шагает вперед после первого и единственного выстрела, зафиксированного на пленке.

“Согласно нашим планам, предполагалось, что после демонстрации мы поедем на вечеринку в Цахалу. Я поняла, что мы едем не в том направлении. “Почему мы едем так?” - спросила я.- “Это не та дорога”. Никакого ответа. “Где Ицхак?” - вырвались у меня слова. - “Если это было не по-настоящему, то где Ицхак?” “Во второй машине”, - ответили телохранители. “Где?” “За нами”. “В какой машине?” Я не видела никакой машины. “В какой машине?” - спросила я опять. Наконец они ответили мне правду: “Мы не знаем”.

Я спросила себя, почему никто из них не выяснит по радио в чем дело. Это

было очень странно. Сегодня я думаю, что у них был приказ не использовать радио, чтобы не дать обнаружить нас. "Куда мы едем?" - спросила я. "В штаб-квартиру ШАБАКа", - сказали мне. Я вошла в скромную комнату, меня попросили сесть за стол и ждать. "Когда мы узнаем что-нибудь, мы Вам скажем", - сказал один из сотрудников.

Минуты летели медленно, и я начала думать, что пули могли и не быть холостыми. Молодые сотрудники ШАБАКа входили и выходили. "Что случилось с ним?" - неустанно спрашивала я. "Не беспокойтесь", - отвечали мне, - "Когда мы узнаем что-нибудь, мы Вам скажем".

Я не привыкла ждать, но у них не было никакой информации. Они обращались без особой доброжелательности или грубости... Наконец два предложения достигли моего уха: "Один ранен серьезно. Другой легко".

"Где он?" - спросила я. Наконец они признались: "В "Ихилове". Прошло уже 20 минут с тех пор, как мы приехали. Если бы Ицхак был серьезно ранен, они должны были бы сказать мне об этом. Но они не сказали ни слова. "Отвезите меня в "Ихилув", - потребовала я".

Излишне говорить, странная история. При каком еще политическом или другом покушении телохранители многократно повторяют жене жертвы, что стрельба была ненастоящей? Единственное возможное объяснение состоит в том, что телохранителям сказали, что стрельба будет ненастоящей. Так они сами и думали, и это же они сказали Лее Рабин.

Почему Лею Рабин отделили от мужа на лестнице и позднее направили ее в отдельную машину с телохранителями, которые, казалось, ждали ее там и знали, куда в точности ее везти, через несколько секунд после покушения? Любопытно, что передвижения Леи Рабин выглядят прекрасно спланированными, в то время как передвижения ее мужа - сработанными небрежно. И наконец, почему же ее не отвезли сразу в госпиталь "Ихилув" к ее мужу?

Машина с премьер-министром выехала в 21:45. Дорога до госпиталя должна была занять минуту, но машина прибыла туда восемь минут спустя, в 21:53. Официальное объяснение этому состоит в том, что толпа помешала рабинской машине быстро выбраться с площади. Та же самая толпа, однако, не задержала автомобиль с Леей Рабин.

И как можно объяснить столь странное обращение агентов ШАБАКа с женой

премьер-министра? Почему телохранители в машине лгали ей о состоянии ее мужа и игнорировали ее законные вопросы? Почему они не использовали радио, чтобы получить интересовавшую ее информацию? Почему они не сказали ей правду, сразу по приезде в штаб-квартиру ШАБАКа?

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 12. ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БАРУХА ГЛАДШТЕЙНА

Всякий, кто видел фильм Кемплера, помнит, что Игаль Амир стреляет в премьер-министра сзади, с расстояния в добрых полметра. Вывод Комиссии Шамгара состоит в том, что Амир дважды выстрелил Рабину в спину: первый раз в верхнюю часть спины с расстояния примерно 50 см., и затем в нижнюю часть спины, стоя в 20 см. над телом. Комиссия также заключила, что Амир ранил телохранителя Йорама Рубина в локоть с расстояния примерно 20 см.

Теперь посмотрим на показания старшего лейтенанта Баруха Гладштейна. Эти показания были даны 28 января 1996 года на суде над Игалем Амиром.

Гладштейн: "Я служу в Криминалистической Лаборатории при израильской полиции. Я представил свое профессиональное заключение по данному делу в кратком отчете, зарегистрированном под номером 39/Т, после того, как меня попросили провести анализ одежды Ицхака Рабина и его телохранителя Йорама Рубина с целью определения дальности выстрелов.

Я хотел бы сказать несколько поясняющих слов, прежде чем представить свои заключения. Мы пришли к нашим выводам, проанализировав материалы при помощи микроскопа, фотографий и чувствительных химических и технических процедур. После выстрела содержащиеся в гильзе частички вылетают через дуло. Эти частички включают в себя сажу, свинец, медь и другие металлы.

Чем с большего расстояния произведен выстрел, тем меньше концентрация этих частичек и тем более они рассеяны. При стрельбе с нулевого расстояния, в

упор, происходит другое явление: характерный разрыв одежды и избыток пороха на одежде, вызванные тем, что пороховым газам некуда деться из ствола. Даже если выстрел произошел с расстояния сантиметр, два или три, вы не увидите разрыва в одежде и избытка пороха - они возникают лишь при выстрелах, сделанных буквально в упор.

Для дальнейшей оценки расстояния, мы в схожих условиях выстрелили такими же пулями из пистолета подозреваемого. 11 ноября 1995 года я получил пиджак премьер-министра, рубашку и майку, а также одежду телохранителя Йорама Рубина, включая его пиджак, рубашку и майку. В верхней части пиджака премьер-министра я обнаружил пулевое отверстие справа от шва. Согласно моим анализам распыления пороха, это отверстие стало результатом выстрела с расстояния менее чем 25 см. Тот же вывод был сделан и на основе анализа рубашки и майки.

Второе пулевое отверстие было обнаружено в нижней левой части пиджака. Оно характеризуется крайним избытком пороха, большим количеством свинца и 6-сантиметровым разрывом ткани - все характеристики выстрела в упор”.

Повторим важнейшие выводы старшего лейтенанта Гладштейна: первый выстрел был сделан из оружия, находившегося на расстоянии не более 25 см. от тела Рабина, а при втором выстреле дуло оружия касалось тела. На самом деле, по словам Натана Гефена, который присутствовал на суде, Гладштейн сказал, что в момент первого выстрела оружие находилось в 10 см от тела - и именно так это первоначально было напечатано в протоколах суда. Затем число 25 было грубо написано поверх числа 10. Если убившие Рабина выстрелы были произведены с расстояния 25 см. и в упор, то эти выстрелы не могли быть сделаны Амиром.

Гладштейн продолжает: “Что касается нижнего пулевого отверстия, то согласно найденным возле него остаткам свинца и пороха, а также вследствие того, что было обнаружено вторичное отверстие поверх основного, с большой вероятностью этот выстрел был сделан, когда премьер-министр находился в согнутом положении. Выстрел был сделан сверху вниз. У меня есть фотографии, иллюстрирующие мои выводы”.

После этого суду были показаны фотографии одежды Рабина. Согласно Комиссии Шамгара, первый выстрел был сделан, когда Рабин стоял, а второй - когда он лежал ничком на земле, прикрытый телом Йорама Рубина. Нигде, кроме показаний Гладштейна, нет и намека на то, что в момент второго

выстрела он был в согнутом положении.

Гладштейн: "Изучив пулевое отверстие на рукаве Йорама Рубина, я определил, что наличие меди, свинца и пороха говорит о том, что выстрел в него был тоже сделан, скорее всего, в упор. Наличие меди свидетельствует о том, что пуля, использовавшаяся для выстрела в Рубина, отличалась от пули, следы которой обнаружены на одежде премьер-министра и которая состояла только из латуни. Пуля, ранившая Рубина, так и осталась найденной".

Мы попадаем теперь в причудливую ситуацию: после показаний старшего лейтенанта Гладштейна, свидетельствующих, что Амир не стрелял пулями, убившими Рабина, Амир решает сам допросить свидетеля - он полон решимости поставить под сомнения эти утверждения.

Амир: "Согласно Вашим показаниям, я приставил дуло пистолета прямо ему к спине?"

Гладштейн: "Вы приставили его прямо к спине перед вторым выстрелом и затем выстрелили".

Амир: "А первый выстрел был сделан с расстояния 50 см.?"

Гладштейн: "Менее 20 см".

Амир: "Если принять в расчет повышенное количество пороха, вылетающего из дула, то и разрыв порохового заряда должен быть сильнее".

Гладштейн: "Чтобы решить эту задачу я выстрелил такими же патронами из такого же оружия, что и Вы. Я выстрелил из Беретты калибра 9 мм разрывными пулями в пиджак, схожий с пиджаком премьер-министра".

Амир: "Когда я сделал первый выстрел, я увидел очень необычный разрыв порохового заряда".

Амир вероятно подходит к выводу, что он выстрелил холостым патроном, но меняет направление и заключает: "Нужен новый эксперт. Я не стрелял в упор".

Подведем итог: в противоречие с показаниями Амира и фильмом Кемплера,

эксперт заключил, что в Рабина стреляли первый раз с расстояния не более 20 см и второй раз - в упор. Более того, пуля ранившая телохранителя Йорама Рубина отличается от пуль, поразивших Рабина, и от пуль, найденных в обойме Амира.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 13. "ПРАВЕДНЫЙ СУД"

Адвокаты Амира явно не могли прийти к твердому мнению по поводу его дела. Вначале адвокаты Габи Шахар, Джонатан Гольдберг и Шмуэль Флейшман с готовностью предоставляли информацию прессе. Флейшман признал в интервью программе "Эн-Би-Си Экстра": "Перед нами опять Даллас и история с убийством Кеннеди". Шахар был также убежден, что его клиент стал жертвой заговора. Сегодня оба адвоката настаивают, что Амир получил по заслугам.

Джонатан Гольдберг написал для одного британского журнала длинную статью, обрисовывающую контуры заговора, но когда я обратился к нему с просьбой об интервью, его помощник Мордехай Сонес приехал ко мне домой вместо него и привез лишь минимальное количество новой информации.

То что Гольдбергу велели молчать, не так уж маловероятно. В апреле 1997 года я получил письмо от его друга, отправленное, согласно почтовому штампу, из Цфата. В письме говорилось: "Мистер Гольдберг находился в процессе написания книги об убийстве Рабина в соавторстве с американским журналистом, пишущим о делах разведки. Угрозы заставили его прекратить данный проект". Я связался с автором письма и я признаю, что не могу полностью поручиться за достоверность его слов. Тем не менее, по моим оценкам, его слова с большой вероятностью правдивы.

Правда о том, что произошло на суде над Амиром, не была обнародована его адвокатами, и, похоже, никогда не станет известной общественности. Но 27 мая 1997 года мне пришло по факсу интервью с Габи Шахаром (в обратном

переводе на иврит), опубликованное после суда над Амиром в русскоязычной газете "Вести". Это интервью приоткрыло, наконец, истинную суть битвы, которую приходилось вести адвокатам Амира.

"Вести": "Вы согласились представлять Амира вопреки тому, что остальные адвокаты один за другим отказывались принять это назначение по этическим соображениям".

Шахар: "Я принял на себя защиту 1 февраля 1996 года, через два дня после того, как судья Эдмунд Леви попросил меня этим заняться. Моим единственным условием было согласие подзащитного, и я его получил. Я был третьим адвокатом, назначенным государством на эту должность. Мне не дали никаких подготовительных материалов - первое свое заседание суда я просидел вообще без всякой подготовки".

"Вести": "Вы приняли на себя защиту клиента, признавшего свою вину и полностью сотрудничавшего с властями. Так в чем же состояла функция защиты?"

Шахар: "Прочтя материалы дела, я обнаружил массу вопросов, на которые обвинение не дало удовлетворительного ответа. Во-первых, я заметил следующий факт. Согласно обвинению, Игаль Амир выстрелил тремя пулями из пистолета Беретта калибра 9 мм. Первая пуля попала в спину премьер-министра. Эксперт из полицейской криминалистической лаборатории проанализировал одежду премьер-министра и заключил, что пуля была выпущена с расстояния не более 25 см. Но на видеозаписи, сделанной Кемплером, мы все видим, что выстрел был сделан с расстояния, заведомо большего, чем 50 см. Но давайте поговорим о третьей пуле. Анализы показали, что Рабин был ранен в нижнюю часть спины и что пуля двигалась сверху вниз. И при этом, согласно показаниям полицейского эксперта по баллистике, пуля была выпущена в упор. Когда я спросил его об этом в суде, эксперт подтвердил, что пуля была выпущена не с расстояния 2 или 3 см, а именно с нулевого расстояния. Но смотрите, после того, как в Рабина попала первая пуля, он упал и уже лежал на асфальте, когда делался выстрел третьей пулей. Амир ни при каких обстоятельствах не мог выстрелить в упор".

Ни один из свидетелей не утверждал на суде о том, что после первого выстрела Амир исхитрился подобраться к Рабину настолько близко, чтобы сделать выстрел с нулевого расстояния. Наоборот, все они свидетельствовали о том, что сразу же после первого выстрела полицейские, телохранители и агенты ШАБАКа навалились на Амира. Согласно логике, расстояние между Амиром и Рабиным только увеличилось после первого выстрела.

“Вести”: “Защита организовала патологоанатомическую экспертизу?”

Шахар: “Нет. Ни один из известных экспертов не согласился провести такую экспертизу, а суд отклонил нашу просьбу о выделении средств на это”.

Разоблачение, сделанное Шахаром, поразительно - так и не было сделано никакой независимой экспертизы тела Рабина. Вскрытия не было. Единственные свидетельства о том, что произошло с телом, исходят из запутанных и противоречивых отчетов, составленных в больнице “Ихилон” в ночь убийства. К утру тело Рабина было перевезено в госпиталь “Тель-Гашомер”.

“Вести”: “В деле Амира есть и другие несоответствия. Например, полицейский эксперт по вопросам баллистики засвидетельствовал, что в обойме у Амира оставалось восемь патронов. Другой полицейский показал, что вынул девятую пулю из патронника в пистолете Амира. Игаль Амир многократно заявлял, что зарядил в пистолет девять патронов. Восемь осталось в пистолете. Вопрос: кто же выстрелил по крайней мере два раза? Может быть, Амир лжет?”

Шахар: “Зачем? С самого первого момента Амир последовательно настаивал на своей вине, раскрывая мельчайшие подробности своего преступления. Его допрос в полиции в ночь убийства был записан на пленку”.

“Вести” прерывают интервью, чтобы заметить, что Министр полиции Моше Шахаль был также заснят в комнате, где допрашивали Амира - факт, являющийся, вероятно, очень важным.

Шахар: “Игаль Амир не просто признался в убийстве - он хвастался, что достиг своей преступной цели. У него не было желания лгать или отрицать что-либо. Как бывший следователь с многолетним опытом, я знаю, что собирать улики нужно со всей аккуратностью, или же обвинение развалится в суде. В ходе первого допроса следователь спросил Амира: “Сколько патронов было в обойме?” Тот ответил: “Девять. Я не уверен, но обойма не была полной”.

Из стенограммы допроса:

Следователь: “Сколько выстрелов Вы сделали?”

Амир: "Три".

Следователь (с изумлением): "Откуда же взялись остальные пули? Вы ранее говорили, что в обойме было девять пуль".

Амир: "Да".

Следователь: "Обойма вмещает девять патронов или четырнадцать?"

Амир: "Обойма вмещает тринадцать".

Следователь: "С возможностью зарядить четырнадцатый в патронник?"

Амир: "Нет, т.е. на самом деле да. Но я бы никогда этого не сделал".

Следователь: "Но тогда согласно простейшему вычислению мы получаем несоответствие в числе патронов. Вы говорите, что Вы прибыли на место покушения с девятью патронами?"

Амир: "Я не заполнил обойму до конца".

Если верить показаниям Амира, то после того, как он выстрелил три раза, а полицейский достал еще одну пулю из патронника, в обойме должно было остаться пять патронов, а не восемь.

"Вести": "Сколько патронов может поместиться в обойму Беретты?"

Шахар: "В теории тринадцать, но Амир был суеверен, и согласно его мистической теории, которую он изложил суду, если Бог хотел, чтобы Рабин умер, двух пуль должно было хватить для этого".

"Вести": "Как судьи отреагировали на Ваши рассуждения?"

Шахар: "Как только судьи услышали меня, они немедленно остановили судебное разбирательство. У меня было ощущение, что судьи не в состоянии ответить на мои вопросы. Они начали высказывать критику в мой адрес. Позднее, когда я представил свидетельства противоречий в вопросе о числе пуль из материалов полицейского расследования, они отказались меня

выслушать”.

“Вести”: “Вы пытались организовать независимую баллистическую экспертизу?”

Шахар: “Конечно. Но судьи отклонили нашу просьбу, утверждая, что расследование и так заняло слишком много времени”.

В стенограммах суда присутствуют показания агента ШАБАКА Б** Л** (Бени Лахава). После покушения он потребовал, безо всяких околичностей, чтобы полицейский, подобравший пистолет Амира, передал пистолет ему. Требование было столь угрожающим, что полицейский обратился к своему командиру, начальнику полицейского округа “Яркон”, чтобы тот защитил его. Его обращение увенчалось успехом, и пистолет остался в руках полиции.

В данном деле имелась случайная возможность провести независимую проверку баллистического заключения: можно было провести экспертизу раны Йорама Рубина, пока тот был в госпитале. Это не было сделано ни обвинением, ни защитой.

Шахар подозревает, что в Рабина и Рубина стреляли не из пистолета Амира. Агент ШАБАКА Бени Лахав отчаянно пытался получить пистолет Амира прежде, чем он попадет в полицию. Попади пистолет в руки ШАБАКА, можно было бы сделать любые замены и переделки. Но полиция удержала пистолет у себя, и ее баллистические анализы опровергли всю поддерживаемую ШАБАКОМ версию. Суд отказался провести независимую патологоанатомическую и баллистическую экспертизы. Ни один эксперт не исследовал рану Рубина, чтобы проверить, соответствует ли она пистолету Амира, даже при том, что согласно свидетельствам, Рубин был ранен пулей другого типа, чем Рабин. Когда Шахар стал настойчиво объяснять важность противоречий в вопросе о пулях, судьи объявили перерыв и позднее единодушно осудили “домыслы” Шахара. “Праведный суд” шел полным ходом.

Шахар: “Обвинение пошло другим путем. Вместо того, чтобы дать специалисту-патологоанатому исследовать Рубина, они собрали соответствующие отчеты из “Ихилова” и передали их суду. В одном из отчетов, составленных д-ром Хамо, лечившим Рубина, содержалось утверждение, что в Рубина стреляли дважды. Среди прочего он написал: “Телохранилитель, 30 лет, прибыл в госпиталь с двумя пулевыми ранениями в левую руку”. Я готов поверить, что одна пуля сделала

две раны, но это должен был установить эксперт, чего сделано не было”.

Еще одно несоответствие произошло, когда Йорам Рубин появился в суде по собственной инициативе до начала заседаний и изменил свои показания. Он заявил: “То, что говорилось про четыре или пять пуль, неверно. Я свидетельствую, что было выпущено только три пули”. Но никто и не спрашивал Рубина о числе пуль!

“Вести”: “Как Вы объясняете инициативу Рубина?”

Шахар: “Как бывший полицейский следователь, я бы сказал, что Рубин находился в ужасе, что вина падет на него, поскольку он нес ответственность за охрану жизни Рабина. Когда я понял это, я решил подвергнуть Рубина косвенному допросу”.

“Вести”: “В чем разница между прямым допросом и косвенным?”

Шахар: “При прямом допросе я реагирую на вопросы, заданные обвинением. Обвинение однако не спросило Рубина о числе выстрелов. Но в суде Рубин назвал другое число пуль, нежели в ходе его допроса в полиции. В ходе косвенного допроса я спросил Рубина, сколько выстрелов он слышал. Он уклонился от прямого ответа. В конце концов он сказал, что когда он находился в госпитале, его знакомый сказал ему, что было четыре или пять выстрелов. Как юрист, я не мог удовлетвориться этим объяснением.

Другими словами, суд утверждал следующее: пули, изъятые из Рабина, соответствуют пистолету Амира - так чего вы носите с новыми уликами? Но давайте посмотрим, что произошло с пулями по дороге с места преступления до полицейской лаборатории. Патологоанатом Йегуда Гисс засвидетельствовал, что пули были помещены в сейф в Институте судебной медицины. Он не сообщил, кто и когда поместил их туда, хотя оба обстоятельства должны быть зарегистрированы.

Пули были изъяты из тела покойного примерно в 2 часа ночи в госпитале “Ихилон”. Институт передал их Криминалистической лаборатории при центральной штаб-квартире полиции в 12 часов дня на следующие сутки. Кто вез пули в штаб-квартиру полиции в Абу-Кабир? Кто доставил их в Лабораторию? Речь идет о возможном нарушении целостности системы улик!

В суде я подчеркнул, что обвинение не доказало, что пули, исследовавшиеся в Криминалистической лаборатории - это те же пули, что были изъяты из тела Рабина. Судья ответил: “Почему Вы подымаете этот вопрос, когда подсудимый

упорно настаивает на том, что стрелял именно он?”

Представьте себе, например, следующее. Мы обвиняем кого-то в продаже наркотиков на том основании, что на пластиковом пакете с наркотиками остались отпечатки его пальцев. Но следователь не зарегистрировал пакет как улику. Этого достаточно для оправдания обвиняемого за недостатком улик. В любом юридическом разбирательстве, как только возникает нарушение целостности системы улик, вся ответственность за доказательство падает на обвинение, а не на защиту. В этом уголовном деле большая часть бремени доказательства пала на защиту.

Никто не мог объяснить, где находились в течение целых одиннадцати часов пули, изъятые из тела Рабина. Целостность системы улик была нарушена самым явным образом. Один из адвокатов сказал мне, что Амир был бы оправдан в большинстве американских судов. Не было никаких законных физических улик, связывающих его с преступлением.

Пули, которые общественность видела на фотографиях в газетах, были в очень хорошем состоянии, если принять во внимание, что разрывные пули должны разрываться и рассыпаться при попадании в тело. Согласно одному из полицейских медиков, вся история с разрывными пулями лишена логики. Она сказала мне: “Брата Игаля Амира, Хагая, осудили за изготовление разрывных пуль из обычных. Зачем ему надо было делать это? Разрывные пули находятся в Израиле в свободной продаже, как и обычные. Зачем было изготавливать разрывные пули, когда Игаль Амир или его брат могли просто купить их?”

“Вести”: “Как суд реагировал на Ваши вопросы?”

Шахар: “После того, как я изложил свои предположения о внутренних противоречиях в деле Амира, суд отверг их все”.

“Вести”: “На чем основывалась Ваша теория?”

Шахар: “Это просто. Игаль Амир явно горел желанием быть осужденным за убийство премьер-министра. Таким образом, у него не было никакого интереса в том, чтобы лгать или затемнять дело для того, чтобы доказать, что это был не он. Парадокс состоит в том, что в ходе слушаний сомнения появились и у самого Амира”.

“Вести”: “В чем состояли эти сомнения?”

Шахар: “В нескольких вещах. Он был действительно шокирован, когда во время

его выстрелов кто-то закричал: "Это не настоящие, это холостые патроны".

"Вести": "И что случилось в суде?"

Перед тем, как ответить на этот вопрос Шахар цитирует отчет Яэль Горовиц из "Едиот Ахронот", где говорится: "Группа людей, находившихся совсем рядом с премьер-министром, слышала крики: "Холостые, холостые". Один из свидетелей утверждает, что слышал эти крики от одного из телохранителей".

Шахар: "Давайте посмотрим на запись допроса Амира в полиции - в том виде, в каком она приведена в материалах суда".

Из стенограммы допроса:

Следователь: "Насколько я понял, Вы ждали и готовили себя к этому?"

Амир: "Не знаю... Я скажу Вам, что были разные странные вещи. Может быть Вы мне не поверите, но до сегодняшнего дня я не знал, что собираюсь убить Рабина. То есть, я сказал себе: если будет возможность. Я стоял там и наблюдал. Я стоял там среди них минут 50, и никто ни сказал ни слова".

Следователь: "Что Вы имеете в виду, говоря "среди них"? Среди кого?"

Амир: "Среди полицейских и телохранителей".

Следователь: "Среди полицейских и телохранителей?"

Амир: "Есть вещи, которые... [удалено из стенограммы] Они кричали: "Это холостые!"

Следователь: "Вы не думаете, что произошел недосмотр, что охранники не действовали, как должны были действовать?"

Амир: "Что Вы имеете в виду? Почему они должны были кричать: "Это холостые"? Будет ли действительно телохранитель, видящий, как в премьер-министра стреляют, кричать: "Это холостые патроны"?"

Следователь: "Это странно".

Шахар: "Судья спросил меня: "Вы имеете в виду, что Амир не убивал Рабина? Тогда чьи же пули убили его?" Я ответил ему так: "Кто-то, кто знал заранее о том, что будут стрелять холостыми, мог воспользоваться этой возможностью. Он мог быть и не связан с властями. Всякий, кто знал заранее о холостых патронах, мог ранить премьер-министра из пистолета с глушителем". К моему глубокому сожалению, суд не только отказался рассмотреть высказанные защитой сомнения, но и осудил нас за выражение вообще каких-либо сомнений".

"Вести": "Выслушал ли суд показания Авишая Равива, агента ШАБАКа по кличке "Шампанское"? Он был дружен с Амиром. Полиция задержала его незадолго до убийства и затем отпустила".

Шахар: "Нет, Равив не появился в суде. Несколько раз я пытался связаться с ним, чтобы он выступил свидетелем на стороне Игаля Амира. С огромным трудом я нашел номер его сотового телефона, но он подчеркнуто отказывался разговаривать со мной - раз за разом трубку снимал кто-то другой, называвший себя телохранителем или другом Равива".

"Вести": "Многие утверждали, что Равив постоянно подбивал Амира на убийство. Он был главой ЭЯЛа, разрекламировавшего себя по телевидению. Не был ли суд обязан заставить его выступить и пролить свет на обстоятельства убийства?"

Шахар: "Все полицейские дела против Равива исчезли - более 15 дел. Единственный документ, сообщающий о преступном прошлом Равива, был представлен суду в ходе закрытого заседания".

"Вести": "Какова была общая реакция на то, что Вы защищаете Игаля Амира?"

Шахар: "Гораздо мягче, чем я мог себе представить. Некоторые люди пытались отговорить меня от этого, но многие другие присылали мне факсы со своими теориями и доказательствами. Например, одна женщина написала, что человек, заснявший убийство на видео [Рони Кемплер] - это не тот человек, который выступал в суде".

Сколь бы диким не казалось утверждение этой женщины, Кемплер, похоже, действительно заменил в последнюю минуту другого "кинолюбителя". Когда впервые было сообщено о любительской пленке с записью убийства, имя кинолюбителя, переданное прессе, было вовсе не Кемплер, а имя какого-то польского туриста - длинное, непроизносимое и давно забытое. Кто-то решил, что лучше использовать Кемплера, и тот получил свои пятнадцать минут славы

- в буквальном смысле: никто ничего не слышал о нем с тех пор.

Авишай Равив, самый важный свидетель из всех, не был вызван в суд для дачи показаний. Суд, очевидно, отклонил просьбу Шахара обязать Авишая Равива явиться в суд в качестве свидетеля защиты - дружественного или нет. Тем самым, суд лишил Амира права на справедливое судебное разбирательство и не дал израильской общественности узнать правду об убийстве.

Шахар описывает суд, в котором не могут быть представлены никакие улики, противоречащие уже принятой версии, никакие другие версии нельзя высказать вслух и никакие путанные свидетельства не обсуждаются. Суд не нашел ни денег, ни желания, чтобы организовать простейшую баллистическую и патологоанатомическую экспертизу. Идея состояла в том, чтобы провести судебный процесс и показать стране и миру, что в Израиле есть правосудие. Но из описания судебного разбирательства, данного Шахаром, вырисовывается нечто, имеющее мало общего с правосудием.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 14. ЙОРАМ РУБИН, ЛЖЕЦ

Ниже приведена информация, прежде скрывавшаяся от прессы и от общественности. Это показания Йорама Рубина, личного телохранителя Ицхака Рабина, взятые из засекреченных протоколов суда над Игалем Амиром.

Секретное выступление Рубина начинается с того, что суд спрашивает его, почему заседание должно быть закрытым. Рубин отвечает: "Я не возражаю, если меня будут фотографировать, но в моем рассказе я могу затронуть вещи, которые я не хотел бы делать достоянием гласности".

Затем представитель спецслужб объяснил, что оперативные процедуры и личные данные сотрудников спецслужб не должны быть преданы огласке. Защита высказала мнение, что вначале следует задать свидетелю вопросы, а потом уже решать, каким образом проводить дальнейшее заседание. Этот аргумент не поколебал позицию судей, и они решили, что заседание будет сниматься на видео, а затем они подпишут заявление о том, что услышанные ими показания не могут быть сообщены широкой публике.

Окончательная декларация трех судей, Леви, Ротлеви и Мордика, гласит: "Для предотвращения домыслов, мы отмечаем, что предыдущие показания были даны за закрытыми дверями, не предназначены для широкой публики и не будут включены в стенограмму суда".

В одном из самых странных эпизодов суда Амир, действуя как свой

собственный адвокат, лично допрашивает Рубина, в которого он предположительно стрелял. Вначале Рубин сказал в своих показаниях, что семь телохранителей двумя группами прикрывали Рабина. Затем Амир спросил его, почему Рабин был без пулезащитного жилета. Рубин ответил: "Мы оцениваем ситуацию и решаем, нужен ли пулезащитный жилет. Жилет используется только в исключительных случаях. Телохранители их никогда не носят". В этот момент Рубин делает поразительное утверждение: "Были предварительные предупреждения о том, что может произойти инцидент".

Излишне говорить, что если имелись предупреждения, то обязанностью Рубина было проследить, чтобы Рабин одел пулезащитный жилет. Амир не ухватился за это противоречие, а вернулся к вопросу о построении группы рабинских телохранителей.

Амир: "Вы указали, что Рабина охраняли семь телохранителей".

Рубин: "Семь было прикомандировано к нему лично, а всего их было двадцать. Я был командиром одной из групп. [Не просто одной из групп, а той, которая непосредственно прикрывала Рабина. - Прим. ред.] Я шел рядом с ним, другой человек шел впереди него. Еще один человек шел за Рабиным, и слева от этого человека шел еще один, так что они образовывали пару, прикрывавшую спину Рабина. Еще двое прошли: один вперед, а другой вправо, чтобы прикрыть [Рабина] со стороны ограждения на улице Ибн-Гвириоль".

Амир: "Вы были с левой стороны от Рабина".

Рубин: "Нет, я не шел от него слева".

Теперь Амир спрашивает про меры безопасности, но не доходит до основной мысли. Вместо этого он уклоняется в сторону, спрашивая о том, могут ли пулезащитные жилеты быть различимы под одеждой. Его адвокат, Джонатан Гольдберг, обращается к Рубину, помогая Амиру вернуться на правильную дорогу.

Защита: "Было ли защитное кольцо вокруг Рабина организовано на этой демонстрации иначе, чем в других случаях? Согласно подзащитному, он обошел премьер-министра и увидел, что охрана была устроена по-другому".

Рубин: "Да, это было организовано по-другому".

Защита: “Подзащитный утверждает, что в ходе предыдущих событий построение состояло из двух телохранителей по бокам, одного спереди и одного сзади, но в этот раз построение было другим”.

Амир: “Когда на демонстрации я оказался вблизи Рабина, для меня приоткрылся зазор. Я обошел кого-то и подошел сбоку. Когда я начал идти, я думал выстрелить ему в голову. Я всегда хотел убить Рабина, но я не верил, что когда-нибудь у меня будет возможность протянуть мою руку прямо к нему, как это произошло в данном случае. Когда я шел к нему, я собирался целиться в голову, но тут я увидел открывающийся зазор и выстрелил ему в спину”.

Амир признается в убийстве, но дает почву для подозрений в том, что Рубин и другие сотрудники ШАБАКа содействовали ему. Он не договаривает, что не смог бы сделать это без их помощи. Конечно, судьи видели это по-другому. Но любой другой объективный наблюдатель задал бы вопросы. Почему Рабин был без пулезаститного жилета, несмотря на предупреждения об угрозе его жизни? Почему телохранители изменили свое обычное построение в тот вечер? Почему они дали образоваться зазору, позволившему Амиру беспрепятственно выстрелить в премьер-министра?

В своих показаниях, данных в ночь убийства полицейскому следователю Йони Хиршорну, Рубин говорит следующее.

Рубин: “Было три выстрела подряд... Я поднял Рабина и бросил его в машину. Я положил его на сиденье, и спросил его, не ранен ли он. Он сказал, что, кажется, да, но не сильно... Он потерял сознание и я быстро попытался реанимировать его...”.

Сравним это с показаниями Рубина на суде над Амиром. Рубин выступал там дважды. Начнем с его показаний от 29 января 1996 года.

Рубин: “4 ноября 1995 года я был телохранителем премьер-министра. Мы спускались по лестнице, и по тактическим причинам я сдвинулся на полступеньки вправо, в сторону толпы, думая, что Ицхак идет туда, чтобы пожать руки. Неожиданно он изменил свои намерения и двинулся влево, к машине. В принципе, предполагалось, что мы сядем в машину через заднюю правую дверь, но мы так и не оказались там”.

Согласно Рубину, именно Рабин менял направление движения, и это освобождает самого Рубина от ответственности за то, что он не заметил Игаля Амира и вовремя не прикрыл Рабина. Он-то шел направо, но Рабин изменил маршрут и повернул влево. Поэтому он не был на нужном месте, чтобы прикрыть Рабина ровно в тот момент, когда Амир выстрелил.

Рубин также начинает свои показания с правдоподобного объяснения того, почему была открыта задняя правая дверь. Хотя он не делает никаких попыток объяснить, почему она закрылась изнутри до того, как он, водитель и Рабин оказались в машине.

Рубин: "Когда он повернул влево и мы оказались напротив задней двери со стороны водителя, я услышал выстрел, где-то под углом 45 градусов сзади от меня и слева. В тот момент у меня были сомнения, был ли это пистолетный выстрел. Потом я понял, что это выстрел. Я схватил Ицхака и прикрыл его. В этот момент мы упали. Потом я почувствовал удар в районе плеча - будто удар электричеством - и услышал третий выстрел. Мы продолжали лежать на земле. Я хочу отметить следующие моменты. Я схватил [Рабина] двумя руками. Когда я лежал у него на спине, пуля вошла мне в локоть и вышла подмышкой... У меня нет сомнений, что было три выстрела, а не четыре и не пять, как тут говорилось. Между первым и вторым выстрелом был промежуток. Это дало мне время прикрыть премьер-министра. Затем последовали два быстрых выстрела, один за другим. Я заметил перерыв в стрельбе и подумал про себя, что это осечка или стреляющий схвачен. Я схватил Рабина за плечи, я сказал ему: "Ицхак, слушай меня! Только меня и больше никого". Я прокричал это. "Черт подери, слушай меня!", повторил я несколько раз. Затем я не помню, что произошло, я обнаружил себя поверх него в машине. Дамти отвез нас в "Ихилув" для получения медицинской помощи. Поездка, по моим оценкам, заняла полторы минуты, но я не уверен. Согласно газетам, я был в госпитале пять дней. Сейчас я в порядке".

Рубин забыл, что ранее, в своих показаниях Комиссии Шамгара, он сказал, что Рабин был жив после выстрелов. И не просто жив: "Он помог мне подняться. Затем мы прыгнули. В ретроспективе мне кажется поразительным, что человек в его возрасте мог так прыгнуть... Мы прыгнули в машину, он на сиденье, я между сиденьями. Наши ноги свисали наружу. Я засунул его ноги внутрь, затем свои, и сказал Дамти, чтоб он трогал с места".

Поездка заняла полторы минуты? Нет, согласно водителю и записям в "Ихилове", она заняла чуть более восьми минут. Кроме того, будучи в полном сознании, всего лишь с легкой раной в руке, он не помнит, сколько времени он

провел в госпитале, а полагается в этой связи на газеты!?

Рубин: "Я не видел подзащитного... Я стоял сзади и справа от премьер-министра. Кто-то другой зашел вперед слева от него [Амира]. Это был не тот, кого они арестовали - они арестовали того, кто был за ним".

Рубин не видел Амира, но сумел хорошо разглядеть, кто шел впереди и слева от него. Если он не видел Амира, откуда же он знал, что другой человек шел перед Амиром, слева от того?

Рубин: "Я слышал, как люди говорили, что патроны холостые. Я не знаю, кто сказал это. Они сказали, что пистолет был ненастоящий или что патроны были холостые - я не знаю, какой из вариантов правильный, и это меня не интересует. Я не считал, что патроны были холостые, я чувствовал, что они не были. Первый выстрел тоже звучал не по-настоящему. Но вы сразу рассчитываете на самое худшее".

Защита: "Перес и Рабин спустились по лестнице порознь. Они обычно сходили вместе?"

Обвинение: "Возражение против вопроса. Мы знаем, что произошло".

Суд: "Возражение принимается".

Защита: "Звучал ли первый выстрел иначе, чем два последних?"

Рубин: "Да. После первого выстрела я прыгнул на него, и мы вместе упали на землю. Я сказал Ицхаку, и мы прыгнули в машину".

Защита: "Вы слышали крики "Они холостые" в течение промежутка между первым и вторым выстрелом?"

Рубин: "Нет, в конце".

Мы так никогда и не узнаем, почему Рабин и Перес не спустились по лестнице вместе, как обычно, но мы видим, как распутываются показания Рубина. Вместо провала в памяти в момент между выстрелами и последующего обнаружения себя в машине, память возвращается к нему и он вспоминает, как прыгнул в машину вместе с Рабиным. Как доказывает пленка Кемплера, этого на самом

деле не было. Кроме того, это противоречит собственным же показаниям Рубина, данным полиции, где говорится, что он занес Рабина в машину. Пленка Кемплера также показывает, что непосредственно вслед за первым выстрелом Рубин не прыгнул на Рабина. Вместо этого Рабин продолжал идти. На пленке вообще не показано, как Рубин падает на Рабина. Память подвела его также и в другом вопросе: всего за несколько минут до этого он засвидетельствовал, что слышал крик "Холостые!" после первого выстрела - а теперь утверждает, что после третьего.

Второе выступление Рубина перед судом состоялось 3 апреля 1996 года. Показания свидетелей, выступавших в промежутке, поставили под серьезные сомнения его версию событий.

Согласно Рубину, он лежал на земле поверх Рабина, когда пуля ранила его в локоть и вышла через подмышку. Другие сотрудники ШАБАКа и один из полицейских, Исраэль Габай, показали, что, когда Амир делал последние два выстрела, его уже держали, и что он при этом продолжал стоять. Защита оказывала давление в связи со следующим вопросом: как могла выпущенная сверху пуля пройти горизонтально от локтя к подмышке? 3 марта 1996 года д-р Клюгер засвидетельствовал, что это невозможно.

Д-р Клюгер: "Не нужно быть математиком, чтобы понять, что пуля входит в тело по прямой. Чтобы пуля вошла в тело под углом 45 градусов - как это случилось со второй пулей - нужно, чтобы стреляющий лежал, а не стоял".

3 апреля 1996 года д-р Йегуда Гисс, бывший дежурным патологоанатомом госпиталя "Ихилон" в ночь убийства, дал показания в суде прямо перед тем, как должен был выступить Рубин. Он сказал, что д-р Равив (судя по всему, не состоящий в родстве с Авишаем) первым осмотрел Рубина, когда тот прибыл в госпиталь, и не был слишком обеспокоен его состоянием.

Д-р Гисс: "В данном случае мы говорим о ране, вызванной трением, т.е. пуля чуть-чуть оцарапала его, но не проникла в мягкие ткани".

Так почему же, согласно газетам, Рубин провел в госпитале пять дней? И почему, вплоть до сегодняшнего дня, израильская общественность считает, что "отважный" Рубин получил серьезное ранение в руку?

Потому что другой доктор, Йорам Хамо, сообщил: “Имелось пулевое ранение под локтем. Подмышкой были найдены два пулевых отверстия”.

Как могут два доктора в одном госпитале составить два столь решительно отличающихся отчета? Д-р Гисс говорит, что Рубин вообще не был ранен, а ему просто поцарапало кожу, в то время как д-р Хамо первоначально заключил, что у Рубина было два пулевых ранения. Позднее он утверждал, что рентгеновское обследование показало, что два пулевых отверстия подмышкой были вызваны прохождением одной пули.

В рассказе Рубина о том, как его ранило, имелись серьезные проблемы. Тучи сгустились над головой Рубина, когда он начал давать показания после Гисса.

Защита: “В тот же вечер Вы дали показания полиции прямо в госпитале”.

Рубин: “Это правда. Я не говорю неправды”.

Защита: “[В госпитале] Дамти дали пистолет. Это был Ваш пистолет?”

Рубин: “Да. Дамти был шофером покойного премьер-министра. Я боялся, я не знал, кто там ходит по коридору. Я боялся, что араб или какой-нибудь “нацмен” [В подлиннике “бен миутим” - принятый в Израиле эвфемизм для арабов, являющихся гражданами Израиля. - Прим. перев.] возьмет мой пистолет, и я попросил Дамти приглядеть за ним. Вот и все”.

Какова вероятность того, что арабы будут бродить по коридору, где оказывают помощь премьер-министру и его телохранителю? В действительности, коридор был полон сотрудниками службы безопасности. Почему Рубин отдал свой пистолет Дамти? Точнее, зачем этот пистолет был нужен Дамти в тот момент? Пистолет Рубина не был исследован полицией и перестал быть предметом обсуждения на суде.

Защита: “Перед демонстрацией Вам показывали фотографии подозреваемых?”

Рубин: “Я прошу разрешения суда не отвечать на этот вопрос”. [Суд просит, чтобы свидетель записал свой ответ и представил бы его судьям.]

Как заметил адвокат Флейшман журналу "Анашим", если Рубин согласился написать свой ответ для судей, то это должен был быть положительный ответ. А вот то, что не было сообщено суду - это то, что Рубин в действительности был лично знаком с Амиром. Они были знакомы по Бар-Иланскому университету, и Рубину было хорошо известно о высказывавшихся Амиром угрозах в адрес Рабина.

Защита: "Расскажите нам, что произошло после первого выстрела".

Рубин: "Я схватил Ицхака, как уже раньше объяснял, мы начали падать вместе, и когда мы падали, но еще не достигли земли, я услышал еще один выстрел. Третий выстрел я определил, когда мы уже были на земле. Меня ранило вторым выстрелом".

Рубин полностью изменил версию, чтобы она соответствовала новым уликам. Поскольку ни с медицинской, ни с баллистической точки зрения он не мог быть ранен, находясь в лежащем положении, он добавляет еще одну версию событий - вдобавок к тем, которые он уже излагал суду, полиции и Комиссии Шамгара. Теперь он говорит, что его ранило в точности в тот момент, когда он начал падать. Другими словами, он почти стоял. Как же он объяснил перемену своих показаний под угрозой быть обвиненным в лжесвидетельстве?

Рубин [суду]: "Мои предыдущие показания были даны через час после событий, в то время как я находился под воздействием боли и успокоительных лекарств. Если мои показания и были неточны, то может быть именно поэтому".

Защита: "Ранее Вы утверждали ...[зачитываются показания Рубина о его ранении]".

Рубин: "Нет, это ошибочная версия. В действительности, я был в согнутом положении, только начиная падать".

Тот факт, что он не был под воздействием медикаментов, как выступая перед Комиссией Шамгара, так и в ходе своего первого выступления перед судом, и все же изложил произошедшее совершенно иначе, даже не обсуждался судом.

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

mail.ru	149
3798873	65

HotLog
1090373 +77

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 15. ГОВОРИТ ИГАЛЬ АМИР

Безусловно, по общему впечатлению, Игаль Амир уверен в том, что убил Ицхака Рабина. Намеки Амира, свидетельствующие об обратном, в основном скрывались от общественности, по крайней мере, до мая 1997 года. Было два исключения. В декабре 1995 года в ходе предварительных слушаний его дела в суде Амир спросил журналистов, почему они не расследуют убийство телохранителя Рабина, Йоава Куриэля. Он заявил: "Вся эта история - фарс. Вся система прогнила. Меня простят, когда люди узнают всю эту историю полностью. Я не знал, что они начнут убивать людей". После этого его забрали назад в его камеру в ШАБАК, где он и находился до начала суда. На суде он вернулся к своим ухмылкам, усмешкам, глупым улыбкам и кривлянию - непостижимая манера поведения.

За закрытыми дверями Амир был другим. [Например, в университете Амир был известен как исключительно серьезный и прилежный студент. Его фотография в библиотеке даже попала в рекламный проспект университета. - Прим. ред.] Однако ничего разоблачительного из того, что он рассказал властям, так и не было опубликовано. Редкое исключение произошло в январе 1996 года, когда "Маарив" напечатал заявление, сделанное Амиром полицейскому следователю 21 ноября 1995 года.

Амир: "Они собираются убить меня тут".

Следователь: "Чушь".

Амир: "Вы мне не верите. Так я Вам скажу: это был заговор. Я не знал о том, что собираюсь убить Рабина".

Следователь: "Что Вы имеете в виду? Вы нажали на курок - вот так все просто и произошло".

Амир: "Тогда почему Равив не донес на меня? Он знал, что я собираюсь это сделать, и не остановил меня. И почему никто не застрелил меня, чтобы спасти Рабина?"

Много раз Амир говорил о том, что не думал убивать Рабина. Что он имел в виду говоря это? К началу расследования дела Комиссией Шамгара у него уже была готова история с объяснением. Он не собирался убивать Рабина, объяснил он Комиссии, - он думал только парализовать его выстрелом в спину.

Но он сообщил Комиссии Шамгара гораздо больше, и это было скрыто от общественности. В мае 1997 года еженедельник "Йерушалаим" опубликовал в трех частях показания, которые Амир дал следователям Комиссии Шамгара - Амиру Жолти и Сигаль Когот. Поскольку это совершенно неотредактированная стенограмма, большая часть того, что говорит Амир - скучные и дидактические вещи. Тем не менее он раскрыл огромное количество важнейшей информации, никогда не упоминавшейся им открыто на суде, где это могло бы ему помочь.

Мы начинаем с исключительно важного наблюдения Амира, в котором он добавил еще одну важную деталь, доказывающую, что фильм Кемплера был фальсифицирован.

Амир о пленке Кемплера

Следователи Комиссии Шамгара: "В одном из отрывков Вы засняты стоящим плечом к плечу рядом с тремя полицейскими".

Амир: "Я видел фотографию в газете. Очень странно".

Следователи: "Вы не помните, что они Вам говорили в тот момент?"

Амир: "Я хочу посмотреть ту пленку, там есть несколько совершенно диких вещей".

Следователи: "Что же там дикого?"

Амир: "Я там выгляжу дико, не знаю".

Следователи: "Действительно?"

Амир: "То, что на мне надето, рубашка. Они не просто подкрасили ее, они покрасили ее в синий цвет в газетах. Это же чушь. Мне надо посмотреть пленку".

Следователи: "Рубашка из трикотажа".

Амир: "Посмотрите, она была закатана досюда (наполовину). В газетах этого не видно".

Следователи: "И в газете Вы стреляете левой рукой, но это было не так".

Амир: "Я стреляю левой рукой?"

Следователи: "Вам следует посмотреть видеозапись".

Амир замечает, что рукава его рубашки были закатаны выше локтей, но в кадре из фильма Кемплера стреляющий одет в рубашку с длинным рукавом. Как только я прочел этот отрывок, я бросился заново смотреть видеозапись Кемплера. На пленке Амир одет или в рубашку с коротким рукавом, или, как он сам говорит, в рубашку с длинным рукавом, у которой закатаны рукава. Комиссия Шамгара знала об этом, но так и не внесла этот факт в свои материалы. Вместо этого Комиссия быстро и решительно отвергла все улики, говорящие о заговоре. Но именно следователи Комиссии обратили внимание Амира на то, что в кадре из видеозаписи он изображен стреляющим не той рукой.

Что имеет в виду Амир, когда говорит, что его рубашка подкрашена? На пленке он одет в рубашку отчетливо голубого цвета. Амир, кажется, пытается сказать, что цвет его рубашки был изменен или усилен в газете. Однако фальсификатор пленки думал, что рубашка была именно голубая.

Кем был тот "распорядитель"?

Следователи: "Вы говорили о ком-то в берете, кто пытался выгнать Вас или что-то в этом духе. Мы не знаем, кто это был".

Амир: "Да, он был кем-то вроде распорядителя. Я не знаю точно, кем он был".

Следователи: “Вы сказали, что он был в трикотажной рубашке и в берете набок”.

Амир: “Он стоял там все время. Это был пожилой человек”.

Следователи: “Ограждения уже стояли?”

Амир: “Еще нет. Они начали ставить ограждения. Они фотографировали меня с той самой минуты, как я пришел”.

Следователи: “Мы не видим, как Вы появились. Мы видим Вас позднее, сидящим на тумбе с растением”.

Амир: “Тумба была позднее, за минуту или две [до покушения]”.

Следователи: “Мы видим Вас за пять минут [до покушения]”.

Амир: “Да, вот эта тумба, на которой я сидел..”.

Следователи: “Хорошо, теперь Вы стоите в двух метрах от места происшествия. Люди подходят к Вам, и Вы должны им как-то объяснить свое присутствие. Вы сказали, что Вы один из водителей?”

Амир: “Нет, потому что тогда бы они попросили меня предъявить права, и дело могло усложниться. Я думал, что я изображу наивность, скажу, что хочу повидать Рабина... Я болтался там вокруг полицейских и ничего не говорил. Если бы они сказали, что все должны покинуть [огороженную зону], они бы посчитали, что я один из тех, кому можно там оставаться... Прибыла Шуламит [Шуламит Алони - бывший лидер ультралевой партии МЕРЕЦ.] и появился “распорядитель”, создав небольшую проблему”.

Следователи: “Что он сделал? Что он сказал?”

Амир: “Он сказал [каким-то охранникам]: “Вы перекрыли заднюю часть автомобильной стоянки?” Они ответили, что нет. Тогда он объявил по радио, что там надо перекрыть”.

Следователи: “О ком Вы говорите? Об этом “распорядителе”, на которого Вы нам только что показали?”

Амир: "Да, я думаю. Я подумал, что это странно, что он, человек в штатском, раздает приказы полицейским. Я подумал, что он один из организаторов демонстрации. Потом он послал полицейского выгнать толпу [из огороженной зоны]. Еще одному полицейскому и водителю он приказал покинуть [огороженную зону]".

Следователи: "Видел ли Вас телохранитель, находившийся рядом с машиной Рабина?"

Амир: "Да, но он не показал на меня. Он глядел в толпу".

Следователи: "Ограждения уже поставили?"

Амир: "Нет, еще ничего не было. Была куча полицейских, и никто не мог попасть внутрь. После того, как водитель ушел, "распорядитель" подошел ко мне и спросил: "Это был один из ваших?", имея в виду полицейского. И тут я понял, что он принял меня за того, кого я из себя изображал".

Следователи: "Он спросил Вас о водителе?"

Амир: "Я не знаю. Я не люблю врать, так что я сказал: "Я не знаю его, он был здесь все время у машины". "Распорядитель" сделал круг и вернулся, чтобы выгнать другого водителя рядом со мной - пришел полицейский, чтобы выпроводить его. Он [водитель] закричал: "Нет, нет. Того, что в голубой рубашке".

Следователи: "Вас?"

Амир: "Не знаю, но он показал как-то странно, вот так, показал чуть-чуть на кого-то. Полицейский вернулся ко мне и спросил: "Где твоя машина?" Я сказал: "Здесь, здесь". Он сказал: "Хорошо", и ушел. Я остался стоять и дальше на том же самом месте".

Амир говорит, что его фотографировали с момента прибытия. Но кто?

Амир появляется в видеозаписи Кемплера только в последние пять минут перед стрельбой. Он сумел проникнуть в "стерильную зону", потому что ограждения не были еще поставлены. Затем таинственный "распорядитель" в штатском выгнал оттуда всех вокруг Амира, включая водителей и полицейских, но Амира он оставил на месте. Следователи Комиссии Шамгара не установили

личности “распорядителя”.

Амир и Бен-Гвир

Амир: “Я пришел на демонстрацию и увидел в автобусе своего приятеля из Ликуда. Он сказал мне, что Итамар Бен-Гвир хочет сегодня убить Рабина. “Ты уже, конечно, знаешь об этом”, - сказал он, - “Я сообщил об этом полиции”. Я рассмеялся. Вспоминая сейчас об этом эпизоде, я не могу понять, что он на самом деле означал. Там была масса странных вещей”.

Бен-Гвир - это широко разрекламированный прессой экстремист, знаменитый своими повсеместными преследованиями Рабина и нападениями на него. За месяц до убийства пресса сообщала, что Бен-Гвир оставил записку на ветровом стекле рабинского автомобиля: “Если я сумел добраться сюда, то я смогу добраться и до Рабина”.

Амир об арабах

Начальники Авишяя Равива, офицеры Кало и Барак, засвидетельствовали перед Комиссией Шамгара, что к ним поступали сообщения лишь о намерениях Амира совершить насильственные действия против арабов, а не против Рабина. Амир, настаивали они, был потенциально опасным для арабов. Сам Амир излагает события по-другому.

Следователи: “Вы организовывали акции против арабов?”

Амир: “Нет, нет. Это чушь из прессы”.

Следователи: “Это не пресса. Это то, что сказали на следствии другие”.

Амир: “Я говорил, что нам надо защищать поселения. Но вредить арабам? В военное время - да, но убивать их помимо этого - не дай Бог... У меня нормальные отношения с врагом”.

Амир об ЭЯЛе

Предполагалось, что Амир являлся активным членом экстремистской группы ЭЯЛ.

Следователи: “Члены Каха или ЭЯЛа приходили на Ваши семинары?”

Амир: “Они пришли только в одну из суббот, и я выставил их оттуда. Я дал им как следует. Терпеть не могу подобных личностей, только вы не оглашайте этот факт”.

Следователи: “Были подростки, которые приехали на выходные в Хеврон и перевернули там лотки на рынке”.

Амир: “Не из моей группы, никогда. Спросите кого угодно. Я никогда и близко никого туда не подпускал. Однажды возле Ориент-Хауз некоторые из них попробовали устроить беспорядок, но я дал им как следует, поскольку терпеть не могу этой ерунды... Я не был знаком с экстремистскими группами... Можете мне не верить, но я не экстремист”.

В то время, как утверждение Амира о его нежелании вредить арабам подкреплено многочисленными свидетельствами, утверждение о его неучастии в деятельности экстремистских групп, особенно ЭЯЛа, не соответствует фактам. Заявляя, что он ни с кем не связан, он возможно пытался спасти людей от ареста. Опять же обратите внимание на его слова об Авишае Равиве.

Амир о Равиве

Амир: “Я познакомился с Авишаем Равивом в университете. Он не имел там никакого влияния. Он организовывал субботние мероприятия, и никто на них не приходил. Я приходил, поскольку мне было важно посмотреть разные места. Я не был в восторге от его организаторских талантов... Он был вне общепринятых рамок, до того как встретил меня. Только мои семинары придали ему определенную респектабельность. Я не понимал, зачем он все время разрушал это своими разрекламированными церемониями посвящения и прочими вещами... После резни в Маарат Га-махпела [Пещера в Хевроне, где похоронены прародители человечества Адам и Ева и праотцы еврейского народа - Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, Яков (Израэль) и Лея. По имени этих “пар” пещера называется на иврите “Маарат Га-махпела” (Пещера пар), в русской печати иногда пишут: Пещера Праотцов, или Пещера Патриархов. Над пещерой выстроено (царем Иродом Великим) величественное здание, разделенное на несколько залов. В самом большом из них - зале Ицхака - имел место теракт Баруха Гольдштейна. - Прим. ред.] Равив переехал в Кирьят-Арбу,

и все говорили мне, что он работает на ШАБАК. Несмотря на усиливавшиеся подозрения, я сумел узнать его как человека, и я противился всему этому... После Гольдштейна было много арестов, и люди подозревали, что за ними стоял Равив. Поэтому они сказали мне не дружить с ним. Я ответил, что даже если он агент ШАБАКа, он все равно человек... Авишай Равив очень помог мне. Он дал мне сотовый телефон, дал мне кучу вещей... У меня есть близкие душевные друзья, с которыми я могу поговорить, и Авишай был таким другом. Он как бы еще не повзрослел и делал кучу глупых вещей, но он хороший парень и мне нравится его характер. У него были большие достоинства. Он мог организовать поход в детские больницы и дома престарелых, просто чтобы всех порадовать. Я все еще верю в него. Я знаю, что у него доброе сердце”.

Следователи: “Есть свидетели, которые видели Вас и Равива, обсуждающими убийство Рабина с группой каханистов”.

Амир: “Авишай Равив, действительно, говорил, что Рабина надо убить, но я не сидел тогда вместе с той группой”.

Следователи: “Вы когда-нибудь слышали, как Авишай Равив говорит, что Рабина надо убить?”

Амир: “Конечно, я слышал это много раз”.

Согласно Амиру, Равив был незадачливым организатором и находился на обочине жизни университетского кампуса, до тех пор пока не пришел он сам и не придал Равиву респектабельности. И все то время, что он двигал вперед карьеру Равива, он знал, что тот является агентом ШАБАКа. Но даже при этом, он не возражал против того, чтобы Равив снабдил его сотовым телефоном и другими хорошими вещами, поскольку у Равива, в принципе, было доброе сердце. Доброе сердце - при том, что он постоянно выражал мнение, что Рабин должен быть убит.

Перед нами крайне непоследовательный рассказ. Если Амир знал, что Равив - агент ШАБАКа, ему следовало бы не иметь с ним дела... если только у него самого не было связей в ШАБАКе.

Амир о ШАБАКе

Амир: “В прошлом году у меня была точная информация о передвижениях

Рабина. Я знал, на какой демонстрации он появится, куда он направляется, про любое место, куда он отправится. Они заставили ШАБАК идти против собственного народа. И что они делают после убийства? Притесняют народ еще больше. Это абсурд. Не их подстрекательство заставило меня сделать то, что я сделал... Глава ШАБАКа сказал, что одиночка с пистолетом никогда не убьет Рабина. Таким образом он подстрекал одиночек попробовать сделать это”.

Следователи: “Где Вы слышали, чтоб он сказал такое?”

Амир: “Это витало в воздухе. Люди думают, что Рабина убили, поскольку ШАБАК не предотвратил убийство. Я говорю, что они были не в силах помешать этому”.

Подобное же отношение он высказывает и в адрес другой секретной службы, на которую он работал непосредственно.

Амир о Риге

Следователи: “Мы хотели бы узнать подробности о Вашей деятельности в Риге в 1992 году. Есть тысяча слухов и предположений относительно этого периода. Что Вы там делали?”

Амир: “Деятельность Бюро по связям [Натива] уже не была такой секретной, как до этого - раньше это была тайна. Там нужны были люди для организации сионистской деятельности, преподавания иврита и других вещей. Они обратились к моему армейскому подразделению, чтобы им прислали людей. Каждые два месяца люди менялись. Я поехал с моим товарищем - Авиноамом Эзером. Когда мы приехали туда, они работали с пятнадцатилетними подростками, хотели убедить их уехать в Израиль. Я думал, что они не правы, и что лучше работать с более взрослой молодежью - со студентами. Я одел на голову кипу, пошел по улицам и нашел их. Я начал по-настоящему привлекать всеобщее внимание - йеменит с кипой. В итоге у меня подобралась группа человек в сто. Это был огромный успех”.

Товарищи помнят Амира застенчивым и сосредоточенным учеником йешивы, а вовсе не общительным организатором. Но в Риге он весь переменялся. Трудно представить, что он просто так, по собственной инициативе, пошел по улицам собирать студентов. Натив - это секретная организация, это не школа, открытая для всех желающих. Амир был обучен технике организации и работы с группой, и он вернулся из Риги другим человеком, а, может быть, и с миссией, которую

он не мог тогда понять до конца.

Следователи: "Там была охрана?"

Амир: "Вы забегаете вперед".

Следователи: "Мы так понимаем, что Вы прошли курс телохранителей?"

Амир: "Пустяки. Ничего существенного. Небольшая тренировка по охране. У нас не было оружия. Только слезоточивый газ".

Люди Натива не спешат раскрывать свои секреты. Даже через 40 лет после создания Натива лишь немного известно о деятельности этой организации. Не исключено, что Амир имел какое-то секретное задание, пусть даже очень маленькое. Вернувшись в Израиль, он повторил свой рижский успех в Бар-Иланском университете. В Израиле Амир стал известен еще до убийства.

Амир о деталях покушения, продолжающих смущать его

Следователи: "Попытайтесь точно вспомнить, кто сказал: "Они холостые", или то что было там сказано. Каждый говорит, что слышал что-то другое. Попытайтесь вспомнить, сказали ли Вы сами что-нибудь".

Амир: "Я не сказал ни слова. Я и не должен был что-то говорить, потому что это могло предостеречь их. Абсурдно предполагать, будто я сказал что-то".

Следователи: "Может быть сразу после, чтобы спасти себя, например?"

Амир: "Нет. Крик "Холостые!" прозвучал до того, как меня повалили на землю. Он был во время стрельбы. Трудно кричать и стрелять одновременно, ты так сильно сконцентрирован".

Следователи: "В армии кричат "Огонь! Огонь!", когда стреляют".

Амир: "Только на учениях. Я ничего не кричал. Я отчетливо помню, что кто-то справа от меня кричал это".

Следователи: "Каковы были в точности его слова?"

Амир: "Это холостой, это не по-настоящему". Я не уверен, что слова были в точности такими, но смысл был такой".

Следователи: "А не что-то вроде: "Прекратить огонь!?"

Амир: "Нет, нет. Это было: "Это холостой, это не по-настоящему".

Следователи: "Как для Вас прозвучали выстрелы?"

Амир: "Я не уверен. Я помню, я выстрелил, они навалились на меня, и я сделал еще два выстрела. Я помню, первое, что полиция спросила меня, когда я оказался на земле, это холостыми я стрелял или нет. Я не ответил, но вспомнил, что кто-то кричал "Холостой!", когда я стрелял. Это застряло у меня в мозгу: "Что же он пытался сделать, сбить меня с толку?" Я не знаю, это было очень дико. Не было никакого смысла в том, что телохранитель, в момент, когда стреляют в его премьер-министра, будет спрашивать, не холостой ли это. Он прежде всего будет рассчитывать на худший вариант. Если только он не ожидает чего-то еще".

Следователи: "Ни один из телохранителей не говорит, что это был он".

Амир: "Вам кажется вероятным, что он признает это сегодня? Они прикончат его".

Амир знает больше того, что говорит - вероятно, гораздо больше. Но он слишком запуган, обеспокоен или неосведомлен, чтобы сказать что-либо, дающее правдивое представление обо всей картине целиком.

У ШАБАКА не было никаких оперативных причин держать Амира в полной изоляции целый месяц после убийства: он уже сотрудничал со следствием и признался во всем. В течение нескольких дней ему должно было быть предоставлено свидание с адвокатом и с семьей. Но прошел месяц, прежде чем ШАБАК почувствовал, что Амир находится в том состоянии, в котором он может разговаривать с гражданскими лицами. Можно только вообразить, какое страшное давление было оказано на него для того, чтобы он остался верным своим саморазоблачающим признаниям.

Но следователи не желали сдаваться. Они хотели разгадать главную загадку: кто кричал "Холостые!" - и им хотелось заставить Амира признаться, что это кричал он. Вопросы об этом продолжились и на следующем допросе.

Следователи: "Вы знаете, у нас есть свидетели, которые говорят, что слышали, как Вы кричали".

Амир: "Я слышал об этом, но это неправда. Это был кто-то справа от меня, один из телохранителей. Я не уверен в том, был ли это тот в черном костюме или другой, но это был один из них. Я был в шоке. Вместо того, чтобы что-то сделать, чтобы помочь ему [Рабину], они кричали, что патроны холостые. Очень странные вещи там происходили".

Следователи: "Какие странные вещи?"

Амир: "В то время, как я стреляю, он кричит: "Они холостые!" Я не помню, услышал ли я это после первого выстрела или второго или третьего".

Следователи: "Некоторые говорят, что это полиция кричала".

Амир: "Не полиция, нет, нет. Это был телохранитель. Когда я услышал крик, я был в шоке. Что, разве я не проверил патроны? Телохранитель, когда он слышит выстрел, он не останавливается, чтобы спросить, холостые патроны или нет. Если так, то с равным успехом может спать дома. Он должен действовать".

Агенты ШАБАКа обучены устранять убийцу в течение 0.8 секунды. Больше времени занимает прокричать: "Они холостые! Ненастоящие!" Если бы телохранители выстрелили, а не закричали, Амир не смог бы сделать еще два приписываемых ему выстрела.

Амир осознает, что что-то здесь совсем не так, но недоговаривает о том, что может быть, он действительно выстрелил холостыми - именно так, как сказал телохранитель.

Амир: "Я целился ему в позвоночник, не в сердце - в позвоночник... Я хотел парализовать его, но не убить. После первого выстрела я сделал паузу, чтобы посмотреть, какая будет реакция, т.е. реакция тела".

Следователи: “Была какая-нибудь реакция?”

Амир: “Никакой. Он продолжал стоять точно так же. Тогда они прыгнули на меня с боков, и я выстрелил еще дважды. Но я не помню ничего о тех выстрелах. Я так даже и не увидел спину Рабина”.

Амир целился Рабину в спину. К его удивлению, после выстрела Рабин даже не вздрогнул. Поэтому он выстрелил опять, уже в то время, как на него наваливались со всех сторон. Но он не видел своего противника, не мог прицелиться и не знает, попал ли он на самом деле в кого-то.

Может быть теперь он понимает, почему они кричали: “Это холостой! Это не по-настоящему!”

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 16. ОБСТРУКЦИЯ ДАЕТ МНЕ НОВЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

3 апреля 1997 года я должен был выступить с лекцией в Иерусалимском университете по приглашению Ассоциации иностранных студентов - официальной студенческой организации, входящей в университетский студенческий совет. Однако две левые студенческие фракции, МЕРЕЦ и связанная с партией Авода группа Офек, решили устроить саботаж и сорвать лекцию. В течение нескольких дней до лекции они срывали афиши и передавали дезинформацию в прессу. Было сообщено, что я "член организованной преступности", "не живу в Израиле", "финансируюсь экстремистскими организациями" и "отрицаю Катастрофу". Последнее обвинение было особенно оскорбительным - треть моей семьи была уничтожена в ходе Катастрофы.

Когда наступил вечер моего выступления, саботажники были готовы к действиям. Они перегородили мне дорогу, но оставили достаточно места, чтобы член Кнессета от Аводы Эйтан Кабель напал на меня перед камерами с криком: "Фашист! Фашист! Не смей трогать меня!", пытаясь спровоцировать меня двинуть ему по физиономии. Я думаю, все, что ему удалось - это предстать в идиотском виде. Как только я сумел проскользнуть в лекционную аудиторию, беспорядки разгорелись с новой силой.

Меня пришло послушать около 150 человек. Вход был насильственно перекрыт примерно пятью из 50 участников беспорядков. Двое "студенческих лидеров", в возрасте за 30, изображали видимость стычки со студентами-охранниками. Как сообщил мне позднее организатор лекции Брайан Банн: "У многих из охранников под формой были надеты футболки МЕРЕЦа. Они были там для поощрения беспорядков, а не для их предотвращения".

Все эти инсценированные волнения можно было бы прекратить, если бы полиция прибыла сразу и немедленно арестовала бы подстрекателей - до того, как было разбито окно и избита 75-летняя женщина. Однако по словам многих людей, звонивших в полицию, университет отказывался впустить полицейские машины на территорию кампуса.

При этом журналистам вход был разрешен - судя по всему, для того, чтобы документально зафиксировать мое унижение. Тем не менее я неустрашимо представил имевшиеся у меня свидетельства и изложил логику того, что я мог бы сказать, если бы мне позволили развить тему. Несколько журналистов начали слушать. Двое университетских охранников попытались вывести меня из зала и сопроводить на частную встречу с тем же членом Кнессета, который только что напал на меня. Я остался на месте, а журналисты начали вести записи.

Как и ожидалось, большинство из них в итоге написало обычную дезинформацию. И все же некоторые из них, включая как обычно доброжелательную "Джерузалем Пост", опубликовали сбалансированные репортажи. Некоторые, включая "Йерушалаим" и "Вести" даже опубликовали большие и благожелательные статьи. К несомненному унынию тех, кто организовал беспорядки, даже телевизионные сообщения обо мне выглядели достойно. В итоге истина одержала важную победу.

Скандал в Иерусалимском университете парадоксальным образом принес мне известность в масштабах страны. Важнейшим результатом этого стало то, что вскоре объявилось несколько свидетелей, располагающих важной информацией. И хотя страх заставляет многих из них держаться в тени, надежность их показаний не вызывает сомнений.

Незадолго до беспорядков, у меня брали интервью по радио. Некий слушатель позвонил ведущему и попросил его послужить посредником между мной и своим другом. Этот друг помогал строить сцену на демонстрации, после которой был убит Рабин. Бригада рабочих строила сцену согласно обычным требованиям безопасности, но агенты ШАБАКа велели им демонтировать детекторы металла, установленные для обеспечения безопасности в зоне за сценой. Короче, сказал он, Амир или любой другой вооруженный человек мог войти в зону за сценой, оставшись необнаруженным.

После беспорядков в университете мне позвонили по вопросу о Йораме Рубине, личном телохранителе Рабина.

“Я думаю, это очень важно”, - сказал звонивший. - “Я хорошо знаю семью Йорама Рубина. Я знаю Йорама с тех пор, как он был ребенком в Акко. Прошрое его семьи должно было воспрепятствовать Йораму когда-либо вступить в ШАБАК, не говоря уже о том, чтобы стать ближайшим телохранителем премьер-министра.

Его отец командовал сыновьями, как начальник Гестапо. Он работал в армейской разведке и держал в секрете все, особенно свою работу. Сыновья росли в условиях ненормальной дисциплины. Один из сыновей, Гершон, сломался после того, как семья переехала в Кармиэль, двадцать лет назад. Он стал наркоманом и пырнул свою подружку ножом. Он получил пожизненное заключение за убийство и умер в тюрьме, предположительно покончив с собой.

Как же такой парень мог быть выбран ШАБАКом на должность телохранителя Рабина? Вы знаете, какие психологические тесты и проверки вашего прошлого они проводят перед тем, как взять вас на службу? Я знаю. Йорам никогда бы их не прошел. Что-то здесь совершенно не так”.

Ш**, живущий в одном из мошавов, серьезно испугался, заметив нечто в газетах. Как и многие другие люди, он сохранил газеты от начала ноября 1995 года в интересах истории. В газетах были фотографии Амира, сделанные в тот момент, когда он помогал восстановить подробности покушения на следственном эксперименте. Чуть более месяца спустя было объявлено о пленке Кемплера. Газеты напечатали на полстраницы кадры, на которых Амир стреляет в Рабина.

Ш** сравнил эти фотографии с фотографиями Амира, сделанными на следственном эксперименте 16 ноября, менее двух недель после убийства. Он был потрясен. На следственном эксперименте Амир стреляет правой рукой. И неудивительно - ведь он же правша. Но в кадре из видеофильма Кемплера “Амир” стреляет, вытянув вперед левую руку - в этом не может быть абсолютно никакой ошибки. [То, что на пленке Амир стреляет левой рукой, было замечено многими. Вот что, например, сообщало о пленке Кемплера агентство “Ассошиэйтед Пресс” 16 февраля 1996 года: “Темная и зернистая видеозапись,

сделанная видеолюбителем, показывает, как преступник подбирается вплотную к Рабину - вплоть до того, что его левая рука почти касается премьер-министра!" - Прим. перев.]

Будучи глубоко обеспокоен, Ш** отнес фотографии в две иерусалимские газеты. Они подтвердили его подозрения, и более того, объяснили ему, что дело не в перевернутом негативе: на перевернутом негативе левая рука все равно останется левой. Кроме того, профиль Амира в кадре из видеофильма Кемплера не похож на фотографии Амира в профиль, сделанные в вечер убийства.

Редакторы газет отказались печатать фотографии и предупредили Ш**, чтобы он больше никому их не показывал. За этим последовал угрожающий телефонный звонок ему домой.

Йоав Куриэль, являвшийся предположительно сотрудником ШАБАКа, умер вскоре после убийства Рабина. После того, как причиной его смерти было объявлено самоубийство, его жизненные органы были удалены, и он был похоронен в закрытом гробу. [Евреев обычно хоронят завернутыми в простую материю.] На время похорон автомобильное движение на перекрестке Яркон было пущено в обход в течение 90 минут. Подобная необъяснимая честь для неизвестной жертвы самоубийства привела к тому, что многие журналисты попытались связать его смерть с убийством Рабина. Ни один из них не преуспел в этом, но мне было коротко и сжато сообщено, что Йоав Куриэль не совершал самоубийство.

Свидетельство о смерти Куриэля, выписанное в госпитале, не содержит причины смерти - исключение из правил, противоречащее закону. Один из источников сообщил мне: "Я видел тело Йоава Куриэля. И я был не один. У него было шесть или семь пулевых отверстий в груди. Так люди не кончают жизнь самоубийством". Он сказал мне, что мы можем встретиться в будущем, но так никогда и не позвонил.

Спустя не более недели после этого мне позвонил Рони Шварц из Кфар-Сабы. Он сказал мне, что друг могильщика, хоронившего Куриэля, сказал ему, что у Куриэля было семь пулевых отверстий в груди. Другие тоже передали ему об этом со слов могильщика, но сам могильщик предпочел не высываться.

"Могильщик", - как сказали мне, - "не является сионистом и не будет рисковать

жизнью за страну. Он видел, что происходит, если рассердить не тех, кого надо”.

17 мая мне дали папку с данными Йоава Куриэля из Службы социального страхования. Я позвонил Ронену, и он приехал ко мне домой, чтобы посмотреть ее. “Вот оно”, - сказал он, быстро пролистав папку. - “Он состоял на службе в штаб-квартире израильской полиции в Шейх-Джаррах. Там находится отделение полиции по сбору информации”.

Куриэль не был единственным подозрительным “самоубийцей”, связанным с гибелью Рабина. Американский студент из Бар-Иланского университета Ицхак Ньюман предположительно покончил жизнь самоубийством, будучи “в депрессии” из-за смерти Рабина. Его друг сообщил мне: “Он был близок к Авишаю Равиву. В вечер убийства Равив позвонил ему и попытался уговорить его принять на себя ответственность за убийство. Никто из друзей Ицхака не поверил в историю с самоубийством. Ему просто заткнули рот навсегда”.

Арье Розен-Цви был профессором-юристом из Тель-Авивского университета и членом Комиссии Шамгара. Он умер от рака вскоре после опубликования отчета Комиссии. Мне позвонил человек, близко знавший его. Звонивший сказал, что у него есть важная информация для меня, но он не может сообщить ее по телефону. На следующий день мы встретились у меня дома.

Этот человек занимал исключительно ответственную должность в сфере образования. Он сказал: “Я видел Арье на той неделе, когда он умер. Он сказал мне, что хранит в своем сердце глубокие тайны о Рабине, но никогда не сможет рассказать о них. Через несколько дней после этого он умер. Рак - это не инфаркт, на последней стадии рака вы надолго прикованы к кровати. Он не мог умереть от рака в одночасье”.

Эта история зловеще похожа на другую историю, тоже связанную с Рабиным. В 8:45 утра, теплым июльским утром 1995 года, заместитель Рабина по Министерству обороны Мота Гур был найден мертвым у себя в доме. Он

прострелил себе шею и предположительно оставил записку в одну строчку, сообщавшую, что он не хочет, чтобы его семья и дальше страдала от его мучений. Полный и точный текст записки так и не был обнародован. Генерал Гур, национальный герой, участвовавший в освобождении Иерусалима, был похоронен в тот же вечер. Пресса сообщила, что причиной депрессии, приведшей к самоубийству Гура, был смертельный рак.

Всего за несколько недель до этого Гур вызвал бурю в Кнессете, когда, согласно "Маариву" от 15 июня 1995 года, он "не просто не осудил поселенцев, но и выступил в их защиту. "Я должен сказать, я спросил себя, почему мы не организовали поселение в этом месте много лет назад? В 1946 году мы, будучи молодыми, основали таким же образом тринадцать киббуцев". Заявление Гура вызвало многочасовой бурный спор, чуть не приведший к тому, что нескольким членам Кнессета было велено покинуть зал заседаний". [Так напечатано в газетном отчете. Несомненно, речь идет об операции 6 окт. 1946 г., когда в одну ночь было создано 11 (не 13!) киббуцев в северном Негеве для того, чтобы Негев был включен в будущее государство Израиль. - Прим. ред.]

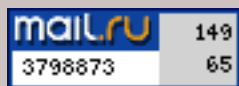
Гур активно противостоял "мирному процессу". Незадолго до смерти он посетил Хеврон, чтобы поддержать поселенческую деятельность. Еврейские жители Иудеи, Самарии и Газы рассматривали его как единственного оставшегося у них друга в правительстве Рабина. Будучи заместителем Министра обороны, он имел доступ к секретам, которые могли оказаться исключительно полезными для противников "мирного процесса".

Действительно ли смертельный рак привел Гура к самоубийству? Нет, если верить профессору Самарио Чайчику, руководителю онкологического отделения госпиталя "Ихилон", который лечил Гура. Он сказал газете "Маарив": "Два месяца назад мы обнаружили у него опухоль в мозгу. Лечение этой опухоли было произведено в Мемориальном госпитале в Манхеттене. Семь недель назад Гур вернулся в Израиль. Он был в гораздо лучшем состоянии: опухоль полностью исчезла, равным образом исчезли и побочные эффекты лечения. Мы осмотрели его три дня назад, и у него не было никаких признаков депрессии. Он договорился придти к нам на осмотр через десять дней".

В вечер перед смертью он договорился и о другой встрече - на этот раз, чтобы дать интервью тележурналисту Ави Бетльхайму. Все родственники и друзья Гура были крайне удивлены его смертью - он не был предрасположен к самоубийству.

Подозрительная смерть Гура произошла всего за пять месяцев до убийства его начальника, Ицхака Рабина.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 17. ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

В октябре 1996 года Второй канал телевидения передал репортаж о людях, отрицающих официальную версию убийства Рабина. Хотя программа была в основном посвящена моей работе, несколько секунд было уделено исследователю из Рамат-Гана, Натану Гефену. После показа программы, журналист из местной прессы посетил Гефена. В начале ноября раматганская газета "Гамекомон" опубликовала бесстрашное интервью Гефена, в течение года изучавшего то, как замечались следы после убийства Рабина. Согласно статье, "Гефен присутствовал на большинстве судебных заседаний по делу об убийстве, встречался с многочисленными экспертами и уверен, что у Игаля Амира был сообщник... который до сих пор на свободе". После года поисков в одиночестве я обнаружил, к своей огромной радости, что я на самом деле не одинок.

Ниже приведены выдержки из трехстраничного интервью. Я должен добавить, что Гефен не согласен с моим выводом, что Игаль Амир сделал один холостой выстрел, и что Рабин был на самом деле убит в машине по дороге в госпиталь "Ихилон". Тем не менее, мы пришли к согласию по вопросу о подробностях замечания следов со стороны ШАБАКа - я прокомментирую это в конце интервью.

"Гамекомон": "Натан Гефен, на чем основана Ваша теория?"

Гефен: "Она основана на собранных и изученных мной фактах. На своем первом допросе Игаль Амир утверждал, что не собирался убивать Рабина, а собирался только ранить его. И тем не менее он стрелял разрывными пулями, которые причиняют гораздо больше вреда, чем обычные. Поэтому он, скорее всего,

лжет. Но у разрывных пуль гораздо меньше глубина проникновения, так что он, наверное, заранее располагал информацией о том, что на Рабине не будет пулезащитного жилета. Мой вывод состоит в том, что он располагал информацией, полученной "изнутри". Кроме того, разрывные пули распадаются и не могут быть идентифицированы после того, как попали в тело".

"Гамекомон": "Это все несерьезные утверждения. Игаль Амир стрелял три раза, его поймали и на следственном эксперименте он показал, как все произошло".

Гефен: "Игаль Амир выстрелил только один раз. Затем на него навалились телохранители Рабина. Следующий выстрел в Рабина был сделан с нулевого расстояния, но Амир ни в какой момент не был так близко к Рабину. Амир ни в какой момент не касался Рабина физически".

"Гамекомон": "Откуда Вы это знаете?"

Гефен: "Из видеозаписи убийства и из показаний полицейских и сотрудников ШАБАКа".

"Гамекомон": "Но на следственном эксперименте Амир выстрелил трижды".

Гефен: "Его действия в ходе эксперимента не были точными. Он утверждает, что сделал два последних выстрела, когда его уже держали охранники. Я не верю ему. После того, как у него отобрали пистолет, в нем было обнаружено восемь патронов. Амир утверждает, что зарядил девять. Амир скрывает факты".

"Гамекомон": "Допустим, что Вы правы. Кто же тогда выпустил остальные пули?"

Гефен: "Возможности найти ответ на этот вопрос уже нет. Я настаиваю на том, что телохранителей Рабина следовало арестовать на месте. Речь идет об убийстве премьер-министра, а не о какой-то краже со взломом. Оставшись на свободе, они смогли скоординировать свои показания, и сведения о личности убийцы остались в руках ШАБАКа".

"Гамекомон": "Таким образом Вы утверждаете, что кто-то из ШАБАКа убил Рабина?"

Гефен: "Может быть. Может быть, кто-то связанный с ШАБАКом, может быть нет".

"Гамекомон": "Короче, Вы утверждаете, что имел место заговор с участием

ШАБАКа?”

Гефен: “Нет. Имел место заговор между Амиром и каким-то агентом ШАБАКа, втершимся в доверие к телохранителям Рабина. Этот агент ШАБАКа помог Амиру осуществить убийство. По-моему, кто-то воспользовался суматохой вокруг Амира, чтобы застрелить Рабина”.

“Гамекомон”: “А кто ранил телохранителя Йорама Рубина?”

Гефен: “Я думаю, это было инсценировано, поскольку третью пулю так никогда и не нашли. Криминалистическая лаборатория обнаружила, что химический состав пули, попавшей в Рубина, отличался от состава всех пуль, имевшихся у Амира”.

“Гамекомон”: “Амира очень много допрашивали, и тем не менее Вы утверждаете, что следователи не сумели заставить его назвать своего соучастника?”

Гефен: “Я утверждаю, что ШАБАК велел ему ничего не раскрывать, поскольку вред от этого мог быть еще большим”.

“Гамекомон”: “И какой же Амиру был интерес соглашаться?”

Гефен: “Возможно, они пообещали освободить его раньше. Амир полностью сотрудничал со следствием, признался во всем, и поэтому имел право повидаться с адвокатом и с посетителями через неделю после убийства. Но его продержали целый месяц, не давая увидеться с посторонними. Почему? По моему мнению, это время понадобилось для того, чтобы уговорить его не раскрывать соучастника, связанного с ШАБАКом”.

“Гамекомон”: “Когда Вы пришли к выводу, что у Амира был соучастник?”

Гефен: “Прямо с самого начала событий. После убийства ШАБАК действовал исключительно странным образом. Обычно люди, находящиеся под следствием, пытаются скрыть свою причастность преступлению. Именно так действовал ШАБАК в истории с автобусом номер 300, именно так действовала Армия в ходе работы Комиссии Аграната. [В 1984 году четверо арабских террористов захватили автобус номер 300 с пассажирами в качестве заложников. В ходе штурма автобуса силами безопасности двое террористов было убито и двое захвачено живыми. Пленные были допрошены (допрашивал - рукояткой пистолета - Ицхак Мордехай, командовавший штурмом) и затем убиты сотрудниками ШАБАКа. Но перед этим они были сняты

корреспондентами, которые непонятно как оказались на месте операции. Последовал громкий скандал, и была создана государственная комиссия. Сотрудники ШАБАКа лгали Комиссии, а представители ШАБАКа в Комиссии активно пытались помешать ходу расследования и покрывали деятельность своих коллег, что, в свою очередь, привело к новому витку развития скандала. Несколько высших чинов ШАБАКа (включая главу ШАБАКа Авраама Шалома) ушли в отставку. Остальные виновные были коллективно и до суда помилованы помилованы президентом Израиля Герцогом. Комиссия Аграната была создана в 1973 году, после Войны Судного Дня, для расследования того, почему израильская военная разведка не сообщила о готовящейся войне. Задача Комиссии была искусственно ограничена разведкой и ведением боев в первые два дня войны для того, чтобы ни коим образом не затронуть политическое руководство страны. Это намерение было верно угадано общественностью Израиля, и, несмотря на все усилия Комиссии, правительство Голды Меир было вынуждено уйти в отставку. - Прим. ред.] Легкость, с которой ШАБАК принял на себя ответственность и начал свое собственное расследование, показывает, что они хотели немного выпустить пар, чтобы избежать еще большего скандала. На следствии, проводившемся Комиссией Шамгара, ШАБАК пытался доказать, что это был их провал. И это выглядит неестественно. Я чувствовал, что что-то там не так, и обратился к Государственному контролеру и к Генеральному прокурору, чтобы они заново начали расследование. Ни один из них не ответил мне”.

“Гамекомон”: “Мне кажется, что это не просто совпадение, что Ваша работа была показана по телевидению в годовщину убийства”.

Гефен: “Я искал контактов с прессой, поскольку знал, что меня могут пришить. Поэтому я посылал факсы и письма как можно большему числу людей, чтобы стать слишком известным для убийства”.

“Гамекомон”: “Вы не думаете, что Ваша работа наносит вред слишком большому числу людей?”

Гефен: “А то, что из-за давления ШАБАКа на Амира убийца до сих пор на свободе, не наносит вред? Я хочу, чтобы весь этот вопрос с шумом вышел на поверхность. Никто не знает, что сделает убийца, если его не поймают. И если его не поймают, то это послужит приглашением для служб безопасности попытаться сделать что-нибудь похожее в будущем”.

Прочитав интервью, я пришел к выводу, что Гефен не видел видеозаписи того, как задняя дверь машины Рабина закрывается перед тем, как тот оказывается в машине. Если бы он видел это, я уверен, он бы пришел к выводу, что Рабин был

застрелен в машине, а не в ходе беспорядка при задержании Амира. Наши мнения сошлись в том, что Рабина застрелил не Амир, а кто-то еще, и что ранение Рубина было отвлекающим маневром. Тем не менее, основываясь на той же видеозаписи убийства, ясно показывающей, что Рабин остался невредим после выстрела Амира, я заключил, что Амир выстрелил холостым. И то, что он собирался убить Рабина, делает его виновным лишь в попытке убийства. Настоящая грязная работа была сделана кем-то еще.

Оставив эти детали в стороне, я пришел к выводу, что исследования Гефена серьезны, и что нет никаких сомнений в его гражданском мужестве и в его этических принципах. Он заслуживает признательности со стороны всех честных израильтян.

Гефен передал мне самое страшное свидетельство - оригинал хирургического протокола из госпиталя "Ихилон". В этом протоколе сообщалось, что Рабин был ранен в грудь пулей, выпущенной спереди, пулей, в конце концов раздробившей ему позвоночник.

По своей силе это свидетельство могло сравниться с еще не остывшим ружьем, оставленным на месте преступления. Открытие Гефена и его усердие произвели огромное впечатление. Когда редактор и журналист из "Вестей" брали у меня интервью после инсценированных беспорядков в Иерусалимском университете, я порекомендовал им встретиться с Гефеном. Ниже приведено интервью, данное Гефеном газете "Вести" и опубликованное в мае 1997 года.

"Вести": "Когда Вы начали свое расследование убийства Рабина?"

Гефен: "В ночь убийства. Я подумал, что невероятно, что убийце так легко все удалось. Я не мог понять, почему телохранители подвели Рабина. Поэтому первым делом я решил записать все, что транслировалось по телевидению в вечер убийства. Остальные вопросы возникли вскоре за этим".

"Вести": "А именно?"

Гефен: "Почему жена Рабина прибыла в госпиталь так поздно? Почему госпиталь не был готов принять Рабина, хотя в его машине был радиопередатчик? Где так долго находилась машина Рабина, если дорога до

госпиталя “Ихилув” занимает не более двух минут?”

“Вести”: “Комиссия Шамгара не обнаружила никакого злого умысла, а только халатность со стороны телохранителей. Адвокаты, допущенные к секретным частям отчета Комиссии, говорят, что там не говорится ни о чем, кроме процедур, связанных с обеспечением безопасности”.

Гефен: “Позвольте мне задать вам вопрос. Почему первое расследование убийства было предпринято сотрудниками ШАБАКа? Не они должны были расследовать, а их должны были расследовать. И почему никто из тех, кто должен был докопаться до истины не расследовал по крайней мере, действовал ли Амир в одиночку или нет, и если нет, то кто стоял за ним? Мой долг задавать вопросы, но необязательно отвечать на них при этом. У вас есть ответы?”

“Вести”: “Нет. А у Вас? Каковы Ваши выводы?”

Гефен: “Игаль Амир действовал не в одиночку. Смертельный выстрел был сделан другим человеком, и это был выстрел в грудь, в то время как Амир стрелял в спину. Настоящий убийца до сих пор на свободе. На суде над Амиром судьи пришли к выводу, что Рабин был ранен двумя выстрелами. Я утверждаю, что он был ранен тремя пулями, и что решающий выстрел был сделан спереди. В ночь убийства Министр здравоохранения Эфраим Сне и директор госпиталя “Ихилув” Габи Барабаш объявили, что Рабин ранен в грудь пулей, выпущенной спереди, и что у него поврежден позвоночник. Оба они врачи, оба присутствовали в операционной и видели тело Рабина. Не может быть, чтобы они ошибались”.

“Вести”: “Где же пуля, которая попала в Йорама Рубина?”

Гефен: “Я убежден, что ранение Рубина было инсценировано. Эта пуля так и не была найдена, и полицейский эксперт-криминалист Барух Гладштейн засвидетельствовал, что пуля сделавшая отверстие в одежде Рубина, имела другой металлический состав, чем пули, найденные у Игаля Амира. Он также заключил, что одна из пуль, прошедших через одежду Рабина, была выпущена с нулевого расстояния. Если вы посмотрите на пленку Кемплера, вы увидите, что у Амира не было никакой возможности выстрелить с нулевого расстояния”.

“Вести”: “Пленка такого плохого качества, что вы едва можете различить детали на ней”.

Гефен: “Давайте, давайте поглядим на пленку. Я продемонстрирую вам при

замедленном показе, как пленка была смонтирована. Обратите внимание на реакцию Рабина после того, как в него выстрелили. В одной секунде 24 кадра, и если вы посчитаете кадры, вы сможете точно восстановить время каждого из событий. Заметьте, в Рабина выстрелили, и после этого он поворачивает голову в направлении выстрела. Вы знаете, сколько времени у среднего здорового человека занимает физическая реакция на боль или шок? 3/4 секунды или 18 кадров. А Рабин не был Джеймсом Бондом - ему было 72 года, и он был в ужасной форме. Сколько времени занимает у Рабина реакция? Посчитайте кадры - 0.2 секунды. Более половины секунды было вырезано в этом месте пленки. Теперь посмотрим на протокол операции. В нем сообщается, что пуля вошла Рабину в грудь и раздробила позвоночник. Д-р Барабаш сообщил по телевидению в тот же вечер, что Рабину было перелито восемь порций крови. Это означает, что у него было обильное кровотечение. И где же эта кровь? На мостовой, где в него предположительно стреляли, не было обнаружено никакой крови”.

“Вести”: “Я не вижу в этом ничего странного. У кровотечения в начале может быть задержка. Кровотечение стало обильным, когда его уже поместили в машину”.

Гефен: “Нет. Когда у человека смертельное огнестрельное ранение, его кладут на землю и прикрывают одеялом, чтобы предотвратить дальнейшую потерю крови. Не могло случиться так, что на мостовой не осталось никакой крови. И в машине ничего не было”.

Насколько нам известно, машину Рабина после убийства никто не исследовал. Ни в отчете Комиссии Шамгара, ни в стенограммах суда над Амиром нет никакого упоминания об исследовании машины или ее заднего сиденья.

“Вести”: “Кто передал Вам хирургический протокол?”

Гефен: “В прошлом ноябре местная газета города Рамат-Гана опубликовала статью о моих исследованиях. Я размножил статью и разослал копии по всему госпиталю “Ихилон”. Идея оправдала себя. Кто-то анонимно переслал мне по факсу протокол. Сразу же после этого я переслал копию в ведомство Государственного контролера и попросил их заново открыть следствие по делу об убийстве Рабина. Они ответили, что одно официальное расследование уже было, и будет нецелесообразно открывать еще одно”.

“Вести”: “Почему Амир молчит? Он знает, что кто-то другой убил Рабина?”

Гефен: "Он должен знать. Амир был арестован, и к нему не пускали посетителей в течение месяца. Почему, ведь он сотрудничал со следователями? Ноам Фридман, ранивший из винтовки семь человек в Хевроне, сотрудничал со следствием, и ему разрешили повидать адвоката на следующий же день. ШАБАКу потребовался месяц, чтобы уговорить Амира сотрудничать. И как же он начал сотрудничать после этого! Я сидел на большей части заседаний суда над ним, и каждый раз, когда его адвокатам удавалось высказать сильный аргумент в его защиту, именно он обрывал их и кричал: "Я убил его. Я сделал это сам". Он явно переигрывал. Но даже неважно, что он говорит. У меня есть документы, опровергающие его слова и достаточно сильные, чтобы послужить основанием для нового следствия по делу об убийстве. Но правительство никогда не допустит этого".

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 18. ПИСТОЛЕТ

Сразу же после покушения один из очевидцев, Ноам Кедем, сказал агентству "Рейтер", что услышал два или три выстрела и потом: "Я увидел Рабина, держащегося за живот. Я не знаю, куда точно его ранило, но он обхватил свое тело и затем рухнул на землю". Он сказал, что охранники рядом с Рабиным замешкались, а затем последовало еще два выстрела. Несколько других свидетелей, включая полицейского Йоси Смаджа, также слышали пять выстрелов. Согласно их показаниям, Рабин рухнул только после четвертого или пятого выстрела. В интервью, которое Кедем дал журналу "Хатикшорет" в мае 1997 года, он добавил к своему прежнему рассказу новую деталь: "Я увидел пистолетную обойму на земле и отбросил ее ногой в сторону телохранителей". Возможно, что в ходе всей той неразберихи один из полицейских или телохранителей выронил обойму. Но возможен и другой вариант. Боаз Гаон, журналист из "Маарива", прочитавший интервью в "Хатикшорет", позвонил мне после этого и сказал: "Странная история. Возможно там был замешан какой-то второй пистолет".

То же самое утверждает Натан Гефен, и ту же теорию представил в ходе суда адвокат Амира Габи Шахар. Вкратце суть теории в том, что Амир сделал холостой выстрел, а затем настоящий убийца воспользовался образовавшимся замешательством и застрелил Рабина. Этой версии противоречат показания Евгения Фурмана - пациента из приемного покоя госпиталя "Ихилон", сказавшего репортеру из агентства "Рейтер": "Его [Рабина] глаза были закрыты, и у него текла кровь из сныны и груди". О ране в грудь свидетельствуют также заявления д-ров Сне и Барабаша и рукописный хирургический протокол, написанный д-ром Гутманом. Но в одежде Рабина не осталось никаких пулевых отверстий спереди. Таким образом, Рабин не мог быть ранен в грудь в ходе неразберихи, творившейся на автомобильной стоянке возле площади Царей

Израиля.

Обратимся к отчету, подготовленному Бернардом Шехтером, экспертом из баллистической лаборатории при израильской полиции. Для экспертизы ему был предоставлен комплект оружия и боеприпасов, включая пистолет Амира. В отчете Шехтер жалуется, что, в разрез с принятыми правилами, в переданном ему пистолете Амира в патроннике не было патрона (т.е. находившийся там непосредственно после преступления очередной патрон был вынут оттуда - Прим. перев.). Шехтер сообщает, что в пистолете Амира находилось восемь пуль: "Четыре обычные пули и четыре разрывные с серебристой головкой".

Рабин был предположительно убит двумя разрывными пулями, а в Рубина попала обычная. Согласно заключению Комиссии Шамгара, Амир вначале выстрелил разрывной пулей в Рабина, затем обычной в Рубина и затем еще одной разрывной снова в Рабина. В своих показаниях на суде Шехтер заявил: "Первые две пули в обойме были разрывные, за ними шла обычная пуля". Амир возразил против этого, настаивая на том, что Шехтер перепутал порядок пуль.

Разрывные пули с серебристой головкой обычно имеют дополнительную металлическую дробинку на конце - подобная дробинка значительно увеличивает вред, наносимый пулей. Согласно показаниям Амира, он использовал против Рабина самые разрушительные пули, бывшие в его распоряжении. Таким образом, в теле Рабина должны были быть найдены две дробинки. Посмотрим, что говорится об этом в показаниях, данных Бернардом Шехтером на суде 3 марта 1996 года.

Защита: "Вы написали в Вашем отчете, что в теле дробинок не было. Где Вы заказывали исследование по этому вопросу?"

Шехтер: "Исследование было сделано с помощью рентгена. Я попросил, чтобы в теле поискали дробинки. Я не помню точно, когда я просил это, но мне пришлось просить пять раз уже после того, как я увидел боеприпасы [предоставленные для экспертизы] и обнаружил дробинки на четырех других пулях. Поэтому я и попросил патологоанатома д-ра Гисса проверить с помощью рентгена, нет ли в теле дробинок. Он сказал, что проверил дважды, и ничего не нашел".

На следующий день д-р Гисс дал показания по вопросу о пропавших дробинок: "Кроме двух пуль, изъятых мной из тела покойного, никаких других инородных частиц там не было". Таким образом, получается, что Амир не использовал против Рабина самые разрушительные пули, бывшие в его распоряжении.

Вскоре после ареста Амира, полиция устроила обыск в доме его родителей, пытаясь найти там оружие и боеприпасы. Они ушли оттуда с пустыми руками. Спустя два дня после этого ШАБАК произвел свой собственный обыск и обнаружил такое количество оружия, что с его помощью можно было бы вооружить целую банду. Оружие было найдено на чердаке над комнатой Хагая, брата Игаля. Хагая обвинили в изготовлении разрывных пуль, которыми был убит Рабин. Впоследствии он был осужден за это судом, но получил относительно легкое наказание (семь лет тюрьмы), поскольку, согласно его собственным показаниям, не знал, что его брат намеревается убить кого-то этими пулями.

Прочие исследователи убийства были исключительно заинтригованы тем фактом, что Шехтер обнаружил в арсенале Хагая два холостых патрона и глушитель. Меня же больше озадачили остальные найденные там вещи. Вот неполный список патронов из арсенала Хагая, пересланных Шехтеру для экспертизы (все боеприпасы - производства фирмы "Винчестер"):

* 5 разрывных пуль с серебристой головкой;

* упаковка с 380 патронами "Automatic Super-X"

Получается какая-то путаница: если на чердаке у Хагая Амира было такое количество разрывных пуль фабричного производства, зачем ему надо было самому выдалбливать полости в обычных пулях, чтобы сделать эти пули разрывными? В пулях, попавших в Рабина, полости (превращающие обычную пулю в разрывную) уже были сделаны самой фирмой "Винчестер". При этом в теле Рабина не было обнаружено металлических дробинок, которые обычно вмонтированы в головку таких пуль для увеличения воздействия.

Чтобы обойти эти проблемы, в официальной версии было сказано, что Хагай Амир расширил полости в пулях, уже бывших разрывными, и в ходе этого

удалил с пуль металлические дробинки. Зачем ему было делать это? Фирма "Винчестер" и без него позаботилась о том, чтобы сделать эти пули максимально эффективными, а удаляя дробинку, он достигал как раз противоположного результата.

Д-р Гисс только увеличил проблему, когда в ходе того же заседания суда он сказал, что вторая из попавших в Рабина пуля была выпущена горизонтально. Амир позднее подтвердил его слова, заявив, что ни в какой момент не опускал дуло своего пистолета. Но Комиссия Шамгара пришла к выводу, что второй раз Амир стрелял сверху, когда распростертый Рабин уже лежал на земле.

Большую часть суда - до тех пор, пока Йорам Рубин не отказался от всех своих прежних показаний, касавшихся его ранения - обвинение опиралось на весьма странные показания офицера полиции Исраэля Габая.

Защита: "Вы припоминаете Ваши показания о том, что Вы видели, как подсудимый опустил дуло пистолета, так что оно оказалось под углом 45 градусов?"

Габай: "Припоминаю. Я не припоминаю, чтобы я заявлял про что-то такое [на допросе] в полиции. Не знаю, почему я не сказал об этом полиции".

Защита: "Как получилось, что никто из других полицейских не сказал ничего подобного об этом угле?"

Габай: "Спросите у них".

Защита: "Как так может быть, что спустя три месяца после убийства никто кроме Вас не дал суду показаний о том, что подсудимый держал пистолет под углом 45 градусов?"

Габай: "Я сказал о том, что видел. Что касается других полицейских, спросите их самих".

Защита: "И Вы имели в виду 45 градусов по направлению к земле".

Габай: "Да. Пока он держал пистолет в этом положении, на него еще никто не навалился. Бросаясь на него, я видел, как он стоит с пистолетом, направленным

под углом 45 градусов к земле. Я не знаю, сколько людей стояло рядом с Рабиным, но никто не прыгнул на него [на Амира], хотя они все были всего лишь в метре от него”.

Защита: “Так Вы говорите, что пистолет в руках обвиняемого был направлен к земле?”

Габай: “Да”.

Так заканчивается первая часть показаний Габая. Противоречия дюжине свидетелей, видевших, как на Амира набросились сразу после первого выстрела, Габай настаивает, что никто не трогал Амира и что тот стоял отдельно от остальных, стреляя в Рабина и Рубина, уже упавших на землю. Габай - единственный очевидец убийства, видевший события именно таким образом (если вообще верить его показаниям). Однако его показания в большей степени порождают новые вопросы, чем дают ответы на старые. Наиболее очевидный вопрос состоит в том, почему телохранители не исполнили своих обязанностей и не прыгнули на Амира? Поэтому со временем суд отверг показания Габая и удовлетворился новой версией показаний Рубина, согласно которой Амир действительно стрелял горизонтально.

Перейдем теперь ко второй части показаний Габая. Эти показания проливают свет на многие обстоятельства дела.

Защита: “Вы сказали суду, что Вам было приказано искать гильзы от патронов?”

Габай: “Да. Я нашел 9-миллиметровую гильзу, но командующий [силами полиции] по району велел мне искать гильзы калибра 0.22”.

Защита: “И Вы видели пистолет до того, как занялись поиском гильз”.

Габай: “Как только подсудимый оказался на земле, его пистолет забрал сотрудник подразделения по борьбе с террором. Я видел пистолет”.

Далее он объясняет, что речь идет именно о конкретном полицейском из анти-террористического подразделения полиции. Это обстоятельство будет важным

чуть ниже.

Защита: "Но Вы не видели пистолет вблизи?"

Габай: "До того, как я нашел гильзу, я уже мог сказать, что это был за пистолет".

Защита: "И Вы не могли определить, какие там должны быть гильзы?"

Габай: "Я спросил командующего [силами полиции] по району, с какой стати он велел мне искать гильзы калибра 0.22".

Защита: "И найденная Вами гильза находилась прямо рядом с машиной премьер-министра".

Габай: "Да".

Защита: "И это должна была быть гильза от пистолета, из которого стреляли в премьер-министра?"

Габай: "Я не знал тогда. Я нашел гильзу и держал ее".

Защита: "Так почему же Вы не спросили командующего по району, зачем он велел Вам искать гильзу калибра 0.22, если Вы уже нашли гильзу другого калибра?"

Габай: "Нет, я не видел пистолета и не знал, какой у него был калибр. Я слышал три выстрела и не знал, полиция это стреляла или телохранители. Я думал - со слов командующего по району - что пистолет, из которого стреляли в премьер-министра, был калибра 0.22".

Итак, чрезвычайно быстрый разворот на 180 градусов. Вначале Габай видел пистолет, потом он его не видел. Вначале он думал, что гильзы должны быть калибра 9 мм, затем он так не думал. Ясно, что если командующий приказал ему в тот момент искать гильзы калибра 0.22, то на это должны были быть веские причины. Защита попыталась, но так и не сумела, выудить у Габая, что это были за причины. Тогда раздраженный адвокат Амира попробовал следовать другой линии в своих вопросах, но необъяснимым образом не сумел довести дело до конца.

Защита: “Вы спросили командующего, не надо ли Вам также искать и пистолет калибра 0.22?”

Габай: “Я не спрашивал”.

Защита: “Вас предупреждали заранее о подозрениях, что на демонстрации могут произойти беспорядки?”

Габай: “Да, но беспорядки со стороны арабов, а не нападение на премьер-министра со стороны кого-то из толпы”.

Защита: “Вас не информировали о потенциальных подозреваемых в толпе?”

Габай: “Нет”.

Ничего себе полиция! Приятель Амира сказал ему на демонстрации, что Итамар Бен-Гвир - разрекламированный прессой враг Рабина - намеревался убить его в тот вечер. Тот же молодой ликудник сказал Амиру, что он уже сообщил в полицию об угрозах Бен-Гвира. Так почему же полиция не восприняла всерьез эту угрозу? Почему ни Габай, ни, предположительно, все остальные полицейские, не были предупреждены о том, что им следует высматривать в толпе потенциального убийцу, и что им надо задержать Бен-Гвира на месте?

Адвокат Амира попытался вытянуть ответ на этот вопрос из офицера полиции Йоава Газита, который дал следующие замечательные показания.

Защита: “12 ноября, на допросе подсудимого, который Вы вели, всплыло имя Итамара Бен-Гвира”.

Газит: “Мы знаем, кто это такой. Он никак не связан с произошедшим. Игаль связал его с произошедшим, но позднее отказался от своего мнения. Он излагал ШАБАКу всякие теории... Он говорил, что Авишай Равив передал холостые патроны Итамару Бен-Гвиру, и что это было сделано в координации с ШАБАКом...”.

Защита: “Мы располагаем отчетом, согласно которому ШАБАК нес ответственность за [полицейское] расследование. Вы знаете почему?”

Газит: “Не имею никакого представления, но ШАБАК действительно играл

ведущую роль в определенные моменты расследования”.

Защита: “Почему ответственность за расследование была возложена на ШАБАК?”

Газит: “Я не тот, кто может вам об этом сказать...”.

Защита: “Как Вы относились к роли ШАБАКа в расследовании?”

Газит: “Я был не восторге от нее”.

В действительности Амир почти никогда не теоретизирует в своих показаниях. Утверждение Амира, что Авишай Равив передал холостые патроны Бен-Гвиру с ведома ШАБАКа, служит крайне редким намеком на то, какие секреты он может хранить. Это первый и единственный раз, когда Амир указывает на связь между Равивом, ШАБАКом, потенциальным убийцей и холостыми патронами.

Суд не допустил расследования таких “второстепенных” вопросов, как приказ полицейского командующего по району искать гильзы калибра 0.22, поскольку Бернард Шехтер засвидетельствовал, что пули, изъятые из тела Рабина патологоанатомом д-ром Гиссом, соответствовали пистолету Амира. Проблема с этим утверждением состоит в том, что д-р Гисс не имел ни малейшего представления о том, что случилось с пулями, после того, как он поместил их в сейф. В суде он признал: “Какой-то полицейский забрал пули, которые я достал из тела Рабина, и на следующий день передал их в полицейскую лабораторию. Я не знаю его имени и я не помню, как он выглядел, но пули были туда переданы”.

Йорам Рубин, телохранитель Рабина, засвидетельствовал однако, что “пули и одежду [Рабина] забрал Юваль Шварц, мой товарищ по работе”. Другими словами, согласно Рубину, пули забрал сотрудник ШАБАКа. Так кто же это был на самом деле - неизвестный полицейский, как говорит д-р Гисс, или сотрудник ШАБАКа, как говорит Рубин?

В действительности, нет никаких записей, четко объясняющих, каким образом пули попали из сейфа в полицейскую лабораторию. Тем самым это вещественное доказательство преступления нельзя рассматривать как

надежное - невозможно доказать, что пули, исследовавшиеся в лаборатории, это те же пули, которые Гисс изъясил из тела Рабина. Есть и еще одна неразрешимая проблема: д-р Клюгер также заявил в своих показаниях, что он достал пули из тела Рабина. Но оба доктора не могут быть правы одновременно!

Какими бы противоречивыми ни были показания, касающиеся местонахождения и доставки пуль, посмотрим, какова была судьба самого пистолета. Вот показания инспектора полиции Ямина Ицхака, начальника подразделения полиции по борьбе с террором, находившегося на месте демонстрации.

Ицхак: "Я спускался по лестнице за сценой. Я был в двух или трех ступеньках от земли, когда я услышал три выстрела подряд. Я быстро сбежал вниз. Я увидел парня в голубой рубашке, держащего черный пистолет, и прыгнул на него. Между моментом выстрелов и тем, как я обезвредил его, прошло несколько секунд. Я ударил его по руке, потянул его за волосы и прижал его к земле. Затем остальные присоединились ко мне. Пистолет был все еще в его руке".

Суд: "Начиная с момента физического контакта, не было других выстрелов?"

Ицхак: "После того - нет. Курок пистолета был взведен, и обойма была внутри. Я схватил правую руку подсудимого, зная, что курок взведен. Я выкрутил ему руку и быстро выхватил пистолет у него. Подошел кто-то из Службы [ШАБАКа] и попросил у меня пистолет [Амира]. Я отказался отдать его и началась перепалка о том, кому должен достаться пистолет. Я ухватился за пистолет, блокируя курок большим пальцем. Сотрудник ШАБАКа настаивал, чтобы я отдал ему пистолет, но я сказал "нет", потому что пистолет не был разряжен. Я был окружен людьми и кричал, чтобы они надели на него [Амира] наручники... После того, как его [Амира] забрали, этот парень из ШАБАКа продолжил приставать ко мне. Я пошел искать командующего и попросил его избавить меня от этого парня. Он [парень] был сотрудник ШАБАКа, но я не знаю его имени. Все это время он пытался заполучить пистолет. После того, как подсудимого прижали к стене, я показал пистолет командующему по району. Я отошел в сторону проверить пистолет. Я вынул патрон из патронника, и он упал на землю, где я уже не мог его видеть. Я попросил полиэтиленовый пакетик, положил в него пистолет, с обоймой внутри него, и засунул это себе в карман штанов спереди. После того, как был проведен обыск территории, я отдал пистолет следователю, младшему инспектору Нафтали".

Защита: “Как далеко Вы были от подсудимого, когда Вы слышали выстрелы?”

Ицхак: “Как отсюда до стола адвокатов (три метра)”.

Защита: “И подсудимый все еще стоял, когда Вы оказались рядом с ним”.

Ицхак: “Он все еще стоял. Рядом с ним стоял кто-то в серой рубашке или куртке”.

В этом месте чаша терпения Игалья Амира переполнилась, и он энергично включился в допрос Ицхака. Он вытянул вперед свою правую руку - как будто держа в ней пистолет - и попросил Ицхака продемонстрировать, как тот выхватил у него пистолет. Ицхак продемонстрировал все не так, как он говорил в своих показаниях. Вместо того, чтобы тащить Амира за волосы, он ударил Амира по затылку правой рукой и выхватил пистолет левой. Неуклюжесть своих действий он мотивировал тем, что в равной степени владеет обеими руками. Амир взорвался от гнева.

Амир: “Вы сказали, что выхватили у меня пистолет. Я утверждаю, что пистолет упал на землю, и я слышал, как он ударился о землю”.

Ицхак: “Я уверен, что я его выхватил”.

Амир (суду): “Премьер-министра сопровождало двое телохранителей. И Вы говорите, что они не пытались обезвредить меня все то время, что Вы бежали от лестницы. Это звучит дико”.

Ицхак: “Я думаю, расстояние между тем местом, где были телохранители, и тем, где был я... я двигался вниз по лестнице и расстояние уменьшалось... я только помню, что там были другие люди... я выхватил у Вас пистолет, точно. Я ударил Вас, точно. Я знаю, что я делал. Может быть там были и другие люди со мной. Они подбежали, это было делом нескольких секунд... нет, даже меньше. Если кто-то еще и был там, он не позаботился выхватить пистолет. Я сделал это. Я не видел премьер-министра, но я был близко от него. Действительно близко”.

Амир, студент-третьекурсник юридического факультета, сумел полностью смутить Ицхака.

Амир: "Может быть Вы подобрали его с земли, и Вам показалось, что Вы выхватили его у меня?"

Ицхак: "Нет".

Амир: "Люди прыгнули на меня, потом было еще два выстрела. Куча людей прыгнула на меня одновременно. Я выронил пистолет, чтобы они не пристрелили меня. Я слышал звук его удара о землю".

Ицхак: "Нет. Я могу вам определенно сказать, что вначале я услышал три выстрела и через несколько секунд, после трех выстрелов, я оказался возле Вас, бросил Вас на землю и выхватил Ваш пистолет".

Защита: "Вы говорите, что сделали, то что сделали, но, может быть, он действительно вначале выпустил из рук свой пистолет".

Ицхак: "Я скажу это еще раз: с момента, как я этого парня увидел, прошло лишь несколько секунд до того, как я выхватил у него пистолет".

Инспектор Ицхак настаивает, что он выхватил пистолет из руки Амира. Он вспоминает этот момент в мельчайших подробностях, включая в свои показания рассказ о том, как он заблокировал курок большим пальцем, разрядил пистолет и отдал его офицеру полиции Нафтали. И все это время один из сотрудников ШАБАКа отчаянно пытался заставить Ицхака отдать пистолет ему. Показания Ицхака вызывают определенные подозрения в отношении отчетов сотрудников ШАБАКа о произошедшем. Ицхак настаивает, что он бежал с места, находившегося в трех метрах от Амира - дело нескольких секунд - а Амир все еще стоял на ногах. Это прямо противоречит всем предыдущим свидетельствам - в частности, показаниям самого Амира. Ицхак сказал, что Амир выстрелил три раза без какого-либо вмешательства со стороны телохранителей Рабина. И он настаивает, что пистолет, выхваченный им у Амира, и был тем пистолетом, из которого стреляли. Почему же ШАБАК так отчаянно хотел, чтобы пистолет не оказался в руках полиции? Если считать, что Ицхак говорил правду, то ответ будет такой: полицейский следователь обнаружил бы, что Амир сделал только один выстрел, и что пули в теле Рабина не соответствуют пистолету Амира.

Сравним показания Ицхака с показаниями других свидетелей.

* В ночь убийства Ади Азулай сообщил в своих показаниях полиции, что он

видел, как пистолет упал, и что он нашел его на земле, и что в патроннике был патрон, и что какой-то полицейский забрал пистолет у него.

* Полицейский Ави Коэн сообщил в ту же ночь, что он видел, как пистолет упал, когда на Амира набросились.

* Безымянный полицейский из отделения полиции "Яркон" сообщил в ту же ночь, что он видел, как пистолет упал.

* Полицейский Исраэль Габай из того же отделения полиции сообщил в ходе суда над Амиром, что он видел, как Ямин Ицхак выхватил пистолет из рук Амира.

* Младший инспектор полиции Нафтали засвидетельствовал на суде, что другие полицейские сказали ему, что они выхватили пистолет у Амира. На том же заседании суда он добавил, что на месте преступления были найдены очки и ручные часы, и что их владельцы так и не были обнаружены.

* Сотрудник ШАБАКа Ш** дал показания о том, что сотрудник Б** - Бени Лахав, высокопоставленный офицер ШАБАКа - потребовал пистолет у Ямина Ицхака.

* Сотрудник ШАБАКа А** засвидетельствовал, что видел спор между Б** (Лахавом) и полицейским, державшим пистолет. Лахав хотел получить пистолет, но полицейский не хотел ему его давать. Лахав осмотрел пистолет, проверил патроны и вернул пистолет полицейскому.

* Полицейский Ави Яхав сказал в своих показаниях, что он видел, как полицейский держал пистолет, говоря, что это пистолет Амира.

* Полицейский Моше Эфрон засвидетельствовал, что пистолет был на земле, и полиция подобрала его.

* Полицейский Авраам Коэн изначально заявил в своих показаниях, что пистолет был вынут силой из руки Амира. Затем он взял свои слова назад, заявив, что Амир выронил пистолет. По его словам, в конце концов пистолет попал к инспектору Нафтали.

Итак, результат: два сотрудника ШАБАКа поддержали версию Ямина Ицхака о перепалке между ним и высокопоставленным сотрудником ШАБАКа; согласно показаниям двух полицейских, Ицхак или какой-то другой полицейский силой

выхватили пистолет из рук Амира; один из агентов ШАБАКа утверждает, что сам нашел пистолет на земле; четверо полицейских засвидетельствовали, что пистолет упал на землю. Кому из них верить? Возможно, им всем, если там было два пистолета.

Те несколько исследователей, которые подробно изучили свидетельства очевидцев, расходятся во мнениях о том, где были сделаны смертельные выстрелы. Те, кто верят, что Рабина убили в его машине или в госпитале, указывают на следующие обстоятельства:

- * дверь машины, закрывшаяся еще до того, как кто-либо предположительно оказался внутри;
- * необъяснимо долгая поездка до госпиталя;
- * экспертиза, проведенная в полицейской лаборатории и утверждающая, что было сделано два выстрела в спину, в упор или почти в упор;
- * сообщение Евгения Фурмана агентству "Рейтер" о том, что он видел Рабина с раной в груди в приемном покое госпиталя "Ихилон";
- * отчеты докторов о ране в грудь.

Другие исследователи подчеркивают, что упомянутые выше многочисленные противоречивые показания полиции и ШАБАКа, дают основания считать, что с большой вероятностью убийство было осуществлено прямо на той же автомобильной стоянке возле места демонстрации при помощи второго пистолета. В будущем может оказаться, что истина состоит в соединении обоих сценариев.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
=[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 19. РАНЕНИЕ В ГРУДЬ

Согласно отчету Комиссии Шамгара, Игаль Амир сделал два выстрела Рабину в спину. Согласно показаниям свидетелей и пленке Кемплера, Амир стрелял в Рабина только сзади. С другой стороны, Натан Гефен показал мне раздобытую им последнюю страницу хирургического протокола, написанного на бланке госпиталя "Ихилон" и подписанного д-ром Мордехаем Гутманом в 23:30 в вечер убийства. В протоколе д-р Гутман писал о ранениях Рабина: "Пулевое ранение диаметром 2.5-3 см в верхней части легкого. Выходная рана в направлении [позвонок] D5-6 с раздроблением позвонков". Обнаружение этой страницы было замечательным открытием - до этого мне не удавалось найти никаких источников, где бы упоминалось, что у Рабина был раздроблен позвоночник.

Получив копию документа, я позвонил своему другу - уважаемому врачу - чтобы он помог мне лучше понять, о чем говорится в документе. В работе над документом принимала участие также жена врача - фельдшер по профессии, также работающая в полиции. (По юридическим причинам я не привожу ни имени врача, ни имени его жены - она не имеет права давать свое имя для прессы без специального разрешения). Врач сказал мне: "То, что описывается [в протоколе], это ранение в грудь, при котором пуля вошла в легкое, а затем вышла из него, раздробив позвонки D5-6 в верхней части спины".

Могло ли такое ранение быть результатом выстрела в спину? "Вряд ли. Для этого пуля должна была бы войти через спину, пробить верхнюю часть легкого, затем вернуться назад и, пробив еще раз легкое, врезаться в позвоночник. Известно, что пули иногда двигаются внутри тела по самым неожиданным траекториям, но в данном случае это кажется неправдоподобным - по крайней мере, на первый взгляд".

Признаюсь, хирургический протокол полностью поставил меня в тупик, поскольку он противоречил экспертным показаниям старшего лейтенанта Баруха Гладштейна из полицейской криминалистической лаборатории, которые тот дал в ходе суда над Игалем Амиром. Проведя исследование пиджака и рубашки Рабина, он определил, что премьер-министр был застрелен двумя выстрелами в спину с нулевого или почти нулевого расстояния. Гладштейн не мог не заметить пулевого отверстия спереди, если бы таковое было, и он вряд ли стал бы скрывать это, после всего того, что он уже сообщил суду.

Я направил Гефена к двум журналистам, Боазу Гаону из "Маарива" и Джею Бушинскому из Эн-Би-Си. Журналисты показали документ должностным лицам из "Ихилова". Те подтвердили достоверность документа, но, по словам Бушинского, добавили при этом следующее разъяснение: "Это последняя страница 6-страничного медицинского процедурного отчета, предназначавшегося для показа лишь ближайшим родственникам Рабина. Без понимания первых пяти страниц последняя оказывается вырванной из контекста и теряет смысл".

Рукописный протокол Гутмана никогда не показывался никому, кроме Леи Рабин. Через два дня после убийства вместо этого отчета для широкой публики был выпущен отпечатанный отчет, подписанный д-рами Гутманом, Хауснером и Ключером.

14 мая 1996 года режиссер Мерав Кторза и ее партнер, оператор Алон Эйлат, сумели раздобыть полный вариант рукописного отчета. После этого мы собрались дома у Алона и Мерав в Бен-Шемене вместе с моим знакомым врачом и его женой, чтобы профессионально изучить следующие документы: операционный протокол д-ра Гутмана; отпечатанный хирургический отчет, выпущенный для широкой публики; заключение патологоанатома; судебные показания хирурга, д-ра Ключера, и патологоанатома, д-ра Гисса. И у моего знакомого врача, и у его жены имелся большой опыт в отношении пулевых ранений, с которыми они непосредственно сталкивались по роду своих занятий.

В самой же первой строчке протокола д-ра Гутмана говорится, что Рабин был доставлен в операционную "без пульса или сердцебиения и с приапизмом". Мой знакомый врач немедленно объяснил: "Приапизм означает, что у него

была серьезно повреждена нервная система". На следующий день он прислал мне по факсу страничку из медицинского пособия, где говорилось: "Приапизм (затяжное состояние эрекции полового органа у мужчин) служит характерным признаком повреждения спинного мозга". Как заметил врач: "Для меня, это служит доказательством подлинности отчета. Если бы доктор не был честен в своих записях, он никогда бы не стал указывать в отчете на приапизм, учитывая, в каком чувствительном состоянии находилась в тот момент страна". Я должен добавить однако, что спустя два месяца д-р Давид Хаян, изучавший те же медицинские отчеты, сказал мне: "Забудьте про приапизм - у Рабина имелись определенные медицинские проблемы, могущие объяснить появление приапизма". Позднее, два других доктора сообщили мне, что у Рабина имелся имплантант, вживленный в половой орган, и что это может служить вполне удовлетворительным объяснением приапизма.

Далее в протоколе Гутмана описываются процедуры, с помощью которых Рабина удалось реанимировать. У него снова появились пульс и сердцебиение, и его срочно перевезли в операционную, где с него сняли прокладки, прикрывавшие раны. В протоколе описываются повреждения, вызванные пулей, пробившей верхнее правое легкое и раздробившей позвонки D5-6. Также говорится и об огнестрельном ранении в левый бок - пуля прошла через селезенку и застряла в нижней части левого легкого. Эта вторая рана вызвала небольшое кровотечение и не была смертельной. Всего в ходе операции Рабину было перелито 8 порций крови. Причиной смерти в конечном счете послужили рана в груди и повреждение спинного мозга.

Несмотря на предостережения, высказывавшиеся представителями "Ихилова", последняя страница протокола д-ра Гутмана не содержит ничего такого, чего нельзя было бы понять без остальных страниц. На этой странице описывается ранение, вызванное пулей, попавшей в грудь, прошедшей через тело и раздробившей позвоночник.

Хирург Гутман подписал свой операционный протокол в 23:30 вечера 4 ноября 1995 года. Патологоанатом д-р Гисс приступил к работе над телом Рабина спустя примерно два часа после этого. Здесь-то и произошла исключительно примечательная подмена: из патологоанатомического заключения исчезли приапизм, ранение в грудь и раздробленный позвоночник. Патологоанатом заключил, что "спинной мозг не был никак поврежден". И он, и д-р Клюгер заявили то же самое в марте 1996 года в ходе суда над Игалем Амиром.

Совместный отчет д-ров Гутмана, Хауснера и Клюгера, опубликованный для

широкой общественности спустя два дня после убийства, утверждает то же самое, что и д-р Гисс: никакого приапизма, никаких ранений в грудь, никаких раздробленных позвонков. Позвонки номер 5 и 6 превратились в ребра номер 5 и 6. Согласно новой версии событий, пуля вошла Рабину в спину, прошла между ребрами 5 и 6 и застряла в верхней части правого легкого.

Что же произошло между 23:30 и 1:30? И как объяснить противоречие между двумя пулями, пробившими одежду Рабина сзади (согласно отчету старшего лейтенанта Гладштейна), и смертельной раной в грудь (описанной в протоколе д-ра Гутманом)?

В начале мая 1997 года ко мне пришли Зеэв Бар-Села, один из редакторов газеты "Вести", и журналистка этой газеты Эмма Сотникова. В ходе беседы я дал Зеэву номер телефона Натана Гефена и рассказал об обнаруженном им документе. В этой связи Зеэв рассказал следующую историю.

"На утро после убийства мне позвонила русскоязычная медсестра из операционной в "Ихилове" и сказала: "Тут что-то не так. Пресса не сообщает о настоящих ранах Рабина. У него был раздроблен позвоночник, а они говорят, что не был". Спустя полтора часа она перезвонила мне в ужасе и сказала: "Я Вам не звонила, Вы от меня ничего не слышали", - и бросила трубку".

Можно только представить себе, какими жестокими угрозами пользовались заговорщики. На это намекает сообщение, опубликованное в мае 1996 года в журнале "Зман Тель-Авив". В нем говорится, что все 17 сотрудников "Ихилова", участвовавших в оказании медицинской помощи раненому Рабину, получили по почте анонимки с угрозами убийства.

11 мая 1997 года мне в руки попал примечательный документ - свидетельство, поданное в Верховный суд Израиля 3 июля 1996 года. Свидетельство было дано неким таксистом, который почувствовал, что как честный гражданин он обязан сообщить суду важнейшие сведения, касающиеся убийства Рабина. Добавлю от себя, что таксист явно не искал для себя славы: его имя так и осталось неизвестным широкой публике. Более того, добавлю, что заключение Верховного суда по поводу приведенных ниже показаний так и не было никогда опубликовано. Текст свидетельства приводится ниже:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся, Т** (имя не приводится, поскольку свидетель боится ответной расправы), получив предупреждение, что я обязан говорить правду, и что я буду подвергнут наказанию согласно закону, если не сделаю этого, свидетельствую настоящим следующее.

1.

Настоящее свидетельство дано в качестве материала просьбы о предъявлении новых улик по делу 3126/96 Игаль Амир против Государства Израиль, заседание 7.7.96 в Верховном суде в Иерусалиме.

2.

27.3.96 был вынесен приговор по делу Игаля Амира в областном суде (Тель-Авив).

3.

Я - таксист, и в тот день, когда был вынесен приговор Игалю Амиру, я вез пассажира, о котором я на этом этапе ничего не знал. Это был смуглый мужчина, лет 50, в очках с серебристой оправой.

4.

Я вез пассажира от площади с часами в Яффо в больницу Ихиллов в Тель-Авиве.

5.

Во время поездки радио было включено, и мы слышали приговор Игалю Амиру, и его реакцию, что суд был сфабрикован.

6.

Пассажир завел со мной разговор и сказал, что Игаль Амир прав. Я спросил его: "Почему? Ведь все мы видели видеокассету, на которой Игаль Амир стреляет в покойного премьер-министра". Он ответил, что расстояния, с которых были выпущены пули, показывают, что Игаль Амир не мог убить премьер-министра, даже если бы хотел этого.

7.

Когда я спросил пассажира, что он имеет в виду, он сказал, что расстояние было около 20 см. у первой пули, а у второй еще меньше, что третья пуля была другого калибра, и выстрел был произведен в упор.

8.

Я сказал пассажиру, что этого не может быть, это нигде не опубликовано, и я ему не верю.

9.

Тут пассажир достал удостоверение, в котором было написано, что он патологоанатом. Там была фотография, и насколько я помню его фамилия была "Перец", имени я не запомнил.

10.

Я был очень удивлен, что все это говорит патологоанатом, и тогда он сказал, что он лично осматривал тело Рабина в ночь убийства.

11.

Я сказал пассажиру, что врач-патологоанатом, который обследовал покойного, знал, сколько пуль вошло в тело, и даже по телевизору совершенно ясно сказали, что в теле покойного Рабина были только две пули. Я спросил его, возможно ли, что в ходе обследования врач (который в ту же ночь дал интервью журналистам) вышел из комнаты, и тем временем кто-то выпустил в покойного третью пулю. Пассажир ничего не ответил мне, но улыбнулся.

12.

Я снова спросил его, уверен ли он, что были три пули в теле покойного, и нельзя ли допустить, что одна из двух пуль вошла в тело и вышла в другом месте. Пассажир ответил мне, что он все проверил и нашел три входных отверстия в теле покойного Рабина.

13.

Я был очень удивлен и выражал недоверие, и тогда пассажир сказал мне: "Что я - маленький мальчик? Только вчера начал работать?"

14.

Кроме того, пассажир сказал мне, что был еще один труп - телохранителя. И когда я не поверил ему, он сказал, что по одежде и по другим признакам он уверен, что это телохранитель, участвовавший в этих событиях, а не какой-нибудь другой, и что все это не публикуется.

15.

Пассажир сказал мне, что есть что-то еще, связанное с одеждой покойного премьера, но он добавил, что по этическим соображениям он не рассказывает, что было с одеждой.

16.

Настоящим я подтверждаю, что наверху - мое имя, а внизу - моя подпись, и что весь текст заявления верен и точен.

подпись

Настоящим я заверяю, что 28.6.96 предстал в контору адвоката (Шмуэль Фишман, ул. Арлозоров 196/3, Тель-Авив) г. Т***, предъявивший удостоверение личности (он также известен мне лично). Я предупредил его, что он обязан сообщать правду, и что он может быть наказан в соответствии с законом, если он не сделает этого, после чего он подтвердил истинность этого заявления и подписал его.

печать адвокатской конторы подпись адвоката

Описание внешности пассажира в целом подходит д-ру Гиссу. Написание фамилий "Гисс" и "Перец" на иврите также похоже. Гисс был единственным патологоанатомом, исследовавшим тело Рабина. Свидетель также довольно точно - для простого таксиста - описывает результаты экспертизы, проведенной полицейским Барухом Гладштейном. Труп телохранителя - это, возможно, труп Йоава Куриэля, который якобы покончил жизнь самоубийством.

2 мая 1997 года ко мне приехал Йехиэль Манн - энергичный молодой человек, сообщивший мне ранее по электронной почте, что он занимается сбором улик с самого момента убийства. Он оставил мне видеокассету с записью трансляций Первого канала, предусмотрительно записанных им в вечер убийства. Это была почти 4 часовая запись, и я отложил ее в сторону как справочный материал.

15 мая 1997 года я наконец-то посмотрел эту видеозапись. Около 23:30 в вечер убийства директор госпиталя "Ихилон", д-р Габи Барабаш, объявил о причине смерти Рабина: "Премьер-министр прибыл в госпиталь без пульса и сердцебиения, в состоянии клинической смерти. Нам удалось вернуть его к жизни и перелить ему 8 порций крови, но раны были слишком тяжелы и он скончался от них".

"Что это были за раны?" - спросил Барабаша тележурналист Хаим Явин.

"Было ранение в селезенку, и было проникающее ранение в грудь, шедшее оттуда к позвоночнику. Первая из ран не была сама по себе смертельной. Пуля, вызвавшая вторую рану, разорвала сосуды, ведущие к сердцу, и раздробила позвоночник... Премьер-министр скончался от спинномозгового шока".

В 0:30 той же ночью Министр здравоохранения Эфраим Сне выступил по телевидению и объявил о причинах смерти Рабина. Он предварил свое заявление словами: "Премьер-министр Рабин скончался сегодня вследствие подстрекательства..". После этого политического заявления Сне сказал: "В него [Рабина] попало три пули: одна в грудь, одна в живот и одна в позвоночник".

Слова Сне означали наличие второго ранения в позвоночник: помимо проникающего ранения в грудь, приведшего к раздроблению двух позвонков, Сне сообщил и о другом пулевом ранении в позвоночник.

В 23:30 директор госпиталя "Ихилув" объявил, что в Рабина попало две пули, а спустя час министр здравоохранения, безусловно осведомленный об истинном положении дел, заявил про третью пулю. Но оба они едины в том, что касалось двух существенных фактов: Рабин был ранен в грудь, и его позвоночник был раздроблен. Начиная со следующего дня, официальной версией стало то, что Амир дважды стрелял Рабину в спину, повредив ему бок, поясницу, селезенку и легкие. Но ни в отчете Комиссии Шамгара, ни в материалах суда над Амиром, нет ни слова о ранении в грудь или о раздробленном позвоночнике.

Один из самых странных эпизодов, произошедших в ночь убийства, состоял в том, что, пока Рабин лежал в операционной, его начальник его канцелярии Эйтан Хабер копался в карманах его одежды, извлекая оттуда все, что там находилось. Среди найденных им вещей был окровавленный листок с текстом песни, которую Рабин пел на демонстрации - Рабин положил этот листок в нагрудный карман. Согласно описаниям, посреди кровавого пятна на листке находилось почти абсолютно круглое черное пятно, напоминающее дырку.

В октябре 1996 года, в ходе моего выступления по телевидению, я заявил, что в листке имеется дырка от пули. К несчастью для меня оказалось, что листок был сложен вчетверо, а "дырка" находилась лишь в одной из четвертинок. Тележурналист поспешил воспользоваться моей ошибкой, заявив, что "дырка" на самом деле является пятном.

Тем не менее стоит отметить, что в "Джерузалем Пост" от 5 ноября 1995 года (в номере, вышедшем на утро после убийства) были напечатаны слова Шимона Переса: "Последняя песня, которую он [Рабин] пел на митинге, была "Песня Мира". Он положил листок с текстом песни себе в карман, и пуля прошла через эту песню".

Я много размышлял о сложившихся противоречиях. В экспертизе старшего лейтенанта Гладштейна говорилось о двух пулях. С другой стороны, о выстреле в грудь непосредственно свидетельствовали следующие источники: показания министра здравоохранения Сне, директора госпиталя "Ихилон" Барабаша и пациента Евгения Фурмана; свидетельство, поданное таксистом в Верховный суд; отчет д-ра Гутмана; слова медсестры, позвонившей Зееву Бар-Селе. Эти показания были слишком многочисленны. Ранения в грудь не могло не быть.

Но как это могло произойти? Чтобы ранить Рабина в грудь, Амир должен был стрелять в него спереди, и если бы он повредил Рабину спинной мозг, то Рабин рухнул бы на месте, в то время как на пленке Кемплера мы видим, что Рабин продолжает идти после первого выстрела...

И тут меня осенило - я позвонил Алону Эйлату и сказал: "Эврика! Я знаю, как это произошло". Он примчался ко мне и впервые просмотрел видеозапись выступлений Сне и Барабаша. Его реакция была такой: "Из всех свидетельств, какие можно достать, это свидетельства самого высокого уровня. Ранения в грудь не могло не быть".

"Ну", - спросил я, - "Что же тогда делать с показаниями Гладштейна о двух пулях, пробивших пиджак Рабина сзади?" Алон напряженно подумал над этим вопросом, но в конце концов сдался.

"Единственный возможный вариант", - сказал я, - "состоит в том, что на Рабине уже не было одежды, когда ему стреляли в грудь. Это должно было произойти в госпитале".

Точные обстоятельства смерти Рабина могут так и остаться неизвестными до тех пор, пока кто-нибудь из очевидцев не найдет в себе смелость рассказать о них. Тем не менее, несколько человек, видевших Рабина в операционной или связанных с госпиталем - д-ра Сне, Гутман и Барабаш, а также неизвестная русскоязычная медсестра - в той или иной форме заявили, что Рабин был ранен в грудь. Такие свидетельства не могут быть отброшены никаким судом.

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

mail.ru	149
3798873	65

HotLog	
1090373	+77

jewish.ru
1 КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 20. ОЧЕВИДЕЦ ПОКУШЕНИЯ

Пятница, 26 сентября 1997 года, стала праздником для ищущих правду об убийстве: в еженедельном приложении к газете "Едиот Ахронот" было опубликовано 4-страничное разоблачение того, как власти покрывали деятельность Авиша Равива перед убийством Рабина. Автор статьи, Гади Блум, писал, что Генеральный прокурор Эдна Арбель сознательно скрывает от общественности результаты двух расследований, касающихся роли Равива в убийстве Рабина. Эти расследования были предприняты Эрином Шендаром и Михаэлем Эйтаном. [Михаэль Эйтан - член Кнессета от Ликуда, Министр науки, а впоследствии заместитель Министра обороны в правительстве Нетаниягу - Прим. перев.] Далее в статье утверждалось, что уже после убийства Рабина Амира использовали в манипуляциях с целью замять "дело Равива": Амир потребовал, чтобы его мать забрала из Верховного суда свою петицию с просьбой расследовать деятельность Равива.

Статья была выдержана в очень уважительном тоне по отношению ко мне - я был назван там "автором теории о заговоре вокруг убийства Рабина, которая получила широкий отклик". Несмотря на то, что одна из приведенных в статье цитат была неточной, статья стала важным шагом на пути к окончательному выяснению того, что в действительности произошло с Рабиным в ночь убийства. [Я сказал г-ну Блему, что меня пригласили в канцелярию одного из министров, где его советник сообщил мне, что в ходе предыдущей избирательной кампании руководство Ликуда тайно использовало данные об убийстве Рабина против партии Авода. Блум же написал, что я получил эту информацию от самого министра.]

Одним из людей, прочитавших статью с большим интересом, был Морди Исраэль - тот самый человек с пленки Кемплера, которого Амир обогнул, чтобы выстрелить в Рабина. Он стоял прямо перед Амиром и находился ближе всего к Рабину в момент первого выстрела. Однако до опубликования статьи в "Едиот Ахронот" роль Морди в нашей истории была незначительной. Теперь все должно было стать по-другому. Прочитав статью Блюма, он на следующий же день нашел меня и на утро после этого мы с ним встретились.

Я уже знал, как он выглядит, после того как видел его сотни раз на пленке Кемплера. Я также слышал довольно зловещие слухи о его предполагаемой роли в убийстве. Слухи возникли в результате опубликования кадров из видеофильма Кемплера в "Едиот Ахронот". Напомню, что один из этих кадров смонтирован так, что в нем на место Амира подставлен другой человек. Подтасовка была сделана столь неряшливо, что на фотографии "Амир" стреляет левой рукой, в то время как все свидетели видели, что он стрелял правой. На смонтированной фотографии рука "Амира" опирается на плечо Морди Исраэля - отсюда и передававшиеся шепотом слухи о том, что Исраэль был сообщником Амира. Я никогда не воспринимал эти разговоры всерьез, но тем не менее отметил для себя, что Морди Исраэль становится неотъемлемой частью легенды, создающейся вокруг убийства Рабина.

Морди около 25 лет, он живет в в Кирьят-Гате со своими родителями, в квартире на четвертом этаже. Его мать отнеслась с симпатией к тому, что Морди решил поговорить со мной, отец - полицейский следователь - возражал против этого. "Тебя опять допрашивают", - сказал он. Морди ответил: "Я просто пытаюсь понять, что же произошло. Мне уже пора узнать это".

Вечером 4 ноября 1995 года Морди выполнял задание, полученное им от Тель-Авивского колледжа, в котором он учился журналистике. От него требовалось записать на пленку как можно больше политиков, чтобы потом сделать из этого имитацию радиорепортажа. "Я все записал на пленку", - вспоминал он. - "Магнитофон крутился прямо во время убийства. Я находился непосредственно позади Рабина и держал в руке микрофон, обращаясь к нему с просьбой сказать что-нибудь. В такси, по дороге домой, я подумал про себя, что записал историческое событие. Но когда я пришел домой, оказалось, что на пленке ничего нет - один сплошной шум. Я пользовался этим диктофоном сотни раз, и он всегда записывал. Я не могу понять, почему он вообще ничего не записал. Если бы микрофон не был подключен, я бы заметил это".

Перед тем, как углубиться в воспоминания Морди о вечере покушения, напомним выводы Комиссии Шамгара: Амир выстрелил Рабину в спину с расстояния не более 50 см; сразу после этого телохранитель Йорам Рубин упал на Рабина и прикрыл его; в то время, как Рабин и Рубин лежали распластавшись на земле, Амир, которого держали двое других телохранителей, исхитрился выстрелить в них прямо сверху, с расстояния не более 20 см.

А вот как вспоминает это Морди Израэль, очевидец, находившийся ближе всех к месту покушения:

“Подойдя к зоне за сценой, я спросил полицейского, можно ли мне пройти через барьер. Он пустил меня, не проверив ни документов, ни магнитофона. В тот момент я подумал, что это исключительная халатность с его стороны, а позднее я решил, что именно из-за подобной халатности и произошло убийство. Теперь я уже не так уверен, что меня туда впустили совсем уж случайно. Я говорю это потому, что я был там единственным журналистом. Там должна была быть куча репортеров, задающих Рабину вопросы, но кроме меня никого не было. Лишь недавно мне пришло в голову, что возможно произошла путаница, и что меня впустили потому, что по описанию я походил на Амира: невысокий сефард, лет двадцати с небольшим, в рубашке с короткими рукавами.

Как только я оказался внутри, я начал брать интервью у политиков, слонявшихся за сценой. Потом я увидел Переса, спускавшегося по ступенькам, и решил записать его на пленку. Но он вел себя очень странно. Вместо того, чтобы нормальным шагом идти к своей машине, он бросился прямо в толпу. Я должен был бежать, чтобы поспеть за ним. Я подумал, что что-то здесь не так. Почему он так торопится и почему он подвергает себя опасности? Он не принимал никаких мер предосторожности, вступая в контакт с людьми, но и не был дружелюбен с ними. Я исхитрился спросить его, что он думает о том, как прошла демонстрация. Он бросил мне: “Очень успешно”, и после этого умчался прочь”.

В этом месте мы посмотрели соответствующий кусок из пленки Кемплера. Израэль указал на то место в видеофильме, где он разговаривает с Пересом, и я показал ему, что после этого Перес несется к машине Рабина и останавливается прямо напротив нее. В том месте, где Перес рассматривает

машину вместе с четырьмя сотрудниками ШАБАКа, в видеозаписи происходит разрыв, а затем мы видим, как Перес разговаривает с шофером Рабина, Менахемом Дамти. На Морди это произвело сильное впечатление. "Почему же Перес так торопился взглянуть на машину Рабина?" - спросил он.

Записав формальную реплику Переса, Морди увидел Рабина, спускающегося по ступенькам. Он решил записать на пленку и его - для полного успеха в выполнении своего задания. Он приблизился к премьер-министру сзади и стал упрашивать его, чтобы тот сказал несколько слов в микрофон.

"Даже тогда я обратил внимание на то, как легко приблизиться к Рабину. Я увидел, как телохранитель, прикрывавший его сзади, остановился на месте, чтобы перекинуться несколькими словами с полицейским. Рабин был абсолютно неприкрыт, и я просто шагнул к нему. Он игнорировал мои вопросы и шел быстрым шагом. Наконец мне удалось привлечь его внимание, и он повернулся, чтобы ответить мне. Тут я услышал выстрел. Он повернулся ко мне одновременно с выстрелом. Но я не думаю, что кто-либо из нас двоих подумал, что есть какая-то опасность, поскольку звук был не как у пистолетного выстрела, а скорее как у хлопушки".

Морди Израэль ответил на один из самых трудных вопросов в загадке об убийстве: почему Рабин - и только он - отреагировал на выстрел, повернув к нему голову? До нашей встречи я полагал, что Рабин был единственный, кто почувствовал взрывную волну от холостого выстрела, и поэтому первым среагировал на выстрел. Однако это объяснение было не слишком удовлетворительным. Объяснение, согласно которому Рабин по случайному совпадению повернул голову, чтобы ответить Израэлю, представляется более резонным.

Морди прервал наш разговор, сказав: "Что-то в этом видеофильме меня беспокоит". Он отмотал пленку назад и прокрутил эпизод заново. "Это не было так быстро", - сказал он. - "В фильме Рабин поворачивает голову в течение доли секунды. В действительности, он повернулся ко мне с совершенно нормальной скоростью".

Этим Израэль подтвердил один из центральных тезисов Натана Гефена,

исследователя убийства Рабина. Гефен настаивал на том, что скорость, с которой Рабин в видеофильме Кемплера реагирует на первый выстрел, служит доказательством того, что пленка фальсифицирована. После выстрела Рабин повернул голову кругом за 0.2 секунды. У типичного человека, который моложе Рабина на 30 лет, подобная реакция занимает 0.75 секунды. Как говорит Гефен: "Рабин отреагировал на выстрел в три раза быстрее, чем это сделал бы обычный молодой человек. А Рабин не был Джеймсом Бондом. Он много пил и был в плохой физической форме. Не может быть, чтобы он среагировал на звук быстрее всех своих телохранителей".

Рассказ Морди Исраэля приблизился к своему апогею.

"Сразу после выстрела я услышал, как кто-то крикнул из толпы: "Они холостые. Они холостые". В этот момент я встретился глазами с Рабиным, его лицо исказило выражение ужаса. Он поднял свои руки на уровень глаз, пристально поглядел в течение доли секунды через мое плечо, затем сжался в плечах и сделал попытку убежать. Он был в согнувшемся положении, когда я обернулся и увидел Амира, который стоял один, с пистолетом в вытянутой руке. Затем Амир выстрелил два раза подряд. Я видел вспышки от обоих выстрелов. Но ни один из них не звучал так, как звучат настоящие пистолетные выстрелы - скорее, опять же, как праздничные хлопушки.

Затем я повернулся назад и увидел Рабина. Это было трагическое зрелище. Он стоял один - и с ним рядом не было ни одного телохранителя, пока Амир стрелял. Он видел Амира, но ему некуда было бежать. Только после двух [последних] выстрелов телохранители наконец-то прыгнули на него".

Морди Исраэль давал показания Комиссии Шамгара, но та полностью их игнорировала. Вы не найдете его имени в опубликованной части отчета Комиссии, хотя, возможно, оно упоминается в тех 30% отчета, которые спрятаны от общественности. Исраэль никогда не читал никаких частей отчета и, как и большинство израильтян, не представлял себе масштабы заговора. Поэтому я достал некоторые из имевшихся у меня документов и показал их ему, желая узнать его реакцию.

Вначале я дал ему посмотреть показания Йорама Рубина перед Комиссией Шамгара: "Я прыгнул на премьер-министра, услышал выстрел и почувствовал будто через мою руку прошел электрический удар. Затем я услышал еще один выстрел. Я подождал перерыва в стрельбе, и затем сказал: "Ицхак, слушай меня!

Меня и только меня, черт подери!"

Израэль спросил: "Он утверждает что вначале попали в него, когда он лежал на земле, а только потом в Рабина?"

"Да", - ответил я. - "Согласно официальной версии, первая пуля была выпущена в Рабина с расстояния не более 50 см, пока он стоял, следующая пуля попала в Рабина с расстояния не более 20 см, когда он лежал на земле, а затем, после аналогичного выстрела, пуля попала в Рабина".

"Вы имеете в виду, что Амир приблизился к ним перед последними двумя выстрелами?"

"Да".

"Это абсолютно исключено. Между первыми двумя выстрелами была длинная пауза - может быть, секунды три или четыре. Все это время Рабин двигался от Амира, пока тот стоял. Рабин был в добрых двух метрах от Амира, когда тот опять начал стрелять. И я повторяю то, о чем только что говорил: Рабин был в согнутом положении, а не лежащем, совсем один. Ни Рубин, ни кто-либо еще не прикрывал его, так что Амир никак не мог попасть в Рубина. Он [Рубин] ошибается во всем".

Я показал ему свидетельство, данное шофером Менахемом Дамти Комиссии Шамгара: "Я услышал выстрел, когда открывал дверь машины для Леи Рабин. Премьер-министр упал всего в полуметре от машины".

"Лея Рабин", - сказал Израэль, - "была отнюдь не рядом с машиной. И Рабин упал в добрых двух метрах от машины. Дамти ошибается настолько, что это выглядит так, будто он лжет".

Затем я показал ему документы, скрывавшиеся от общественности: результаты экспертизы, проведенной старшим лейтенантом Гладштейном, согласно которым Рабин был застрелен с нулевого расстояния; протокол д-ра Гутмана, утверждавший, что Рабин был ранен в спину и в позвоночник; отчет о баллистической экспертизе, проведенной Бернардом Шехтером - отчет, который утверждал, что из пистолета Амира был сделан только один выстрел. Я заверил Израэля, что все документы настоящие.

"Эти отчеты описывают другое убийство", - заметил он. - "Позвоночник Рабина

не мог быть раздроблен - Рабин продолжал идти по направлению от Амира. Амир ни в какой момент не стрелял с нулевого расстояния. Я наблюдал три вспышки от выстрелов и видел своими глазами, как Амир делал два из трех выстрелов. Он никогда не приближался к Рабину на расстояние, с которого можно выстрелить совсем в упор, а последние два выстрела делались с расстояния метра в два”.

К этому моменту Израэль уже был в замешательстве. Он находился в эпицентре покушения. Он видел все лучше, чем кто-либо еще. Его местонахождение позволяло ему увидеть покушение как со стороны убийцы, так и со стороны жертвы. И тем не менее, Комиссия Шамгара утверждает нечто, не имеющее ничего общего с тем, как эти события виделись ему. Возможно, больше всего его смутили полицейские и медицинские отчеты, описывавшие выстрелы спереди и с нулевого расстояния.

Хотя позднее в своем интервью журналу “Анашим” Израэль отрекся от слов о том, что выстрелы звучали, как праздничные хлопушки, он почти слово в слово повторил в интервью то, что он рассказал мне о других важнейших вещах. В разрез с выводами Комиссии Шамгара, он снова заявил о том, что Рубин не прыгнул на Рабина и что Амир не приближался к Рабину для второго и третьего выстрелов.

“Вы знаете”, - сказал он мне, - “было еще много вещей, о которых я Вам не рассказал. Очень-очень странные вещи. Я еще не готов говорить о них кому-либо”.

Мы снова просмотрели пленку Кемплера: вот Израэль, и вот пистолет Амира. Мы видим вспышку и затем видим, как Израэль вздрагивает и съеживается.

“Что бы произошло”, - спросил он, - “если бы вместо того, чтобы съежиться, я схватил бы руку Амира и сбил его на землю?”

“Думаю, Вы находились бы уже на верном пути к успешной политической карьере”, - ответил я.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 21. РАЗЛИЧНЫЕ ЗАГАДКИ

После 18 месяцев исследований доказательство наличия заговора вокруг убийства Рабина было почти у меня в руках. Оставалось только заполнить несколько пробелов - и будет готова цельная версия. Я послал своего помощника Йехиэля Манна в национальный газетный архив, "Бейт-Ариэла", чтобы найти материал для решения двух загадок, имеющих отношение к убийству.

Первое задание состояло в том, чтобы найти статью, которая, как мне неоднократно говорили, появилась в "Маариве" за два месяца до убийства. В статье приводились доказательства того, что Игаль Амир арестовывался 27 июня 1995 года по подозрению в планировании убийства Рабина и что 1 июля он был выпущен по приказу ШАБАКа. Доказательством служили три письма из переписки между ШАБАКом и полицией.

Второе задание было особенно важным. Я искал источники, в которых приводились бы слова главного хирурга госпиталя "Ихилон", д-ра Йегуды Скорника, о том, что, судя по следам от пороха, найденным в ранах Рабина, и по форме самих ран, можно сказать, что в Рабина стреляли с нулевого расстояния.

Поход в архив закончился ничем. Йехиэль нашел ссылки на возможные публикации, но когда он открыл газеты, чтобы найти нужные статьи, выяснилось, что эти статьи вырезаны из газет. Статья о врачах из "Ихилова" была порвана на две части, из которых прочесть можно было только одну, а часть, где приводилась информация о д-ре Скорнике, отсутствовала.

И хотя статьи удалось найти через неделю в другом месте, Йехиэль все же пошел еще раз в "Бейт-Ариэла". На этот раз его там встретила женщина, лет двадцати с небольшим, у которой была для него готовая папка с вырезками статей об убийстве. Она сказала, что занимается исследованием данного вопроса, но не объяснила, откуда ей известно, зачем он туда пришел.

Таинственная незнакомка предоставила ему некоторое количество полезной, но второстепенной информации, однако никаких твердых данных о Скорнике найти не удалось. Похоже, ссылки на него были удалены из справочного компьютера. На магнитных дисках архива "Бейт-Ариэла" более не существовало никакой информации о главном хирурге госпиталя "Ихилон". Ни единой цитаты - из доступа были изъяты даже цитаты, в которых он упоминался не в связи с убийством Рабина, а в связи с жертвами дорожных происшествий, поступавшими в госпиталь "Ихилон".

Тем не менее мой помощник сумел найти некоторое количество весьма интригующей информации. Он ушел из архива с фотокопиями статей, предоставленных доброжелательной дамой, и с некоторыми собственными превосходными находками.

Однако, эти статьи вызвали у меня не только радость, но и новые заботы. Я был уверен, что нахожусь на подступах к чему-то, напоминающему полный и безошибочный сценарий убийства, как возникли новые загадки, требовавшие правдоподобных объяснений... для которых, возможно, понадобится отдельная книга. Мне пришлось признать, что убийство было слишком сложным, чтобы его удалось раскрыть полностью, и что новая информация будет поступать снова и снова.

Вот какие вопросы возникли после обнаружения новых газетных статей.

Что знает д-р Йегуда Скорник, и почему он не говорит об этом?

Будучи главным хирургом госпиталя "Ихилон", д-р Скорник был не только посвящен во все медицинские записи о Рабине, но и был обязан прочесть каждое слово, написанное его хирургами о том, как они оказывали медицинскую помощь Рабину в последнюю ночь его жизни. И тем не менее, он не давал показаний ни перед Комиссией Шамгара, ни на суде над Игалем Амиром.

Мы несколько раз звонили в госпиталь "Ихилув", пытаюсь поговорить с д-ром Скорником, однако все звонки проходили через его секретаршу, которая ни разу не дала нам дозвониться до него. Ее единственным ответом было: "Д-р Скорник очень занят".

Отчего же такая скрытность?

Вот отчего: в ночь убийства сын д-ра Скорника, Охад, был арестован и обвинен в соучастии в убийстве Рабина. Таков был причудливейший - даже чересчур - ход событий: пока сотрудники д-ра Скорника трудились, пытаюсь спасти жизнь Рабина, сына д-ра Скорника разыскивали в связи с покушением на убийство того же Рабина. Полиция подозревала, что Охад, приятель Игаля Амира по Бар-Иланскому университету, заранее знал о покушении и утаил эту информацию. Через пять дней его выпустили из тюрьмы.

Я спрашиваю себя, какова вероятность того, что все это произошло случайно?

Почему врачи не могут привести свои показания в порядок?

До тех пор, пока мой помощник не принес пачку печатного материала, содержащую эти новые данные, я был уверен, исходя из выводов Комиссии Шамгара, что Комиссия ничего не знала о ранении в позвоночник. Но в глубине статьи о показаниях Дамти, данных им Комиссии Шамгара, были спрятаны показания профессора Габи Барабаша. Они гласили: "Первая пуля нанесла повреждение позвонкам и спинному мозгу Рабина".

Комиссия Шамгара располагала информацией о ранении в позвоночник. Так почему же они не задали следующие, наиболее очевидные вопросы: был ли спинной мозг серьезно поврежден, и если да, то почему на пленке Кемплера мы видим, что Рабин идет после выстрела?

И будто для того, чтобы избавить меня от поиска дальнейших доказательств ранения в грудь и в позвоночник, нашлась статья, появившаяся в "Маариве" на следующий день после убийства. Журналисты Йоси Леви, Яков Галанти и Шира Имерглик писали: "Согласно авторитетным источникам, первая пуля попала Рабину в грудь, а вторая - в позвоночник... Амир стрелял с расстояния в два или три метра". Несмотря на неразбериху с порядком выстрелов, эти источники подтвердили, что решающие ранения были в грудь и в позвоночник.

Может быть д-р Барабаш и давал в ходе суда над Амиром показания о ранении в позвоночник, но эти показания, во всяком случае, так и не появились в стенограмме суда. Двое других авторитетных докторов, располагавших соответствующей информацией, также не выступали на суде: ни д-р Мордехай Гутман, в чьем процедурном отчете говорится о ранении в грудь спереди, ни упоминавшийся выше д-р Йегуда Скорник.

Но был и еще один врач, исчезнувший с юридической арены - я никогда не слышал о нем до того, как появилась пачка вырезок из "Бейт-Ариела". 6 ноября 1995 года журналистка "Маарива" Исраэла Шакед взяла интервью у д-ра Нира Коэна - хирурга, который в 21:52 в вечер убийства находился на дежурстве в травматологическом центре при госпитале "Ихилон" и который первым оказал медицинскую помощь Рабину. "Только после двух минут реанимации я осознал, что человек, которому я оказываю помощь - премьер-министр", - сказал он.

"Я припоминаю, что услышал необычно звучащую сирену. Сразу после этого я увидел, как его переносят из машины скорой помощи в травматологический покой. Он был бледен, у него не было пульса, и он был в состоянии глубокого удушья. Уже после начала реанимации я сложил все кусочки загадки вместе, когда увидел его модный костюм и телохранителя, входящего с криком: "Это катастрофа. Это катастрофа". Затем по телефону и по пейджеру поступили сообщения о том, что Рабин находится на пути к нам. Сообщения прибыли, когда Рабин был уже в процессе реанимации".

Мы можем простить д-ру Коэну, что он ошибся на минуту, говоря о времени прибытия Рабина. Но Рабин прибыл не на машине скорой помощи. Исключительно маловероятно, что д-р Коэн принял черный лимузин за машину скорой помощи. Возможно, он не говорит правду. Рабин не был ранен в лицо - трудно поверить, что д-р Коэн не узнал его сразу. То, что он в итоге понял, кто перед ним, по модному пиджаку и кричащему телохранителю, выглядит неправдоподобным. А вот то, что госпиталь был проинформирован о скором прибытии Рабина уже после того, как д-р Коэн начал оказывать ему медицинскую помощь, кажется похожим на правду.

Каким образом Дамти ушел от ответственности при таком

количестве лжи?

Изначально не предполагалось, что Менахем Дамти будет водителем Рабина в тот вечер. В последнюю секунду Дамти заменил обычного рабинского шофера, Йехезкеля Шараби. Истинные причины подобной замены не трудно себе вообразить. Гораздо труднее понять то, что Дамти позволили так много лжесвидетельствовать.

Сравним с фактами постоянно меняющуюся версию событий, высказываемую Дамти.

Вскоре после убийства Дамти сказал тележурналисту Рафи Решефу: “Когда премьер-министр сходил с последней ступеньки, я увидел, как кто-то справа поднял руку и начал стрелять”.

Факт: В момент выстрелов Рабин не был на лестнице, он был практически рядом с машиной, в трех метрах от нее. Когда Рабин был на ступеньках, между телохранителями еще не было зазора, позволившего Амиру беспрепятственно выстрелить в Рабина. Тем не менее, как мы скоро увидим, “Маарив” также стал придерживаться этой версии на ранней стадии расследования.

Дамти: “Стрелявший крикнул: “Ничего страшного, это не настоящие пули, они холостые, это не по-настоящему”.

Факт: Здесь слишком много слов, чтобы выкрикнуть их всех в ходе стрельбы. Амир отрицает, что он что-либо кричал, а почти все свидетели слышали схожие крики от телохранителей.

Дамти: “По правде говоря, я и сам поверил, что это не по-настоящему. Тем не менее я поступил, как меня учили - я прыгнул за руль”.

Факт: Видеозапись Кемплера без всяких сомнений показывает, что Дамти не прыгнул немедленно в машину, а остался стоять снаружи и сыграл определенную роль в занесении Рабина в автомобиль.

Дамти: “Проехав метров 20 или 30 я спросил премьер-министра: “Вас ранило?” Он ответил: “Да”. Тогда я понял, что это по-настоящему и начал действовать. Я спросил его: “Где болит?” Он ответил: “Ай, ай, болит в спине, но не ужасно”. Тогда я прибавил скорость”.

Факт: Нас просят поверить в то, что Дамти принимал участие в неспешной

автопрогулке до тех пор, пока он не поговорил с Рабиным, что в конце концов убедило его прибавить скорость. Одна из многих причин для недоверия к этому рассказу состоит в том, что 8 ноября 1995 года Йорам Рубин рассказал почти то же самое газете "Нью-Йорк Таймс", только на этот раз именно ему Рабин сказал, что ранен несильно. Если они не задавали Рабину один и тот же вопрос по очереди, то один из них откровенно лжет.

Дамти (Решефу): "Неожиданно появилось уличное заграждение. Возле него стояли полицейские. Телохранитель [Рубин] крикнул: "Езжай, езжай", но я остановился ненадолго и попросил одного из полицейских, помочь мне найти дорогу до госпиталя".

Теперь посмотрим, что Дамти сказал Комиссии Шамгара.

Дамти: "Премьер-министр спустился по лестнице и подошел на полметра к своему бронированному лимузину. Я открыл дверь для госпожи Рабин и затем услышал выстрел".

Факт: Дамти изменил свой рассказ. Рабин уже не на последней ступеньке, а возле машины. Но Дамти не в состоянии справиться со всеми сложностями изложения новой версии. На этот раз он открывает дверцу для Леи Рабин, которая в действительности находилась на лестнице, в девяти метрах от машины.

Дамти: "Я в спешке отъехал. Я собирался поехать по улице Царя Саула (возможно, он имел в виду улицу Царя Давида, ведущую прямо от площади Царей Израиля к госпиталю "Ихилон" - прим. автора), но там было слишком много людей. Я хотел срезать через улицу Блох, но там было полицейское заграждение, и я подумал, что вся улица перегорожена. Я сказал телохранителю, что все улицы перегорожены, и он предложил мне взять какого-нибудь полицейского, чтобы тот показывал нам дорогу. По какой-то причине я в отличие от обычного не получил по дороге никаких радиосообщений. Я нажал на газ, и, несмотря на задержку, прибыл в госпиталь через полторы минуты".

Факт: С чего и начать? Упоминания о трогательной беседе Дамти с Рабиным больше нет. Вместо этого Дамти мчится на улицу Блох и видит полицейское заграждение. Его он, собственно, и должен был искать - заграждения были установлены, чтобы закрыть улицу для постороннего движения и позволить быстрый проезд по ней для должностных лиц. Вместо этого он стал

волноваться, что вся улица перегорожена. В предыдущей беседе с Рафи Решефом он особо не переживал из-за заграждений, и сказал, что, вопреки протестам Рубина, остановился подобрать полицейского, который должен был показать им дорогу до госпиталя. В версии, которую он изложил Комиссии Шамгара, все произошло наоборот: он не остановился у заграждения, а Рубин предложил взять полицейского. И несмотря на задержку, он прибыл в госпиталь через полторы минуты - за семь минут до того, как было зафиксировано его прибытие.

Почему же Комиссия Шамгара позволила ему уйти от наказания со всеми этими метаниями и противоречиями? И отчего Дамти в конце концов не заставили объяснить, почему потребовалось восемь с лишним минут, чтобы проехать 700 метров до госпиталя?

Выстрел спереди: был ли он действительно

или это дезинформация?

На утро после убийства "Маарив" опубликовал рисунок Эльдада Закобица, восстанавливающий картину покушения. С самого начала я не мог поверить рисунку - убийца стоял на тротуаре, через дорогу от машины Рабина, и стрелял Рабину в грудь с расстояния около трех метров. Рисунок сопровождался репортажем журналиста Йоава Лимора, бывшего свидетелем покушения:

"И тут это произошло. Ужасный момент, который я не забуду всю свою жизнь. Внезапно я услышал выстрел, затем другой, затем еще один. Я стоял в метре или, может быть, в двух позади от премьер-министра вместе с Ализой Горен... Они выхватили пистолет у молодого парня, стоявшего на противоположном тротуаре, на расстоянии пяти или шести метров от премьер-министра... Спустя минуту какой-то полицейский сказал, что пистолет был заряжен холостыми, и что с Рабиным ничего не случилось".

На следующий день в "Маариве" был напечатан рисунок Закобица размером с целую страницу. На этот раз убийца стоял рядом со стеной напротив лестницы и стрелял в Рабина с расстояния в добрых три метра, но сзади.

Первой моей мыслью было, что это дезинформация. Мой телефонный разговор

с художником подтвердил подозрения.

Хамиш: "Почему Вы изначально нарисовали убийцу, стреляющим спереди?"

Закобиц: "Я работал, исходя из той информации, которая у нас была, и она оказалась неправильной. На следующий день я нарисовал правильный рисунок".

Хамиш: "Однако Ваш рисунок очень аккуратно изображает то, о чем написал Йоав Лимор. Я могу понять, если ошибка произошла потому, что он ошибся. Но и рисунок, появившийся на следующий день, тоже неправильный. Убийца у вас стреляет метров с трех, стоя возле лестницы".

Закобиц: "Все считали, что именно так это и произошло. Факты еще не были ясны".

Хамиш: "В течение дня десятки людей сообщили, что Амир стрелял в Рабина с расстояния около метра. Ваша реконструкция событий - единственная, в которой он стреляет с расстояния в три метра".

Закобиц: "Я надеюсь, Вы не пишете, что это убийство - дело рук ШАБАКА".

Хамиш: "Именно на это указывают свидетельские показания".

Закобиц: "Чушь. В этой стране есть правые и левые, и левые не убивают. Только правые это делают. Рабин был убит религиозным фанатиком".

Хамиш: "У меня есть больничные отчеты...".

Закобиц: "Все больницы врут. Я лежал однажды в больнице и они понамарали там всякую чушь".

Хамиш: "И полицейские отчеты у меня есть...".

Закобиц: "И они врут. Рабина убили правые, а не кто-либо еще".

Моя беседа с Йоавом Лимором была более солидной.

Хамиш: "Вы написали, что стояли в метре или двух позади Рабина, когда в него

выстрелили”.

Лимор: “Да, есть фотография, которая это доказывает”.

Хамиш: “Тогда Вы должно быть находились прямо рядом с Игалем Амиром?”

Лимор: “Мне сказали, что он стоял прямо передо мной”.

Хамиш: “Так как же Вы могли подумать, что выстрелы были сделаны в шести метрах спереди от Рабина?”

Лимор: “Прежде всего, расстояние было не шесть метров. Я вернулся туда и померил - от того места, с которого, как мне казалось, делались выстрелы, до того места, с которого на самом деле стреляли, было только три метра”.

Хамиш: “И тем не менее три метра - это совсем немало, при том, что Вы стояли, может быть, меньше, чем в метре от Амира. Могли ли Вы действительно допустить такую ошибку?”

Лимор: “Ясно, что я должно быть допустил ее. Я на самом деле не разбираюсь в оружии, и в тот момент было много истерики”.

Хамиш: “Не нужно быть экспертом, чтобы услышать звук выстрела. Мне не хотелось бы ехать в машине с Вами за рулем, если у Вас такой глазомер. Послушайте, а что если я скажу Вам, что Вы возможно были правы? У меня есть надежное медицинское доказательство того, что у Рабина было фронтальное ранение в грудь. Может быть, Вы действительно правильно услышали смертельный выстрел”.

Лимор: “Какого рода доказательство?”

Хамиш: “Первый хирургический отчет из “Ихилова”, зафиксированные заявления Эфраима Сне и Габи Барабаша. Они также сообщили о ранении в грудь”.

Угрызения совести?!

Среди прочего меня часто спрашивают, считаю ли я, что организаторы демонстрации Шломо Лахат и Жан Фридман участвовали в заговоре. Я отвечаю, что не знаю, но что они несомненно играли странные роли в “мирном

процессе”.

Лахат был мэром Тель-Авива от Ликуда. Тем не менее, когда Рабин объявил о своем “мирном договоре” с ООП, Лахат не просто примкнул в этом вопросе к правительству, но даже создал организацию бывших армейских генералов, выступающую в поддержку “процесса Осло”. Возможно, именно за это он был вознагражден должностью в руководстве фонда “Ифшар”, учрежденном Жаном Фридманом.

Фридман - французский телевизионный магнат, тесно связанный с Шимоном Пересом. Он потратил 6 миллионов долларов из своих собственных денег на финансирование массовой пропагандистской кампании в поддержку “мирного соглашения”. Десятки тысяч дорожных стендов и настенных плакатов с надписью “Мы хотим мира” наводнили страну. Большинство этих плакатов пало жертвой настенных художников, добавлявших к лозунгу лишь одно слово: “Мы хотим другого мира”.

Фридман основал фонд “Ифшар” якобы для того, чтобы финансировать экономические проекты, но в действительности фонд использовался в качестве инструмента для рекламирования идеи “мира”. Лахат был партнером Фридмана в этом предприятии. Фридман дал деньги для демонстрации, на которой был убит Рабин, а Лахат договорился с муниципальными властями о разрешении на демонстрацию и о технических подробностях.

После убийства газета “Едиот Ахронот” писала: “Жан Фридман не собирается давать интервью о своей реакции на смерть Рабина. “У меня такое чувство вины, что я не могу спать”, - объяснил он”.

Та же газета привела цитату со словами Лахата, сказанными им во время посещения семьи Рабина. Он сказал: “Я пришел просто пожать им руки. Я не сказал ни слова, не заплакал. Я плакал все эти дни. У меня есть какое-то иррациональное чувство вины”.

Каковы были связи Амира с секретными службами?

Среди газетных вырезок мы находим рассказ о том, что внутриведомственное расследование убийства, проведенное ШАБАКом, обнаружило, что одной из задач Авишя Равива было завербовать Игаля Амира на службу в ШАБАК.

Амира проверили и пришли к выводу, что он не пригоден.

От Габи Брона, корреспондента “Едиот Ахронот” в Кнессете, мы узнаем об Амуре следующее: “Готовясь к поездке в Ригу, он прошел тренировочные курсы по стрельбе и оружию, в том числе - курс личной охраны. Преподаватели говорили учащимся, что ситуациями, наиболее удобными для убийства, являются моменты, когда жертва садится или выходит из машины”.

Кто был тот бородатый мужчина?

Офицеры полиции Моти Сергеи и Боаз Харан засвидетельствовали перед Комиссией Шамгара, что видели, как Амир разговаривал с бородатым мужчиной в черной футболке за несколько минут до покушения. Офицеры добавили, что, по их впечатлению, Амир и бородатый мужчина были знакомы.

Как сообщал с заседания суда корреспондент “Едиот Ахронот” Буки Наэ: “Убийца премьер-министра Игаль Амир провел импровизированную пресс-конференцию в холле суда. Амир не пожелал отвечать на вопрос о том, кто был тот бородатый мужчина, который разговаривал с ним за несколько минут до убийства. Наличие этого мужчины было установлено комиссией по расследованию убийства”.

Глава комиссии по расследованию

Далеко не все приветствовали назначение Меира Шамгара главой комиссии по расследованию убийства. Михаль Гольдберг из “Едиот Ахронот” писала: “Трое судей прервали дневное заседание раньше времени, чтобы выслушать претензии бывшего офицера полиции Ицхака Керена, протестовавшего возле здания суда. “Я требую, чтобы Вы ушли со своего поста”, - сказал Керен Шамгару. - “В свою бытность юридическим советником правительства Вы участвовали в сокрытии правды об убийстве солдатки Рахель Хеллер”. [Широко распространено мнение, что Рахель Хеллер была убита офицером ШАБАКА по имени Баранес, и что Шамгар покрывал ШАБАКА в этом деле, произошедшем за двадцать лет до убийства Рабина.]

Шамгар выслушал, но не отреагировал.

Что хотел сказать Перес?

Речь, произнесенная Пересом на похоронах Рабина, содержала один чрезвычайно интригующий пассаж: “В прошлую субботу”, - сказал он, как бы обращаясь к Рабину, - “мы стояли [на демонстрации], соединив руки... Ты сказал мне, что имеются предупреждения о возможном покушении против тебя на этой огромной демонстрации. Мы не знали, кто сделает это, как не знали мы, что потеря будет так велика”.

Таким образом, Перес сообщил всему миру, что и он, и Рабин знали о предстоящем покушении на демонстрации, но что им не было сообщено о том, кто именно попытается это осуществить. По его словам, они также не ожидали, что покушение будет смертельным.

Многие люди указали мне на то, что через тридцать дней после убийства, на церемонии, посвященной памяти Рабина, Перес сказал: “Пули, которые пронзили твою грудь, не уничтожили плоды твоего труда”. Оставив в стороне неуместную метафору, заметим, что по общепринятому на тот момент мнению, пули пронзили спину Рабина.

Какова была роль Эйтана Хабера?

При всей загадочности речи Переса, ничто не может сравниться по сюрреализму с речью Эйтана Хабера. Для тех, кто забыл мелкие подробности этой драмы, напомним, что Эйтан Хабер был начальником Канцелярии премьер-министра при Рабине. Согласно интервью, которое он дал газете “Коль Гаир”, в ночь убийства Хабер отправился в госпиталь “Ихилон” и вышел оттуда, держа в руках окровавленный листок с текстом песни о мире. Он объявил стране о смерти премьер-министра, а затем побежал в кабинет Рабина и забрал папки с делами из шкафов.

О круглом черном пятне на листке с текстом песни мне пишут больше, чем о любой другой детали. Никто не может как следует объяснить загадку пятна, но десятки людей из всех сил пытаются сделать это. Один из них, Раанан Бавли, прислал мне копию речи Хабера со следующим комментарием: “Это становится интересным. Я нашел в Интернете цитату из речи Главного раввина Лау, который сказал, что листок с песней был отдан Лее Рабин в госпитале. Однако

никто, кроме Переса, никогда не говорил о том, что в листке есть дырка”.

Это вполне типичное письмо среди тех, которые я получаю от умных и любознательных авторов. Давайте и мы попробуем понять, что это за листок, который возбуждает так много интереса к себе.

Прежде всего, посмотрим на речь Хабера. Он сказал, как бы обращаясь к Рабину: “За пять минут до выстрелов, ты пел с листком, который тебе дали, чтобы ты мог, как ты сам всегда говорил, промямлить слова. Ицхак, ты знал, что у тебя есть много талантов, но не в том, что касается пения. Ты спел, немного фальшивя, а затем, как всегда, аккуратно сложил листок вчетверо и сунул его в карман пиджака. В больнице плачущие врачи и медсестры отдали мне листок, все еще аккуратно сложенный. Я хотел бы прочесть слова, написанные на листке, но мне тяжело это сделать - твоя кровь покрывает печатный текст. Твоя кровь на “Песне мира”! Эта кровь вытекла из тебя в последние секунды твоей жизни, чтобы окрасить этот листок. Я хотел бы прочесть слова этой песни... Ицхак, нам уже не хватает тебя”.

Звучит так, будто листка с песней ему не хватает гораздо больше. Почти вся его речь - о листке. Что касается Рабина, мы узнаем, что он был педантичен по части складывания бумаги и что у него не было музыкального слуха. Почему же Хабер проявил такой огромный интерес к этому листку бумаги? Возможный ключ к разгадке содержится в его рассказе, появившемся в “Едиот Ахронот” 6 ноября 1995 года.

Хабер говорит, что он ждал Рабина на вечеринке, когда до него дошли новости о покушении. “Я прыгнул в машину и помчался как сумасшедший, прибыв в госпиталь через несколько минут. Я побежал к операционным. Я не знал, куда я шел и как туда попасть. По дороге я заметил его вещи, пропитанные кровью, и подобрал их”.

Больницы не разрешают посетителям приближаться к операционным, однако Хабер, даже не зная куда он идет, смог запросто вбежать в операционное отделение и подобрать пропитанные кровью вещи Рабина. Излишне говорить, что Хабер не имел права прикасаться к вещественным уликам, не говоря уж о том, чтобы брать их в руки и забирать с собой.

“Я понял, что что-то не так, как только вошел в госпиталь и увидел водителя, Менахема Дамти. Кто-то сказал, что все кончено, но у нас снова возникла надежда, когда его кровяное давление вернулось на уровень 90. Прибыла Лея

Рабин, но я не сообщал ей плохие новости. Вскоре я сделал записи для журналистов и позвонил американскому послу, чтобы проинформировать Белый Дом о покушении на Рабина. Кто-то должен был это сделать”.

Но почему именно Хабер, который не был ни министром, и ни членом Кнессета? Почему именно начальник канцелярии министерства должен сообщать в Белый Дом о покушении? Это нарушение дипломатического регламента.

В рассказе Хабера листок с песней нигде не упоминается. Никто не давал ему листка в госпитале - судя по его словам, он просто подобрал его и прихватил его вместе с другими пропитанными кровью вещами. Почему же он не сдал их в полицию? Почему листок был в его руках на похоронах, вместо того, чтобы находиться в качестве улики обвинения в криминалистической лаборатории полиции? Какие еще вещи он унес прежде, чем полиция могла исследовать их? Кто разрешил ему подбирать их? И что он вообще делал в операционном отделении?

=[ПРАЗДНИКИ](#) =[НА ГЛАВНУЮ](#)=[ТРАДИЦИИ](#) =[ИСТОРИЯ](#) =[ХОЛОКОСТ](#)=[ИЗРАНЕТ](#) =[НОВОСТИ](#)
 =[СИОНИЗМ](#) =

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 22. ПРЕСТУПНИКИ

Убийство Ицхака Рабина - это преступление, которое можно раскрыть. Один из ключей к разгадке находится не в Тель-Авиве, а в Хевроне. Именно там в феврале 1994 года было совершено другое ужасное преступление. Двадцать девять арабов были убиты в Маарат Гамахпела. Для расследования преступления была создана государственная комиссия. Ее возглавил бывший председатель Верховного суда Меир Шамгар, который позднее станет председателем комиссии по расследованию убийства Рабина.

Сразу же после событий арабский журналист из еженедельника "Йерушалаим" посетил 25 человек (включая детей), оставшихся в живых и находившихся в шести разных больницах. Один за другим они говорили ему, что человек, обвиненный в преступлении - Барух Гольдштейн - имел одного или, может быть, двух соучастников.

Десятки очевидцев преступления засвидетельствовали перед Комиссией Шамгара, что видели, как некто передавал стрелявшему заряженные обоймы по мере того, как тот расстреливал их одну за другой. Станным образом, на посту не было девяти солдат, которым в то утро полагалось охранять здание. Те трое, которые были там, засвидетельствовали, что видели, как спустя несколько минут после Гольдштейна туда вошел человек в штатском с автоматической винтовкой "Галиль".

Шамгар постановил, что Гольдштейн действовал один, что солдаты, видевшие кого-то еще, ошиблись, и что свидетельства всех арабов были ложными. Никакой нормальный суд в мире не пришел бы к тем же выводам, что Шамгар.

Так же как и в случае с другой комиссией Шамгара, расследовавшей убийство Рабина, наиболее поразительным является то, какие люди не давали показаний и какие улики не были приняты к рассмотрению. По всей территории Иудеи, Самарии и Газы Еврейский отдел ШАБАКА имел своих агентов для наблюдения за еврейскими “экстремистами” и для ограничения их активности. Терракт в Маарат Гамахпела был очевидным провалом Еврейского отдела, однако начальник отдела, Карми Гилон, не был вызван для дачи показаний Комиссии. Возможно, это произошло потому, что его брат, Илан Гилон, был секретарем Комиссии, ответственным за вызов свидетелей.

Гольдштейн сказал своим друзьям о готовящихся событиях. Одним из них был Шмуэль Цитрин, позднее арестованный без предъявления каких-либо обвинений и проведенный несколько месяцев в тюрьме. [Единственным преступлением Шмуэля Цитрина было то, что он публично разоблачил Авишя Равива как агента ШАБАКА за два месяца до убийства Рабина.] Гольдштейн сказал ему, что за два дня тому назад получил от армии указание “приготовиться к многочисленным жертвам”. [Гольдштейн работал врачом. По некоторым сведениям, в сообщении из армии было сказано подготовиться к приему большого числа раненых, что было воспринято Гольдштейном как указание на готовящийся погром против хевронских евреев. - Прим. ред.]

Гольдштейн погиб в ходе теракта. Не было проведено никакого вскрытия его тела, и обстоятельства его кончины по сей день остаются неизвестными.

После всех этих событий Гилона назначали главой ШАБАКА - довольно странная награда за провал в Хевроне. А может быть это, в конце концов, и не был провал?! Точно известно, что Еврейский отдел продолжал свою провокационную деятельность против еврейских жителей Иудеи, Самарии и Газы, противостоявших “мирному процессу” правительства Рабина. Людей пытались спровоцировать на преступление, чтобы затем арестовать. По одной из версий, именно так все и произошло в деле братьев Кахалани - наиболее известном из подобных случаев (см. главу 6).

Помимо этого, имеется целая эпопея вокруг провокатора Авишя Равива - агента ШАБАКА по кличке “Шампанское”. Огромное количество людей слышало, как он подстрекал Амира к убийству Рабина. Среди этих свидетелей было и четверо учениц из средней школы, возглавляемой Сарой Элиаш. Эти ученицы были свидетелями того, как Равив подбивал Амира на убийство Рабина, называя Амира лжецом и трусом. Комиссия Шамгара выслушала показания учениц, но не включила их в опубликованную часть своего отчета.

В истории с убийством Равив был отнюдь не малозначительным действующим лицом. Именно он организовал изготовление и распространение на демонстрации плакатов, изображавших Рабина в нацистской форме. Именно благодаря его усилиям за полтора месяца до убийства Первый канал телевидения показал церемонию, на которой члены пресловутого ЭЯЛа клялись убить всякого, кто предаст Эрец Исраэль. Именно он инсценировал эту церемонию, распределил роли и руководил постановкой.

После того, как Карми Гилон стал главой ШАБАКа, начальником Еврейского отдела был назначен Хези Кало, который, в свою очередь, назначил своим заместителем Эли Барака. О Хези Кало мы три года не знали практически ничего. Барак - это совсем другое дело.

Через неделю после убийства Рабина, популярная газета "Коль Гаир", не называя Барака по имени, возложила на него ответственность за убийство.

В свое время Барак был осужден за вождение в нетрезвом состоянии. После едва ли не смертельной аварии, вызванной его опьянением, он лгал полиции, отрицая какую-либо ответственность со своей стороны.

Барак известен своим участием в сексуальных оргиях с "обменом женами". Его друг и соучастник по оргиям умер при загадочных обстоятельствах.

Барак также известен как бабник, пристающий к женщинам с сексуальными домогательствами. В наиболее известном из подобных случаев, он терроризировал своими приставаниями радиожурналистку Кармелу Менаше. Вместо того, чтобы уволить этого опасного человека, Рабин послал его в заграничную командировку, а затем одобрил его назначение заместителем начальника Еврейского отдела в ШАБАКе.

Семь офицеров и сотрудников ШАБАКа - включая Кало - которые были замешаны в провале, приведшем к убийству Рабина, получили от Комиссии Шамгара письма с предупреждением о том, что против них могут быть возбуждены уголовные дела. Барак такого письма не получил. Кало был позднее оправдан Комиссией, несмотря на то, что он возглавлял операцию с Равивом. Барака, курировавшего Равива непосредственно, даже не вызывали

для дачи показаний на открытых заседаниях Комиссии.

Несколько настойчивых журналистов пытались отловить Барака возле его дома, в поселке Кохав-Яир, но находившиеся там сотрудники ШАБАКа грубо прогнали их. Ключ к разгадке истины связан с Эли Бараком, но он недосыгаем, поскольку пользуется покровительством властей.

Следы деятельности Барака замечаются столь очевидно, что немалое количество людей высказывает предположение - я полагаю, неверное - что именно он был тем загадочным человеком, который закрыл изнутри заднюю дверцу машины Рабина до того, как Рабин оказался на заднем сиденье автомобиля.

В феврале 1996 года корреспондент лондонской газеты "Обсервер" в Иерусалиме, Шай Бхатиа, сообщил о том, что разговаривал с двумя сотрудниками ШАБАКа, уволенными после убийства Рабина. По их словам, предполагалось, что Амир выстрелит в Рабина холостыми. Они также сказали, что главный помощник Рабина по вопросам безопасности, Дани Ятом, был вовлечен в подготовку этой операции. Молчание Ятома было куплено путем назначения его главой Моссада - ситуация, чрезвычайно напоминающая взлет Карми Гилона на пост главы ШАБАКа после резни в Хевроне. [Во время терроракта Гольдштейна в Хевроне Дани Ятом был командующим Центральным фронтом, в который входит Хеврон (Хевронской бригадой командовал нынешний Начальник генерального штаба Шауль Мофаз). На открытом заседании комиссии Шамгара Ятом не смог дать удовлетворительного объяснения явным провалам подотчетственных ему частей, включая вопиющие технические неполадки боевой техники. Во время убийства Ицхака Рабина он был его военным секретарем, т.е. осуществлял связь Главы правительства с армией. В период его пребывания на посту главы Мосада имели место несколько тяжелых провалов, последний из них - неудачное покушение в Иордании на одного из руководителей ХАМАСа - в конечном итоге стоило ему должности. - Прим. ред.]

О Гилоне хорошо известно, что он придерживался крайне левых взглядов, ненавидел поселенцев и называл их "неонацистами". Его взгляды сформулированы в диссертационной работе, которую он защитил в 1991 году в Хайфском университете.

За два дня до убийства Гилон улетел в Париж, несмотря на призывы его подчиненных не уезжать до демонстрации. В популярном анекдоте, ходившем

после убийства Рабина, рассказывалось, как Гилон по ходу демонстрации позвонил Лее Рабин из Парижа и выразил ей свои глубокие соболезнования. "Какие соболезнования?" - спросила она. "Ой", - сказал Гилон, - "вечно я забываю о разнице во времени!"

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ГЛАВА 23. НЕДОСТАЮЩИЕ ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ

Ноябрь 1998 года. Уже найдены убедительные свидетельства, говорящие об истинной политической подоплеке покушения. Год тому назад правительство разрешило опубликовать несколько параграфов из засекреченной части отчета Комиссии Шамгара. В этой части отчета непосредственно указано, что Равив был агентом ШАБАКа. В ней содержатся новые свидетельства преступлений Авишая Равива - помимо всего того, что еще до этого было известно о его деятельности в качестве агента-provokatora. Прошло еще два месяца и бывший активист организации ЭЯЛа Бени Аарони послал члену Кнессета Михаэлю Эйтану заявление, сделанное под присягой. В этом заявлении он подтверждает, что он лично, по приказанию Авишая Равива, передал около 30-и сообщений журналистам. Сообщения гласили: "Мы промахнулись на этот раз, но в следующий раз мы его [Рабина] достанем". Напомним: сообщение пришло к журналистам до официального извещения о покушении. Журналист Адир Зик сумел доказать, что Карми Гилон был замешан в убийстве.

Но при всем том, все пути к медицинским, полицейским и иным документам оставались плотно закрытыми. Казалось, что свидетельства, которые я собрал, останутся последними доказательствами того, что Игаль Амир не выстрелил той самой пулей, которая привела к смерти Ицхака Рабина. Самыми сильными доказательствами были экспертное заключение полицейского криминалиста Баруха Гладштейна, который установил, что выстрел в Рабина был произведен с нулевой дистанции, и рукописный операционный протокол д-ра Мордехая Гутмана, в котором говорится о ранении в грудь, поражении легкого и раздроблении позвонков D5-6.

В процессе работы над книгой я изучил полный операционный протокол д-ра Гутмана, включавший описание двух пулевых ранений, и вместе с ним итоговый отчет, опубликованный 5-го ноября, в котором ранение в грудь и попадание в позвоночник были заменены на другие ранения. Получилось ничейное положение: документ “за” и документ “против” - документ, написанный д-ром Гутманом в ночь убийства, против скорректированной версии, которую на следующий день написали тот же д-р Гутман, д-р Клюгер и д-р Хауснер. Когда д-ра Гутмана спросили об этом противоречии, он ответил, что ошибся и спутал ребра с позвонками.

Если д-р Гутман действительно не в состоянии отличить ребро от позвонка, у него следует отобрать “ришайон” (лицензию на занятия медициной) - так заметил один врач, слушавший мою лекцию. Опасно доверять ему жизнь больных. Однако другой врач встал на защиту Гутмана: если пуля раздробила позвонок в точке, где к нему прикрепляется ребро, такая ошибка возможна и понятна.

Проблема была в том, что у нас не было точного медицинского описания состояния Рабина до и после вмешательства врачей. Протокол д-ра Гутмана говорит о ране в груди, но в нем нет общей перспективы. Он выглядит странно и противоречит всем остальным опубликованным отчетам. Казалось, что можно “зачеркнуть” его и сказать, что почтенный доктор все же просто-напросто ошибся.

В начале декабря в Израиль приехал известный режиссер Питер Гольдман. Он хотел собрать материал, способный убедить продюсеров дать деньги на документальный фильм по моей книге. Я дал ему подробные координаты людей, с которыми был связан, и которые были неизвестны ему ранее, и мы обнаружили, что у нас есть один общий “информатор”. Я сказал Питеру, что говорить с этим “информатором” еще раз - значит попросту потратить время зря. Я встречался с ним полтора года тому назад и после этого дважды беседовал по телефону - все впустую. Он не дал мне никакой новой информации. Но Питер все же решил встретиться с ним, и интуиция не подвела его.

За несколько часов до того, как он вылетел в Америку, Питер показал мне три документа. Тут же мне стало ясно, что передо мной недостающие звенья цепи. Теперь мозаика была достаточно полна, у меня в руках была вся медицинская документация о пребывании Рабина в больнице Ихиллов.

Первый документ - это отчет о первичном визуальном осмотре, проведенном д-ром Гутманом при поступлении Рабина в больницу. Гутман записал по-английски диагноз: "GSW Abdomen and Chest" - "огнестрельные ранения в полости живота и груди". Когда я дошел до слова "и груди", я почувствовал себя, как сыщик, нашедший дымящийся револьвер. Поставлена точка. Я должен изменить всю версию. Было только две раны - не три. Не было третьего выстрела в больнице. Рабину выстрелили в грудь, когда он был в машине.

Однако через несколько дней два специалиста помогли мне лучше разобраться в картине. Грудь могла быть поражена в результате выстрела в спину, если пуля прошла тело насквозь.

Второй лист был более подробен. В нем описывался предоперационный осмотр, проведенный д-ром Гутманом. Это описание говорит нам, в каком состоянии был Рабин почти сразу после того, как он попал в больницу.

Третий документ - это было итоговое заключение об операции. Наконец-то мы не будем обязаны полагаться на официальное коммюнике от 5 ноября для анализа причины смерти Рабина.

Теперь передо мной лежали все данные, представленные в следующих документах:

- 1) отчет о первичном визуальном осмотре;
- 2) отчет о предоперационном осмотре;
- 3) протокол операции;
- 4) итоговое заключение об операции;
- 5) исправленное заключение об операции, опубликованное 5 ноября.

Когда я писал книгу, в моем распоряжении были только документы #3 и #5. Через четыре месяца после того, как книга вышла в свет на английском языке в США, я получил в свои руки документы #1, #2 и #4.

Мне повезло - эти документы подтвердили мою теорию. Несмотря на то, что они не очень пространны и подробны, они просто поражают своей сложностью и обилием деталей, допускающих самые различные толкования. Однако, несомненно одно: первое ранение в грудь ни в коем случае не могло быть раной, которую описывает последняя страница протокола операции д-ра Гутмана.

Как мы помним, д-р Гутман оперировал рану, которая начиналась в верхней

доле правого легкого, продолжалась в направлении позвонков D5-6 и которая оставила выходное отверстие размером 2.5-3 см в легком до того, как раздробила позвонок. Эта рана и привела к смерти Рабина.

А вот рана, с которой он был принят в больнице. В отчете о предоперационном осмотре ранение в грудь описано так: "Входное отверстие в районе правого плеча, откуда пуля проникла под кожу в районе 3ICS в 3-4-MCL". Или в переводе на обычный язык: "пуля вошла у правой плечевой кости и прошла вдоль средней ключичной линии до межреберного пространства 3 области 3". Или еще проще: "пуля вошла у плеча и дошла почти до правого соска". Д-р Гутман не мог перепутать ребро с позвонком, потому что пуля никогда не была рядом с позвоночником. Такое объяснение дал мне мой знакомый врач, который, для полной ясности, принес с собой и наглядные пособия в виде схемы человеческого скелета.

Согласно отчету #3, д-р Гутман действительно начинает операцию, оперируя проникающее ранение в спину, достигающее до груди. Состояние Рабина улучшается. Пульс устанавливается на 130, а давление крови - на 90. И тут, без всякого объяснения, пульс падает до 60, и кровяное давление - тоже до 60. Мониторы останавливаются. В этот момент д-р Гутман вдруг начинает заниматься входной раной в грудь, откуда пуля прошла через тело и раздробила позвонок. Мой знакомый врач комментирует: "Рана появилась внезапно, как будто ниоткуда. Жизненно важные органы раненого перестали функционировать, и пришлось заняться новыми проблемами. Не было причин начинать новую операцию, если только не обнаружилась новая рана".

Тот же врач пытался построить любую возможную связь между ранением грудь/позвоночник, которое оперирует д-р Гутман в конце операции, со сквозным ранением в спину, с которым поступает Рабин в больницу, как это описывают документы #1 и #2. Он пытался подобрать самые невероятные углы, и все же связь между двумя ранами не устанавливалась. Для того, чтобы одна и та же пуля причинила вред, представленный отчетами #1, #2 и #3, она должна была пройти следующий путь. Амир должен был бы выстрелить почти прямо в бок Рабину, а не в спину - что было невозможно. Пуля должна была войти под плечом и пройти в сторону верхней доли правого легкого; изменить направление в сторону позвонков D5-6 в средней части спины, там она должна была раздробить позвонок; изменить направление вверх, вновь войти в легкое и остановиться прямо под кожей в районе правого соска. Врач подвел итог: "Если это даже и было так - а я позволю себе заметить, что это не было так - то почему первоначальный диагноз был "сквозное ранение в спину", и почему д-р Гутман не отметил две раны в легком? Даже если одна пуля умудрилась нанести весь этот вред, врач был обязан в точности зафиксировать его".

Наконец-то мы приблизились к обнаружению трех ран Рабина.

Первая и вторая, в груди и в полости живота, были нанесены прежде, чем Рабин попал в больницу. Третья рана, рана в грудь, должна была появиться в больнице, после того, как Рабин прибыл туда.

Во второй ране пуля пошла из области почек влево. (Тут, как мы увидим ниже, д-р Гутман не отметил чрезвычайно важную деталь).

Обратимся теперь к документу #4. Операция завершена и операционная бригада подводит итог тяжелой ночи. Бригада врачей состоит из очень квалифицированных специалистов - заведующих отделениями. Д-р Гутман теперь уже не единственный свидетель событий. Он, правда, пишет итоговое заключение об операции, но это заключение вместе с ним подписывают д-р Клюгер, д-р Якиревич и враг анестезиолог д-р Островский. На операции ассистируют сестры Светлана и Эвелин. Светлана ставит свою подпись, и после этого ход операции Рабина наконец полностью удостоверен.

Посмотрим теперь на само итоговое заключение. Начнем с простого. Внизу страницы проставлены часы и минуты операции: Рабин принят к операции - 22:00, операция начинается - 22:10, кончается - 23:30. Проблема, однако, в том, что о смерти Рабина объявлено в 23:20; допустим пока что, что часы в операционной спешили.

Настоящий интерес представляет текст в верхней части листа. Прежде всего, там подтверждаются со всеми подробностями лабораторные выводы криминалиста Баруха Гладштейна, который утверждал, что Рабин был поражен с близкого расстояния. Кроме того, мы читаем в документе #1, что Рабин доставлен в больницу с ранением в грудь и в полость живота. В документе #4 уже фигурирует несколько новых ранений. Главное из них - это пулевое ранение (GSW) в грудь и в живот. Второстепенные ранения записаны по-английски и рядом с ними перевод:

GSW to right lung - огнестрельная рана в правом легком

Laceration of spleen - поражение селезенки

Hemorrhagic shock - шок от потери крови

Spinal shock ?! - спинномозговой шок.[Шок здесь - это не психическое состояние, а недостаточная подача крови жизненно важным органам. Шок

вызывается здесь общей потерей крови (см. в тексте книги о 8 перелитых порциях крови), или же расширением сосудов, вследствие неверных сигналов поврежденного спинного мозга. - Прим. ред.]

Д-р Гутман поставил вопросительный и восклицательный знаки, чтобы подчеркнуть, что именно это ранение явилось причиной смерти. По крайней мере, так предположил мой знакомый врач, а также врач из медицинской службы ЦАХАЛа, которые смотрели отчеты вместе со мной. Разрыв селезенки и потеря крови от внутреннего кровотечения были, видимо, результатом ранения в области почек. Однако, первая и последняя раны вызывают ряд вопросов. Мой знакомый врач сказал: "Прежде всего, Вам следует сразу смириться с тем, что в отличие от остальных документов, неоспоримо говорящих о двух ранах в груди, данный документ допускает самые различные толкования. Есть несколько очень трудных вопросов, с которыми надо разобраться.

Обратимся теперь к побочной ране в легком. Почему она вообще упомянута врачами? Они записали пулевое ранение в центральной части груди. Кроме самых невероятных случаев такое ранение автоматически ведет к поражению легкого. В чем причина, что легкое упомянуть специально? Видимо, здесь имеется в виду другая рана".

Комиссия Шамгара рассматривала те же самые документы и ставила те же самые вопросы. Комиссии было сказано, что вторую рану в правом легком причинила пуля, поразившая область почек. Она прошла через поджелудочную железу и печень, прежде чем дошла до правого легкого. Эту версию приняло государство Израиль, и судьи на процессе Игаля Амира утвердили ее.

Но врач, проверявший со мной документы, обратил внимание на деталь, которая каким-то образом ускользнула от комиссии Шамгара. Пуля, поразившая область почек, обязана была поразить левое легкое, а также, скорее всего, и область сердца, прежде, чем она попадет в правое легкое. Если врачи столь подробно описали побочное ранение правого легкого, почему они не отметили входное и выходное отверстия в левом легком?

А теперь самая большая загадка: спинномозговой шок. Как мы помним, д-р Гисс, государственный патологоанатом, произвел частичное посмертное вскрытие тела после того, как хирургическая бригада д-ра Гутмана завершила свою работу. В отчете д-ра Гисса говорится, что позвоночник Рабина не был поврежден. Мы помним, что на основе отчета, представленного д-ром Гиссом, Комиссия Шамгара и судьи на процессе Амира постановили, что позвоночник

не был затронут. Кроме того, мы помним фильм Кемплера, где видно, что Рабин продолжает идти, будучи, якобы, раненным в спину - что, разумеется, абсолютно невозможно, если, в соответствии с отчетом д-ра Гутмана, считать, что у Рабина были раздроблены позвонки D5-6.

Заметим, что не один только д-р Гутман отмечает поражение позвоночного столба. Вместе с ним это зафиксировали все 5 человек из операционной бригады. Было бы, вероятно, интересно привести их в зал суда и попросить объяснить, каким образом их подписи красуются на медицинском документе, выводы которого противоречат официальной версии государства Израиль - их документ говорит, что Рабин скончался от спинномозгового шока, в то время, как Министерство юстиции и авторитетный израильский суд упрямо утверждают, что позвоночник остался цел.

Я спросил своего консультанта, обязан ли спинномозговой шок быть результатом перелома позвоночника или разрыва мозгового ствола? Может ли быть причиной, например, сильный удар или встряска? "Никоим образом!" - ответил он, - "спинномозговой шок - это травма, появляющаяся только в результате единичного или множественного перелома позвоночника. Это может быть перелом позвонка или разрыв спинномозгового ствола, но это - единственное определение спинномозгового шока".

Мой консультант сделал еще одно важное замечание: "Когда прибыл больной, врач не зарегистрировал ни одного из симптомов спинномозгового шока. Опять же - это возможно, но маловероятно. Одна из первых опасностей, которые врач обязан искать в случае ранения в грудной области - это спинномозговой шок. Его весьма легко диагностировать. При разрыве нервов в позвоночнике кровь не циркулирует, как обычно, под действием сердечной мышцы, а просто стекает вниз под действием силы тяжести. Поэтому мы имеем простой симптом: верхняя часть тела бледнеет, а нижняя - краснеет. Здесь больной был ранен в 9:45 и обследован в 10:05. Через 20 минут после ранения следует предположить, что симптомы спинномозгового шока уже проявятся".

Этот врач отказался высказать заключение, которое могло бы увенчать долгие месяцы моих исследований. Он отказался подтвердить, что из итогового заключения об операции следует, что Рабин был ранен в третий раз, после того, как его уже доставили в больницу "Ихилов". Но он согласился сказать следующее: "Если бы я не знал личности жертвы и обстоятельств ранения, я полагаю, что мне пришлось бы прийти к выводу, что больной был ранен снова, прежде чем врачи начали заниматься им [т.е. между первым осмотром и началом операции]. Однако я рекомендую Вам подчеркнуть два совершенно очевидных момента - два ранения в грудь, которые записал д-р Гутман, и тот факт, что весьма непросто предположить, что позвоночник не пострадал.

Шесть человек в операционной комнате были слишком квалифицированы, чтобы все они ошиблись в этом пункте”.

Вот и результат: у Рабина несомненно было ранение в грудь и спинномозговой шок, которые не могли быть вызваны выстрелами Игаля Амира. Это - главное. Но в документах было еще нечто помимо описания ранений. Они подтверждают один из самых важных эпизодов этой книги.

Я уже говорил о том, что рассказал мне Зеэв Бар-Села, редактор газеты “Вести”. Утром после покушения ему позвонила медсестра, репатриантка из бывшего СССР. Она сказала: “Тут что-то не так. Пресса не сообщает о настоящих ранах Рабина. У него был раздроблен позвоночник, а они говорят, что не был”. Спустя полтора часа она позвонила вновь, и, как хорошо запомнил Бар-Села, ее голос дрожал от страха. “Я Вам не звонила, Вы от меня ничего не слышали”, - сказала она и повесила трубку.

Новые документы, поступившие ко мне, открыли имена людей, принимавших в ту ночь участие в операции. Там была операционная медсестра из бывшего СССР по имени Светлана, ее подпись фигурирует на документе. Сверив все бумаги, я установил ее фамилию - Шлимович. Я нашел ее телефон, позвонил и представил себя. Ниже приводится запись беседы:

“- Светлана! Я хотел бы знать, что происходило с Рабиным в операционной?

- Как Вы нашли мое имя?

- Ваша подпись стоит на протоколе операции.

- Я там больше не работаю, и никогда не скажу Вам, что там было. Бай”.

Она повесила трубку. Рассказ Бар-Селы подтвердился. Как и вся эта книга. С самого начала я был прав.

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

mail.ru	149
3798873	65

HotLog	
1090373	+77

jewish.ru	
1	КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

ЭПИЛОГ

Вот они, лежат рядом со мной - десятки публикаций из самых разных изданий, посвященные заговору вокруг убийства Рабина. В этих публикациях вы можете найти самые разнообразные предположения о том, кто отдал приказ об убийстве. Так например, журнал "Нью Американ" заявляет, что убийство было делом рук "Совета по вопросам международных отношений". ["Совет по вопросам международных отношений" - Council on Foreign Relations - американская организация, основанная в 1921 году. В данный момент Совет насчитывает 3.400 членов. Как утверждается в программном документе Совета, Совет поддерживает активное участие Америки в мировой политике и прилагает усилия для того, чтобы как можно лучше информировать американское общество о других народах и о событиях, происходящих в остальном мире. - Прим. перев.] Японская газета "Джапаниз Таймс" рассказывает о том, что Рабин якобы попался на махинациях вокруг краденой компьютерной программы под названием ПРОМИС, и что он был убит теми же людьми, которые убили помощника Клинтона Винса Фостера. В журнале "Конспираси Нэйшн" излагается точка зрения, согласно которой операция будто бы финансировалась Ватиканом. А в Интернете можно найти утверждения о том, что Рабин был масоном 32-й ступени и что его убили за разглашение секретов Ордена. Кроме этого есть израильтяне, говорящие, что за убийством стоял Перес, поскольку гибель Рабина была наиболее выгодна именно ему.

Я не отвергаю полностью ни один из этих вариантов. Сначала я намеревался привести здесь список всех имеющихся версий и сравнить их относительные достоинства и недостатки. Но потом я решил, что будет неправильно заниматься фантастическими гипотезами в книге, которая вся основана на

фактах.

Я не знаю, кто отдал приказ об убийстве. Среди тех, кто пытается это выяснить, четко преобладает мнение, что за убийством Рабина стоят силы вне Израиля. Возможно, со временем это удастся доказать.

За два месяца до убийства Рабин начал говорить о том, кто на самом деле стоял за "мирным процессом". В ходе своего визита в США, он сказал в программе новостей телекомпании Эй-Би-Си и журналисту Уильяму Сафиру из газеты "Нью-Йорк Таймс", что Джордж Буш силой навязал ему "мирный процесс" в ходе их встречи в Кенбанкпорте (штат Мэн) в сентябре 1992 года. Согласно Рабину, Буш велел ему тогда "подготовить израильскую общественность к некоторым болезненным территориальным уступкам".

Вернувшись в Израиль, Рабин дал телеинтервью дружественно настроенным журналистам. Он поразил зрителей следующими словами, сказанными им в шутовском тоне: "Нетаниягу звонил Киссинджеру и просил его сделать заявление, осуждающее возможность размещения американских войск на Голанских высотах. Генри, смеясь, перезвонил мне и сказал, что попросил Нетаниягу больше не надоедать ему своими приставаниями".

История на самом деле не такая уж и смешная: из слов Рабина вытекает, что Киссинджер был серьезно замешан во внутреннюю израильскую политику. Для любителей современных теорий о грандиозных политических заговорах связи Рабина с Киссинджером и Бушем, состоящими в "Совете по вопросам международных отношений", должны выглядеть исключительно зловеще.

Еще один намек в том же ключе можно извлечь из двух передовиц, опубликованных газетой "Гаарец" в марте 1997 года. В статьях говорится о том, что последняя встреча Клинтона с Рабиным проходила в бурной обстановке. Причина была следующей. За некоторое время до этой встречи Рабин задал госсекретарю США Кристоферу гипотетический вопрос: какой будет реакция президента Сирии Асада, если Израиль полностью отступит с Голанских высот к берегам озера Киннерет? Кристофер же искал вопрос и сообщил Асаду о готовности Рабина к такому отступлению. Согласно "Гаарец", Рабин в ярости излил поток ругательств в адрес Кристофера и посланника США на Ближнем

Востоке Денниса Росса". С точки зрения упоминавшихся выше теорий о политических заговорах, было не слишком умно поступать так с двумя видными представителями "Совета по вопросам международных отношений".

Пока что наиболее вероятной мне кажется версия, согласно которой Рабина убили, чтобы заставить его замолчать. Для могущественных организаторов заговора он представлял собой гораздо большую ценность как покойник.

Версия, по которой убийство планировалось в Израиле, кажется мне маловероятной. Лишь немногие люди обладают такой властью и таким влиянием в спецслужбах, чтобы отдать приказ об убийстве. Кажется исключительно неправдоподобным, чтобы кто-либо из них стал убивать Рабина по собственной инициативе. Поступить так означало бы навлечь на себя гнев могущественных иностранных сил, связанных с Рабиным. Приказ об убийстве должен был поступить извне, а не от Переса или кого-либо еще внутри Израиля.

Если теория об убийстве, организованном извне, кажется вам слишком оторванной от реальности, то вот вам альтернативные теории, имеющие многих приверженцев.

Во-первых, есть мистическая теория, согласно которой убийство было заранее предопределенно. Сторонники этой теории приводят в качестве аргумента разрекламированные по всему миру так называемые "библейские коды", в которых якобы предсказывается убийство Рабина и даже упоминается имя Амира. В качестве дальнейшего аргумента приводится деятельность Авигдора Эскина, выходца из России и последователя покойного раввина Меира Кахане. Менее чем за месяц до убийства Рабина Эскин устроил публичную церемонию "пульса де-нура", зачитав заклятие в адрес Ицхака Рабина. [Буквально: "Пульт огня"(арам.). Каббалистический вызов Б-его гнева, который должен пасть на проклинаемого или на проклинающих, если они не правы - Прим. ред.]

Более того, в недельной главе Торы, читавшейся в ту неделю, когда погиб

Рабин, из последовательно идущих букв складываются слова: "Огонь, огонь, зло Рабину Господь установил". [Прием так называемого "внутреннего" (т.е. мистического) толкования Торы, Слова пишутся без промежутков, и слитный текст заново разбивается на слова. Здесь оригинальный текст был: "[Факел] огня, который прошел меж кусками [тел животных]" - Прим. перев.]

Далее: имя Игалья Амира начинается с буквы "и" и кончается буквой "р" - те же буквы являются инициалами Ицхака Рабина. Если удалить эти буквы из имени и фамилии, то получатся слова, которые могут быть прочтены на иврите как "Спас мой народ", или же как приказ: "Спаси мой народ".

В 1996 году в Израиле был опубликован по-русски роман об убийстве Рабина. [Имеется в виду роман Аркана Карива и Антона Носика "Операция "Кеннеди". - Прим. перев.] В романе Рабин остается в живых после выстрелов. Вместо него жертвой убийства становится другой человек, а сам Рабин улетает в Гонконг отдыхать до конца своих дней. Некоторые отмечают, что упоминавшийся выше Киссинджер находился в момент убийства в Гонконге. Он не прибыл на похороны, неубедительно оправдываясь тем, что не мог достать билет на самолет.

Каждый раз в ходе моих лекций кто-нибудь из слушателей начинает подробно излагать теорию о подмене трупов. Эта теория нашла своего сторонника в лице ведущего израильского исследователя политических заговоров, писателя Джоэля Байнермана, автора книги, в которой разоблачаются тайные нелегальные операции, осуществлявшиеся администрацией президента Буша ("Преступления президента", SPI-Books, NY, 1992).

Я предпочитаю не заниматься всеми этими фантастическими теориями, а сконцентрироваться на бесспорных фактах, среди которых полицейские и медицинские отчеты, доказывающие, что Рабин был убит выстрелами в грудь и выстрелами с нулевого расстояния. Игаль Амир не мог сделать ни того, ни другого.

И если это был не Игаль Амир, то кто же все-таки убил Ицхака Рабина?

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

mail.ru	149
3798873	65

HotLog	
1090373	+77

jewish.ru	
1	КИСЛЕВА

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАНЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Прыгающий раненый - 2003-02-18

Амнон Лорд

Почему настаивал адвокат, что Рабин не был убит от выстрелов Игаля Амира и как невольно намекали на это репортеры «Галей ЦАХАЛ»

(опубликовано в еженедельнике «Макор ришон» от 1.11.02)

В официальный день памяти покойного Ицхака Рабина была на Галей-ЦАХАЛ передача, посвященная репортерам, работавшим в вечер убийства. Эта передача состояла из воспоминаний журналистов, при этом время от времени редакторы программы вставляли записи с репортажами того вечера. Я не знаю, занимается ли кто-то на Галей-ЦАХАЛ интригами, но в передаче были приведены две записи с небольшим промежутком времени между ними, повторявшие примерно одну и ту же информацию. В первой записи сообщил Миха Фридман, находившийся возле больницы «Ихилон», что, по сообщениям из больницы, «Рабин ранен в живот и грудь». Это же можно было понять в вечер убийства из слов тогдашнего министра здравоохранения Эфраима Снэ. Затем был передан отчет генерального инспектора полиции Асафа Хефеца, и тот тоже сообщил, что «Рабин ранен покушавшимся в живот и грудь».

Это напоминания о том, что мы все еще не знаем всей правды об убийстве премьер-министра. Седьмую годовщину убийства вновь отмечает волна подстрекательства и очернения части еврейского населения Израиля. Как преуспели перейти при полном согласовании всех СМИ от статей о разгроме поселенческих форпостов к разговорам о том, что возможно еще одно убийство премьер-министра, - трудно понять. Уже в день столкновения на

одном из «холмов» вышел левый депутат кнессета Ран Коэн из какого-то заседания, занял позицию возле микрофона 1-го канала и заявил, что следующее политическое убийство будет убийство тогдашнего мин.обороны Фуада Бен-Элиэзера. Из какого лагеря будет покушающийся – «было понятно». Затем бывший глава ШАБАКа Яков Пери сказал, что из убийства Рабина не сделаны выводы. По его словам, мы вновь слышим «раввинов» и повторяющееся подстрекательство.

Мне не кажется, что хотят повторить трюк ноября 95г. Все более грубо: это будет, видно, одним из пунктов предвыборной кампании партии Авода и требуется органдзовать спектакль «Поселенцы как враги государства и израильского общества». «Они готовят еще одно убийство и отбирают бюджет у «слабых слоев», они – отрицательная сторона в уравнении мира». «Поддерживаешь ли ты разрушение поселений в обмен на мир?» – спрашивают организаторы опросов, но лишь, чтобы «установить согласие», якобы царящее в обществе, что чтобы достичь мира, надо разрушить поселения.

Одним из документов, подтверждающих, что Яков Пери прав, что не усвоены уроки убийства Рабина, является итоговое заявление защиты на процессе Игаля Амира. В свое время весь суд над процессом считался бессодержательным ритуалом, предназначавшемся дать возможность журналистам описывать высказывания, улыбки и вообще поведение Игаля Амира. Это когда они не занимались размерами и формой кипы на голове судьи Эдмонда Леви. Не помнится мне, что кто-то пришел на суд, чтобы узнать новые подробности об убийстве и сообщить об этом в газете. Тема адвокатов и защиты была полностью пренебрегаема и, по моему, ничего из слов адвоката не было передано в СМИ.

Зключение защиты очень интересно, потому что оно базируется на фактах и свидетельствах, представленных в суде, и насколько я понимаю, было общее согласие в отношении них. Йорам Рубин, который находился ближе всех к премьер-министру во время покушения, не знал, что в то время, когда он и Рабин сели в машину, Рабин уже был раненым. Кажется, что человек, находящийся в максимальной близости к другому в тот момент, когда тот дважды ранен в спину, не может не чувствовать это. «Также из свидетельства Б. (документ Н-12) следует, что не ясно задел ли Рабин и наверняка Рубин не ранен», - пишет адвокат Йонатан Гольдберг и цитирует свидетельство: «Мне было не ясно в тот момент, что премьер-министр ранен и я был уверен, что охранник не ранен».

Свидетельство Рубина: «На этом этапе (после выстрелов) премьер-министр был в сознании и я разговаривал с ним в машине. Стоит отметить, что прежде чем

сесть в машину, я крикнул водителю Менахему Рамти: «Езжай отсюда!»

Замечание адвоката: «Он знал, что Рабин не был задет тогда и поэтому не повел его к амбулансу и также не сказал водителю ехать в больницу».

Рубин также свидетельствовал: «После выстрелов от мощности выстрелов и моего прыжка на него мы упали на землю... Я разговариваю с Ицхаком Рабиным и мы прыгаем в машину». Т.е. оба прыгнули в машину – самостоятельно своими силами сели в машину, комментирует адвокат.

Также свидетель защиты Ш.Тирам был спрошен, видел ли он попадания, ранения как следствие выстрелов, и он ответил: «Я не видел никаких попаданий, не знал тогда, что Рабин ранен... Я не видел и не слышал, что Рабин был ранен в тогда».

«Ни один из свидетелей обвинения и также ни один из свидетелей защиты не свидетельствовали, что Рабин был ранен вследствие выстрелов обвиняемого».

Просмотр заключения защиты показывает, что все, что было определено позже как теория конспирации, находится там. При взгляде назад видно, что линия защиты, которой придерживался представитель обвиняемого, должна была вызвать размышления. Попал к нему в руки обвиняемый, покушавшийся, пойманный на горячем в тот момент, что он стрелял в премьер-министра. Покушение документировано на видеофильме. Все, что оставалось нормальному адвокату, - это доказывать невменяемость покушавшегося или апеллировать к создавшимся историко-политическим обстоятельствам, должным облегчить участь обвиняемого. Но что выбирает Гольдберг? Он пытается доказать, что вообще премьер-министр не погиб из-за выстрелов Игаля Амира. Поскольку это утверждение казалось в тот период надуманным и странным, видно, что если он возникло, то такая линия защиты была обязательной (естественной) для адвоката.

Факты и свидетельства вырисовали вероятную картину, что Рабин не погиб из-за выстрелов Игаля Амира. Как минимум, можно сказать из собрания доказательств, устных свидетельств, и документов мог адвокат построить верную альтернативную картину, полностью отличающуюся от официальной версии. Передо мной нет сейчас постановления судьи Леви, но насколько я правильно помню, он вообще не занимался опровержением утверждений адвоката, он просто отринул их, опираясь на признание обвиняемого.

Перевел Моше Борухович.

Опубликовано на сайте Аналитической группы МАОФ <http://rjews.net/maof>

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ=](#)[ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ=](#)[ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ =](#)

ИСТОРИЯ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Б. Хамиш КТО УБИЛ РАБИНА

=ПРАЗДНИКИ =НА ГЛАВНУЮ=ТРАДИЦИИ =ИСТОРИЯ =ХОЛОКОСТ=ИЗРАИЛЕТ =НОВОСТИ
=СИОНИЗМ =

Новое об «Убийстве Рабина»

М.Бронштейн

Прежде всего – ничего особенно нового не произошло или не стало известно: только добавился еще один штрих в общую картину. А теперь – суть дела и подробности.

К истории вопроса

Было покушение, и Ицхак Рабин, премьер-министр Израиля, был убит. Обстоятельства покушения расследовались на судебном процессе Игаля Амира, приговоренного за убийство к пожизненному заключению, и параллельно – Государственной комиссией под председательством Меира Шамгара, в прошлом президента Верховного Суда. Если говорить совсем точно, то ни одна из этих инстанций не расследовала убийство как таковое, т.е. все его детали и подробности. Суд по сути дела не нуждался в этом, поскольку Амир признал себя виновным, заявив, что он хотел «нейтрализовать» Рабина, т.е. лишить его физической возможности функционировать в качестве премьера. Для этого Амир, по его словам, намеревался ранить Рабина в позвоночник, что должно было привести к физическому параличу. Вместе с тем, прекрасно понимая, что он не может гарантировать столь точное попадание, Амир был готов к тому, что его пули убьют Рабина. Фактически он стрелял, по его словам, один раз наскоро прицелясь, и еще два раза «для верности», уже не видя своей цели.

В этих обстоятельствах фактический ход событий суд рассматривал более для проформы. Перед ним фактически стояла одна задача – что делать с заявлением Амира, т.е. классифицировать его действия как убийство с заранее обдуманым намерением, или как-то еще. Судья, правда, заявил, что для реального приговора практической разницы нет, но ему явно не хотелось вдаваться в юридические тонкости, и в итоге было принято мнение обвинения: убийство с заранее задуманным намерением. Читатель может почувствовать, что я не отношусь с особым почтением к решению суда – и это правильно в данном конкретном случае. Различие между версией обвинения и версией Амира – тонкое, и оно целиком лежит в области «желаний сердца».

Сомнительно, чтобы обвинение в принципе могло привести хоть какое-то доказательство своему тезису – под доказательством я разумею не риторiku, а нечто реальное, что различало бы две версии. Де-факто, таких «различающих фактов» приведено не было, и в этих обстоятельствах судьи вполне могли бы вынести тот же приговор на основании версии Амира. Вместо этого было пролито немало чернил в построении красивых фраз, которые не содержали никакого позитивного смысла, вплоть до того, что постановление суда базировало свое решение на прямом искажении протокола. Конкретно взмахом судейского пера один свидетель был «перемещен» на 8 метров – от двери полицейской машины к двери машины Рабина. Видимо, судьи сочли, что показания свидетеля поддерживают версию обвинения, и что «перемещение» к центру событий даст им дополнительную силу. На самом деле свидетельство так или иначе не было существенным.

Что касается комиссии Шамгара, то она тоже не рассматривала процесс покушения, и формально говоря, и не должна было этим заниматься. Ее назначили, чтобы рассмотреть другой вопрос – были ли существенные промахи в функционировании Общей Службы Безопасности (ШАБАК), при неявном и совершенно очевидном допущении, что налицо был грандиозный и скандальный провал. Как и суд, комиссия Шамгара была обязана сказать «что-нибудь» о самом покушении, но степень детализации оставалась неопределенной, и выяснилось, что она явно не была достаточна. Более того, в руках комиссии (как и суда) был поистинне бесценный и объективный материал – любительский фильм, запечатлевший ход покушения. Мы могли бы ожидать, что фильм будет использован как лакмусовая бумага для проверки показаний свидетелей – но этого не произошло. Не беремся решать, что было тому причиной: неумение работать со столь редким в судебной практике материалом или консервативная судейская привычка всегда и во всем верить показаниям полицейских. Так или иначе, факт остается фактом – фильм фактически не был использован комиссией. Чтобы не быть голословным приведу два примера.

Перед комиссией стоял вопрос, каким образом Йорам Рубин, командир группы личной охраны, «просмотрел» Амира, который явно был «чужим», но оказался в опасной близости от группы и от машины премьера. Рубин объяснил, что его беспокоили любопытные, толпившиеся справа от группы, и поэтому он обернул свое лицо в сторону наибольшей потенциальной опасности (Амир же стоял слева от группы). Нет сомнения, что объяснение вполне логично, и комиссия приняла его, записав в своем отчете: «Рубин обернул лицо вправо». Однако, в фильме мы видим, что лицо Рубина все время было обращено влево: нет ни одного (подчеркиваю: буквально ни одного) кадра, где бы он обернул его вправо. Вывод: комиссия Шамгара не проверяла показания Рубина.

Второй пример. Группа личной охраны окружала премьера, и один из охранников был «ведущим». Сколь это ни странно, эту роль исполнял не подчиненный Рубина, а его начальник, что, разумеется, противоречит здравому смыслу тактического подчинения. Комиссия, без сомнения, знала, кто вел группу, однако, в отчете имеет место словесная эквилибристика, затушевывающая этот факт. Более того, «ведущий», он же начальник Рубина по имени Ади Азулай, показал, что спустившись на тротуар, он занялся убираанием какого-то ящика, который стоял на пути группы или около него. Это показание тоже попало в отчет комиссии, и создалось впечатление, что человек, убравший ящик не мог в то же время вести группу. Комиссия записала в отчете, что Азулай шел «рядом с группой охраны». Однако все это – не более, чем «якобы», поскольку фильм однозначно показывает следующее: Ади Азулай не занимался никаким ящиком, напротив, он все время шел во главе группы, и у нее не было никакого другого «ведущего». Нельзя понять, почему важны эти тонкости, не зная следующей подробности: Азулай повел группу несколько сложным маршрутом, который привел ее прямо к Амиру. Поведи он ее по прямой линии, Амир оказался бы слишком далеко от Рабина, и скорее всего, не стал бы стрелять (это следует из его показаний). Эти два примера дают нам почувствовать качество работы комиссии, но они ни в коей степени не единственны: есть более простые и более сложные, более существенные и менее существенные, связанные с фильмом и не связанные с ним. В общем и целом, с точки зрения описания покушения – перед нами явная халтура, и это, видимо, самое легкое из возможных определений.

Теории конспирации

Детали, приводимые здесь не были известны в 1995 г., непосредственно после смерти премьера, но было общее ощущение недоговоренности, неточности и

тумана, напускаемого сознательно. В этой атмосфере родилось несколько «теорий конспирации», согласно которым не Амир убил премьера, а кто-то другой. По другим версиям, вообще не было «убийства», а Рабин был убит по ошибке, шальной пулей полицейского, который стрелял в Амира. По моему мнению, ни одна из теорий не привела убедительных аргументов. Более того, попытка создать полную картину покушения на основе этих теорий приводит к огромным трудностям логического порядка. Другими словами, лично я предпочитаю придерживаться «простой версии», согласно которой Амир действительно стрелял в Ицхака Рабина, имея целью парализовать его. Он действительно ранил премьера, но отсюда еще не следует, что он убил его, то есть, что раны были непременно смертельными. Здесь мы приходим к основному узлу вопросов, который до сих пор не удалось разрешить, потому что основная информация скрыта от общественности, как мы немедленно увидим. Есть и другие, отнюдь не легкие вопросы типа криков «Холостые! Холостые!», но их, видимо, можно все же разрешить в пределах «простой теории», особенно если предположить, что планировалась некоторая «инсценировка» покушения, к которой Амир, впрочем, не имел никакого отношения (есть некоторые указания на эту возможность – косвенные и не абсолютные).

Узел сомнений

Узел сомнений связан с перевозкой раненного Рабина с площади Царей Израиля в больницу «Ихилов», где он скончался. Отчет о посмертном вскрытии (патологоанатома д-р Гиса) отметил, что позвоночник не был задет; однако отчет об операции упоминает «разможжение позвонка» (!), а официальный отчет о смерти, составленный в больнице, упоминает «осколки позвонка и ребра». Мы приводим дословные цитаты, и противоречие налицо. Если действительно был задет позвоночник, то раненного следовало перевозить привязанным к твердой доске, иначе движения позвоночника могут привести к смертельным последствиям. Фактически Рабин был доставлен на мягком сидении своего кадиллака, куда его запихивали, и откуда его вытаскивали в панике и не профессионально (за ноги и подмышки). Мало этого – не известно, сколько времени заняла сама поездка.

Вахтер больницы зарегистрировал время прибытия кадиллака – 21:52 – это основная реперная точка, и семь с половиной лет она была единственной. Но когда же прозвучали выстрелы? Шофер и Рубин, сопровождавший премьера в поездке, оценили ее время в 2-3 минуты. Я бы поостерегся полагаться на оценку людей находившихся в стрессе и по разным причинам

заинтересованным в сокращении времени поездки. Комиссия Шамгара решила иначе - она вычла 2 минуты поездки из реперной точки 21:52, и в отчете комиссии записано: покушение произошло приблизительно в 21:50. Нет никаких документов, подтверждающих это время.

Но кое-какие документы есть, и они были известны: в частности, они были в распоряжении комиссии (нам не известно, читала ли комиссия документы, которые были для нее собраны, или игнорировала их, как тот любительский фильм). Речь идет о двух полицейских отчетах – один называет приблизительно время 21:30, другой 21:45. Итого, мы получаем от 22 до 7 минут поездки (в скобках отмечу: обвинительное заключение называет время 21:45). Важно ли это время?

Д-р Клюгер оперировал Рабина в больнице «Ихилув» и в последствии давал показания на суде как свидетель обвинения. На вопрос о месте ранения он дал уклончивый ответ, что не было понято адвокатами, потому что весь контекст еще не был ясен тогда. Дословно Клюгер сказал следующее: «между позвоночником и лопаткой». Однако его подпись стоит под отчетом больницы, где говорится об «осколках позвонка», они же невозможны, если не было попадания в непосредственной близости к позвоночнику, т.е. не может быть и речи о лопаточной кости. По вопросу о времени поездки Клюгер не был опрошен и не дал разъяснений по собственной инициативе. Это случилось спустя 6 лет., в феврале 2001 г. Тогда он дал интервью газете «Гаарец», где сказал следующее (цитата не дословная, но точная по содержанию): «поездка не могла занять 2-3 минуты, потому что тогда мы успели бы его спасти. Поездка должна была занять 10-12 минут». Заметим: тот же отчет больницы, подписанный тем же Клюгером, говорит: «ориентировочное время – 4-5 минут». Итак, если поездка заняла 10-12 минут, то она «вложила свою лепту» в смерть Рабина? А если она заняла 22 минуты, по максимально возможной оценке (21:52-21:30)? Сколько же она заняла на самом деле, т.е. когда стрелял Амир?

Это и есть вторая реперная точка, и она обнаружилась сейчас с опозданием в 7 с половиной лет (снова отметим в скобках: это одно из коренных различий между судебным процессом, который следует закончить в разумный срок, и поисками истины, которые никакими временными рамками не ограничены).

Вторая реперная точка – 21:30

Сразу же после выстрелов воцарилась паника – но не надолго. Амира повалили, и несколько полицейских лежали на нем. Тем временем Рабина

запихали в кадиллак, и он уехал. Только после этого полицейские подняли Амира и побежали с ним к стене дома. Там его наскоро обыскали и допросили. Это произошло 2-3 минуты спустя после покушения (следует отметить, что реакция после выстрелов была быстрая). По воле случая камера израильского телевидения была как раз там, где надо, и «бег с Амиром» был снят и транслирован в реальном времени. Один дотошный исследователь обратил внимание, что в телевизионном ролике видна рука полицейского, а на руке видны часы. Часы с простыми стрелками, и на них без всякого труда и с абсолютной точностью читается время 21:32-21:33. Иными словами, мы получили вторую реперную точку времени, и продолжительность поездки можно теперь вычислить, а не «предположить» - 22 минуты. Даже считая, что часы у полицейского отставали, а у вахтера спешили (то и другое в разумных пределах), мы получаем не менее 17 минут чистого времени, что согласно Ключеру должно было привести к летальному исходу. Круг замкнулся. Но какой круг?

Вывод

Вырисовывается следующая картина:

- (1) Амир стреляет и попадает в позвоночник или совсем рядом с ним.
- (2) Эта рана не парализует Рабина немедленно, но несет в себе летальный потенциал при неловком обращении с раненым.
- (3) Рабин эвакуируем на мягком сидении и, возможно, сидя.
- (4) Видимо, минуты две спустя он начал терять сознание, и Рубин пытался оказать ему первую помощь.
- (5) В конкретных обстоятельствах данного ранения, стандартная первая помощь убивает раненого.
- (6) По каким-то причинам (первая помощь может быть одной из них) поездка затягивается на 20 минут при общей дистанции в 800 метров по прямой.
- (7) Даже по прибытии в больницу врачи почему-то не распознали поражения позвоночника, считая что имеют дело с «нормальной» потерей крови в результате пулевого ранения.
- (8) Совокупность всех причин привела к летальному исходу.

Все остальное – не более чем попытки скрыть эту фактологическую канву.

Кому и зачем это было нужно?

У каждого конкретного лица и у каждой группы были свои причины. ШАБАК, разумеется, не хотел, чтобы вдобавок к общему провалу системы охраны оказалось, что его человек причастен к затягиванию времени поездки. Врачи, разумеется, не были заинтересованы в том, чтобы подробности их ошибок стали известны. Суд просто запутался в юридических тонкостях и не был в состоянии провести логический анализ сложной ситуации. Комиссия Шамгара стоит особняком.

Отчет комиссии не так прост, как кажется с первого взгляда. Он содержит массу информации, компрометирующей ШАБАК и отдельных конкретных людей (личного водителя Рабина, например), но делает это довольно своеобразно. Компрометирующая информация организована таким образом, что требуется немалый труд, чтобы ее собрать, например, она разбрасывается по разным разделам, дается в противоречивых показаниях и пр. Судя по всему, составители отчета сознательно хотели скрыть известную им правду от общественности – но не от «истории». Это ни мало не оправдывает их в моих глазах – скорее, прямо наоборот.

Над всем стоит, как мне кажется, задача чисто психологического характера, если угодно ее можно назвать и пропагандистской. Сейчас перед Вами, мой читатель, лежат две версии события, т.е. два наратива, выражаясь современным языком. В одной версии, подлый убийца, подкравшись сзади, всадил в премьера две пули и убил его на месте. Эта версия впечатляет, в начале впечатление было еще сильнее, потому что говорили о ранении в грудь и о трех ранах (Амир стрелял три раза, но один раз промахнулся). Три это «сакральное число» всех легенд: три брата, три вопроса, три медведя – и три пули. Такова версия «впечатляющая».

По другой версии, подлый убийца ждал, пошлет ли ему Господь шанс стрелять. Если пошлет – значит решение его угодно, и он выстрелит. Если нет – значит он ошибался, или еще не пришел час. Но Узулай привел группу прямо к нему, и никто из охранников, как будто его не заметил (смотрят, но не видят). Террорист-любитель выстрелил, как и задумал – в позвоночник, и попал как и задумал – в позвоночник. Поездка затянулась, и премьер умер – это его уже не имеет к нему прямого отношения. Не правда ли, эта версия «шокирует» намного меньше? Что отнюдь не значит, что она правильна или не правильна.

Хотелось бы подчеркнуть: все сказанное не имеет абсолютно никакого

отношения к политической или моральной оценке самого факта покушения. Сказанное имеет отношение только к знанию истины. Это тоже – немало. С моей точки зрения, это даже – главное.

01.09.2003

[=ПРАЗДНИКИ](#) [=НА ГЛАВНУЮ](#) [=ТРАДИЦИИ](#) [=ИСТОРИЯ](#) [=ХОЛОКОСТ](#) [=ИЗРАНЕТ](#) [=НОВОСТИ](#)
[=СИОНИЗМ](#) =

